ERAL LIBRARY
IV. OF MICH.

Krasnyj Arkhiv

APR 24 1931

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ XLI—XLII

СОДЕРЖАНИЕ:

Алжирская конференция. — Февральская революция в Петрограде. — 25 лет назад (из дневника Л. Тихомирова). — В штабе адм. Е. Н. Алексеева (дневник Е. А. Плансона). — Проект протеста политической ссылки в 1888 г. — „Красная гвардия" в Риге в 1906 г. — Революционное движение в армии в 1905—1906 гг. и Николай II.

ЦЕНТРАРХИВ
1930

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1930 год
НА ЖУРНАЛ

НАУЧНОЕ СЛОВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СССР

III ГОД ИЗДАНИЯ

Ответственный редактор проф. О. Ю. ШМИДТ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Точные науки — академ. А. Ф. Иоффе, проф. В. Ф. Каган и прив.-доц. Э. В. Шпольский. Биология — проф. Н. К. Кольцов. Медицина — проф. А. И. Абрикосов. Обществоведение — акад. Н. И. Бухарин, проф. В. П. Милютин, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. И. К. Луппол. Техника — акад. Г. М. Кржижановский и проф. М. Я. Ляпиров-Скобло. Организация и гигиена умственного труда — прив.-доц. К. Х. Кекчеев.

ЖУРНАЛ

ПОСВЯЩЕН вопросам естествознания (точные науки, биология), медицины, техники, обществоведения, организации и гигиены умственного труда.

РАССЧИТАН на подготовленного читателя (педагога, врача, инженера, агронома, естественника, хозяйственника, партийного, профессионального и советского работника).

ИМЕЕТ постоянный состав сотрудников, в число которых входят крупнейшие ученые СССР, излагающие на страницах журнала результаты своих последних исследований.

ДАЕТ в каждом номере несколько крупных статей, посвященных успехам мировой науки и техники и критическому обзору новых научных теорий. Кроме того в каждом номере помещаются постоянные отделы „Из жизни науки" и „Библиография".

ОСОБЕННОСТЬ ЖУРНАЛА

НАУЧНОЕ СЛОВО охватывает громадный круг вопросов (естествознание — медицина — техника — общественные науки) и благодаря этому дает возможность своим читателям быть в КУРСЕ ВСЕХ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ;

ЗНАКОМИТ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С АКТУАЛЬНЕЙШИМИ ПРОБЛЕМАМИ НАУКИ В ЕЕ ЦЕЛОМ И СТАВИТ НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ В СВЯЗЬ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ;

дает рефераты наиболее интересных статей из советских и иностранных журналов и отзывы о наиболее интересных вновь выходящих книгах;

систематически освещает деятельность крупнейших научных учреждений СССР (Академии наук, Коммунистической академии, институтов НКЗдрава, НТУ, ВСНХ и т. д.);

имеет специальный отдел „Организация и гигиена умственного труда" (статьи, заметки, рецензии).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на год . . 8 р.
на 6 мес. . 4 р.
отдельный номер . . 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3, Моск. областн. отдел Госиздата „Московский рабочий" — Москва, Неглинный пр., 9; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ — ПЯТЫЙ
(СОРОК ПЕРВЫЙ — СОРОК ВТОРОЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-72739. П.-12. Гиз 42378.
Заказ № 1835. Тираж 1 800 экз. 13¾ п. л.

Россия и Алжезирасская конференция.

«В такой стране, как Марокко, дело идет не только о ввозе товаров на равных для всех условиях, но, быть может, еще в большей мере — о свободном соучастии в государственных концессиях или займах» [1]) — этими словами, сказанными сэру Эдуарду Грею, германский посол в Лондоне граф Меттерних довольно удачно выразил основной, достаточно типичный для эпохи финансового капитала, экономический смысл франко-германской борьбы за Марокко. Последующая попытка кн. Бюлова задним числом доказать, что в результате Алжезирасской конференции цели, — по крайней мере, главнейшие цели, — германской политики были так или иначе достигнуты, также оказалась неудачной, как и заранее обречена была на неудачу его реальная политика в мароккском вопросе. Поскольку соглашение о Марокко на основе компенсации не состоялось, Германия, отправляясь на Алжезирасскую конференцию, предприняла игру с негодными средствами. Международно-политическая ситуация сложилась к этому времени так, что Германия не могла рассчитывать на сколько бы то ни было серьезную поддержку: заключение англо-французской Антанты определяло общее направление, соглашение Франции с Испанией, и начавшиеся еще с 1902 г. соглашения с Италией не вызывали в Берлине радужных надежд. И только Марокко, о независимости которого формально так заботилась Германия, помогало последней, и то не сознавая этого и помимо своей воли: для незнающих европейских языков представителей Марокко приходилось переводить все переговоры, и без того бесконечно затянувшиеся. В создавшихся тогда условиях такая затяжка имела еще некоторый смысл для германской политики, искавшей опоры и предпринявшей довольно сложные маневры, чтобы взорвать англо-французскую Антанту или, по меньшей мере, предотвратить надвигающуюся изоляцию. Опубликованные документы показывают, как твердо и неуклонно лондонская политика своей позицией в Алжезирасе поддерживала только-что скованную систему англо-французской Антанты, и каких усилий стоило Германии выпутаться из тех сетей, которые вокруг нее сплелись на конференции.

Английская политика, будучи на сей раз более французской, нежели политика самой Франции, рассчитана была на обострение франко-германских отношений, на создание для Германии обстановки напряженной изоляции и, в конечном счете, на срыв конференции, но с тем, чтобы ответственность за этот срыв можно было возложить формально на ту же Германию. «Если конференция должна быть сорвана, — инструкти-

[1]) Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. XXI, № 6923.

ровал Грей английского уполномоченного в Алжезирасе Никольсона, — Франция не должна попасть в такое положение, которое может создать впечатление, будто она несет вину» [1]). Публикуемое ниже донесение Клемма (от 21/8 февраля 1906 г.) довольно четко передает настроение англо-индийских кругов, «с напряженным вниманием» следивших за перипетиями Алжезирасской конференции: «Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается... и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись при этом своими боками. В военных кругах считают, — указывает далее Клемм, — что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику». Любопытно, в этой связи, то, что передаваемые Клеммом слухи о планах «быстрого уничтожения германского военного, а затем и коммерческого флота соединенными английским и французским флотами», а также о планах удара стотысячной армией на Германию через Голландию имели под собой достаточно реальное основание. По сообщениям германского военного атташе в Лондоне графа фон Шуленбурга, считавшего выступление Англии безусловным, в случае франко-германской войны, проектировалось три варианта переброски английской экспедиционной армии (100—150 тыс. чел.) против Германии: через Кале и Дюнкирхен, через Шлезвиг и Данию, через Антверпен — Бельгию [2]). Последний путь Шуленбург считал наиболее вероятным, и, таким образом, на 22-й день со дня объявления мобилизации английская армия могла бы уже участвовать в военных операциях против Германии.

Если это сообщение сопоставить с теми опубликованными в Германии и в Англии данными, которые освещают известные теперь переговоры, происходившие в Брюсселе между английским военным атташе Бернардистоном и начальником бельгийского генерального штаба Дюкарном, то картина военных приготовлений Англии, рассчитанных на войну с Германией, будет достаточно полной. Французские военно-морские круги не без основания, таким образом, считали не только дипломатическую, но и военно-оперативную поддержку Англии против Германии фактом, не подлежащим сомнению [3]). И то, что Клемм довольно легко сумел прочитать на лицах представителей английского империализма и военщины в Индии, то другой русский дипломат, Сазонов, имел возможность достаточно отчетливо услышать из уст самого ответственного руководителя английской внешней политики — сэра Эдуарда Грея. Заявление последнего о том, что создавшаяся на конференции ситуация несет в себе зародыш «дальнейших международных осложнений, последствий которых в данную минуту невозможно предугадать, — может быть понято только в общем контексте усилий британской политики нанести Германии решительное дипломатическое поражение. Высказанные Сазонову предположения о том,

[1]) British Documents on the Origins of the War 1898—1914. Edited by G. Gooch and Harold Temperley. III, № 278.

[2]) Die grosse Politik, XXI. № 6946.

[3]) British Documents, III, № 282.

что «конференция прервет свои заседания, не разрешив вопросов, ради которых она была созвана», имели отнюдь не академический характер: слова Грея в данном случае не расходились с его делами, не только считавшимися с возможностью срыва конференции, но и, в последнем счете, рассчитанными на этот срыв.

Неудивительно, что и французский посол в Лондоне Камбон так твердо надеялся на английский либеральный кабинет и что Сазонов в беседе с Греем счел удобным затронуть вопрос «о ведущихся Англией обширных приготовлениях на море». Сопоставление публикуемой ниже записи этой беседы с уже опубликованным английским изложением ее содержания вскрывает некоторые, весьма существенные, расхождения.

Осторожный и не без тревоги сделанный Сазоновым вопрос об антигерманских приготовлениях английского адмиралтейства Грей понял, а вернее, пытался изобразить, как русскую санкцию своих военно-морских мероприятий. В решительные моменты жизни Алжезирасской конференции добиваясь в Петербурге энергичного и недвусмысленного выступления в пользу Франции, Грей и тут, дав весьма расширенное толкование вопросу русского дипломата, рассчитывал на то, чтобы связать петербургскую политику и ликвидировать малейшие ее колебания в сторону поддержки Германии даже в вопросах второстепенного порядка. Для царской России, только-что побитой на Дальнем Востоке и охваченной животным страхом перед поднявшимся революционным шквалом, эти колебания были неизбежны. Германия довольно поздно убедилась, что можно было бы и не созывать конференции, если Франция под международной организацией полиции подразумевала только международную передачу Франции общего полномочия [1]). Петербургское же правительство с самого начала добивалось того, чтобы поставленные на конференции вопросы были разрешены как можно скорее, и притом мирным путем, иначе не было никакой надежды реализовать на международном,— в первую очередь, парижском — финансовом рынке заем, столь необходимый царизму для подавления революционного движения. Еще в начале 1904 г., в ответ на советы «легкомысленного» (характеристика Витте) Нелидова приступить к реализации займа после победы над японцами, Коковцов с раздражением писал: «Все это прекрасно, если бы не напоминало мне уравновешенного разговора о преимуществах той или другой кухни, который ведет сытый человек с голодным» [2]). «При наличии огромных сумм, поглощаемых этой ужасной войной, — писал Ламздорф в марте 1904 г , — придется в недалеком будущем отыскивать золото во что бы то ни стало. Когда же придется выбирать между мнением тех, которые несут прямую ответственность в вопросах внешней политики, и настояниями тех, которые отвечают за состояние казны и распоряжаются ею, то весьма вероятно, (что победят последние,— тем более, что их аргументы основаны на том неоспоримом факте, что дважды два — четыре, а не пять, между тем как наши — менее точны и обычно относятся к предугадыванию событий, правильность которых доказывается лишь с течением времени и, увы, слишком поздно» [3]).

---

[1]) Телеграмма Бюлова Шену в Петербург от 14 февраля 1906 г., № 34.

[2]) Письмо Коковцова гр. Ламздорфу от 22 (9) марта 1904 г. (копия хранится в Архиве Революции и Внешней Политики).

[3]) Письмо гр. Ламздорфа Нелидову от 31 (18) марта 1904 г.

К моменту, когда в захолустном испанском городке заседала международная конференция, наиболее сильным аргументом для царского правительства являлась русская революция. На карту поставлена была судьба российской монархии и всего ее социально-политического уклада, и в таких условиях для внешней политики царской России привести доказательства своей дееспособности слишком поздно значило не привести их никогда. Царской дипломатии пришлось отдать себя в распоряжение тех, кто должен был наиболее быстро разрешить простую, как «дважды два — четыре», политическую задачу: предоставить свою дипломатическую поддержку в вопросах международной политики с тем, чтобы взамен этого получить финансовую помощь для разрешения основного вопроса внутренней политики — подавления революции. До тех пор, пока Франция не добьется благожелательного разрешения вопросов, обсуждавшихся в Алжезирасе, «никакая большая финансовая операция немыслима», — этот тезис парижских банкиров Нелидов должен был передавать в Петербург в каждой телеграмме. И это звучало там достаточно императивно. Однако политико-дипломатическая задача от этого не становилась менее сложной. Категорическая поддержка Франции грозила срывом конференции, т. е. на ближайшее время потерей возможности, ввиду напряженности франко-германских отношений, реализовать заем. К тому же часть займа предполагалось разместить в Германии. Все это определяло те примитивные и судорожные акции, которые русская политика предпринимала то в Париже, то в Берлине, то в Алжезирасе, лишь бы добиться скорейшего и притом «благополучного» завершения работ конференции. Для царской России, провоцируемой Англией, срыв конференции рисовал не более благоприятную перспективу, чем проводимая Германией политика затягивания переговоров. Отсюда и закулисная возня в поисках почвы «для полюбовного решения вопроса» и весь незатейливый арсенал аргументов в пользу такого решения.

Но если в Париже по необходимости приходилось больше слушать, чем говорить, то в Берлине, нуждавшемся в поддержке, приходилось прибегать к самым различным способам доказательства необходимости итти на уступки. Намеки на возможность «сближения, через посредство России, между Германией и Францией» не вызывали в Берлине особенного интереса, да и не могли вызвать, так как слишком еще свежо было впечатление от разорванного Россией договора в Биорке. Кроме того, податливость России влиянию английской политики в Алжезирасе не могла пройти незамеченной. Далее русской дипломатии пришлось выдвинуть еще более значительный аргумент: необходимость подавления «революционного движения, имевшего уже отголосок в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ». Германский ответ, по существу, предвосхищал то, что спустя 17 лет, в годы оккупации Рура ответили американские власти, к которым представители германской политики обратились тогда за помощью, угрожая возможностью большевизации Европы [1]): это было циничное напоминание о том, что правящие классы в первую очередь руководствуются политикой самосохранения. Малейшие попытки поддержать

[1]) Henry T. Allen. The Rheinland occupation, 1927, p. 275.

Германию в вопросах второстепенного порядка были для парской политики столь же опасны, сколь опасно было бы до конца поддерживать притязания своей союзницы. Отсюда — обращенная к Берлину мольба итти на уступки — мольба, сменяемая то угрозой, то попыткой устроить компромисс. Однако малейший намек на то, что позиция России минимально приблизилась в сторону Германии, вызывал сильнейший нажим как со стороны Франции, так и со стороны Англии — и в результате следовало на конференции резкое выступление России в пользу Франции и даже попытка организовать в Вене «некоторое давление на берлинский кабинет». Тревога, охватившая, было, петербургскую дипломатию в связи со сменой в Париже министерства и появлением у власти Пуанкаре и Клемансо, быстро улеглась: будущий автор Версальской системы принес, как передает Нелидов, «повинную своим благожелательным расположением, столь необходимым для успешности нашего займа». Французские «левые» с самого начала оказались не так страшны. Получив реальную поддержку русской дипломатии в Алжезирасе и удовлетворившись формальной отпиской о юридической правомерности русского займа «до думы», они честно заплатили своим содействием проведению финансовой операции.

Алжезирасская конференция закончилась. Царизм получил возможность одержать над революцией временную победу.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики.

А. Ерусалимский.

Проект секретной инструкции российскому первому уполномоченному на международной конференции по делам Марокко д. т. с. графу Кассини [1]).

Вашему сиятельству хорошо, конечно, известны обстоятельства, приведшие к созыву международной конференции по марокканским делам, в среде которой вы призваны, с высочайшего его императорского величества соизволения, быть, совместно с министром резидентом нашим в Танжере, представителем России.

Переговоры по вопросу о предстоящих судьбах шерифского государства в течение двух последних лет занимали всеобщее внимание, и правительства заинтересованных держав постоянно держали в курсе дела общественное мнение Европы. При таких условиях едва ли представляется необходимым в настоящей инструкции сколько-нибудь подробно указывать на развитие марокканского вопроса во всех его подробностях.

Тем не менее почитаю долгом остановиться на некоторых имеющихся в министерстве иностранных дел данных, в которых вы можете почерпнуть небесполезные указания относительно той роли, которую

[1]) Заголовок подлинника, на котором имеется помета: «Царское Село. 22 ноября 1905 г.»

играли и намерены в будущем играть в настоящем вопросе отдельные европейские государства.

Определяющее значение в новой истории Марокко принадлежит англо-французскому соглашению 1904 г., послужившему исходной точкой последующей дипломатической кампании. Декларацией, подписанной в Лондоне 8 апреля 1904 г., Англия, взамен уступок по другим политическим вопросам, предоставила Франции преимущественное положение в Марокко. Статья вторая декларации гласила: «Правительство его британского величества признает, что Франции принадлежит, как сопредельной с Марокко на большом пространстве державе, блюсти за спокойствием в этой стране и помогать ей во всех реформах административных, экономических, финансовых и военных, в коих она нуждается».

Мирное завоевание, которое, казалось, республике удалось посредством этой декларации сделать на северо-западном побережьи Африки, встречено было с живейшей радостью во Франции, и первое время представлялось более чем вероятным, что ничто не помешает ей воспользоваться плодами декларации 8 апреля и утвердить свое влияние в пределах султаната. Дипломатические условия в 1904 году складывались самым благоприятным образом. Императорское правительство, узнав о заключении декларации 8 апреля, поспешило заявить о своем сочувствии; начатые вслед за подписанием Лондонского акта переговоры с Испанией вскоре привели, равным образом, к благополучному результату; еще ранее того Франции, насколько известно, удалось заручиться поддержкою Италии; наконец, германский канцлер в апреле 1904 года заявил в рейхстаге, что англо-французским соглашением устраняются недоразумения между двумя прежде враждебными друг другу державами, каковое обстоятельство, укрепляя шансы на сохранение европейского мира, весьма выгодно для Германии.

Лучшим доказательством того, насколько было уверено французское правительство в совершенной твердости достигнутого результата, служит факт проявленного им отсутствия всякой поспешности в деле осуществления вытекавших из англо-французского соглашения прав. Лишь к концу 1904 года оно собралось снарядить дипломатическую миссию в Фец, имевшую целью заставить султана признать воздействие республики в сфере марокканской администрации и финансов; к тому времени однако, когда миссия достигла резиденции султана и вступила в переговоры с ним, обнаружилось, что уверенность в легкости фактического захвата Марокко, которую проявлял г. Делькассе, не вполне отвечала обстоятельствам. Совершенно неожиданно для французских государственных людей оказалось, что им придется считаться с враждебной волею державы, в сущности,

до того времени мало интересовавшейся судьбой Марокко, но всегда проявлявшей в своей внешней политике недюжинную энергию. В начале марта 1905 года стало известно, что император германский во время предпринятого им плавания по Средиземному морю остановится в Танжере. Французский министр иностранных дел, делясь в беседе с императорским послом впечатлениями по поводу этого известия, указал, как неприятна для Франции совершенно неожиданная попытка вмешательства Германии в дела Марокко, но, вместе с тем, высказывал уверенность, что попытка эта не будет иметь особого значения. Оптимизм г. Делькассе не нашел себе оправдания в последующих событиях. На деле германское правительство совершенно серьезно и с твердой настойчивостью задумало разрушить созданное усилиями г. Делькассе дело. Для этого оно пустило в ход все средства, коими оно располагало. Прежде всего оно постаралось внушить в Фецe убеждение, что Германия поддержит независимость шерифского государства, и тем заставило Махзен отклонить все домогательства миссии г. Сэн Рене Тайандье; затем оно постаралось доказать французам, что действительно готово защищать эту независимость, даже рискуя войной в Европе, что вызвало полный раскол среди французского правительства и отставку г. Делькассе, покинутого всеми своими товарищами по кабинету; наконец, оно измыслило несколько искусственную теорию, будто решение марокканских дел, ввиду существования Мадридской конвенции 1880 года, принадлежит совокупности европейских держав, и сумело провести в жизнь эту теорию, едва ли отвечающую специальному содержанию указанной конвенции, посвященной, главным образом, вопросу о положении европейских «протеже» в Марокко.

Французские государственные люди пытались оказать противодействие этой враждебной политике, но безуспешно, и, в конце концов, должны были примириться с той постановкой, которую Германия пожелала дать марокканскому вопросу.

В результате, вместо перспективы беспрепятственного мирного проникновения в Марокко, Франция стоит теперь перед необходимостью в среде европейской конференции отстаивать свое право на сколько-нибудь активную роль в направлении марокканских дел. Соглашение, подписанное ею и Германией в Париже, ставит совершенно определенные рамки будущим работам Алжезирасской конференции, и только в узких пределах их Франция в состоянии теперь защищать свои интересы в шерифском государстве.

Прилагая при сем для сведения и руководства вашего сиятельства копию выработанной означенным соглашением программы предстоящей конференции, имею честь сообщить, что мною дополнительно препро-

вождена будет к вам копия той инструкции, которою снабжен будет французский представитель на конференции. Из документа этого вы усмотрите, какие пожелания и надежды связаны для французского правительства с работами предстоящего международного собрания.

Императорское правительство надеется, что французским уполномоченным удастся провести в жизнь означенные пожелания и что, хотя бы в новой, гораздо менее выгодной и более узкой форме, они в состоянии будут отстоять преимущественное положение своей родины в султанате.

На нашей обязанности, как союзной державы, лежит принять все находящиеся в нашем распоряжении меры к тому, чтобы облегчить Франции достижение означенной цели. Россия находится в этом отношении в особенно благоприятном положении. Ни с одним из четырех основных вопросов, включенных в программу конференции, у ней не связано никаких личных пожеланий, и она может поэтому оказывать в них неограниченную поддержку Франции. Такое обязательство императорское правительство уже взяло на себя в недавних объяснениях, которые посол в Париже имел с г. Рувье, и в сих видах французское министерство иностранных дел выразило готовность заранее доверительно сообщить нам ту инструкцию, которую оно даст г. Ревуалю и о которой упомянуто мною выше.

Но поддержкою Франции не должна ограничиваться предстоящая вам в качестве представителя России на конференции в Алжезирасе задача. Нет сомнения, что не все державы, которые будут участвовать в конференции, будут одушевлены одинаковым желанием помочь Франции в ее стремлении оградить свои преимущественные интересы в Марокко. Если Франция может, вероятно, вполне рассчитывать на содействие таких связанных с нею договорами держав, как Англия, Италия и Испания, то со стороны других государств, с Германией во главе, едва ли следует ожидать вполне благоприятного отношения к французским требованиям.

Трудно с совершенной определенностью установить, какими мотивами руководствуется Германия в своей политике по марокканскому вопросу. Одно время могло казаться, что император Вильгельм, выступая в качестве активного деятеля в настоящем вопросе, имел прежде всего в виду намерение достигнуть удаления г. Делькассе, в котором его величество видел, по собственному его выражению, опасного для интересов Германии «министра иностранных дел короля Эдуарда на континенте». Нет сомнения однако, что, достигнув означенной цели, император Вильгельм не остановился. Поддержанный германским общественным мнением, он связал с марокканской своей политикой задачи еще и иного порядка. Могущественное развитие германской промышленности и торговли заставляет имперское

правительство где только возможно охранять принцип «открытых дверей» и противиться односторонним захватам торговых рынков. Деятельность графа Таттенбаха в Феце и то внимание ко всем подробностям экономического и финансового свойства, которое германская дипломатия обнаруживала во время переговоров относительно программы конференции, наглядно доказали, что имперское правительство стремится к достижению только-что указанной цели и в отношении Марокко.

При таковых условиях более чем вероятно, что во многих случаях интересы Франции и Германии будут сталкиваться во время заседаний конференции. В интересах общего мира было бы весьма желательно, чтобы все подобные столкновения были без замедления улаживаемы. В этом отношении ваше сиятельство и второй уполномоченный России, близко знакомый с условиями марокканской действительности, могли бы оказать не маловажную услугу Франции и интересам всеобщего мира. Вы могли бы заявить французской делегации при открытии работ конференции, что готовы в случае необходимости взять на себя посредническую роль для устранения могущих возникнуть затруднений. По сведениям, сообщенным императорским послом в Париже, французское общественное мнение с благодарностью оценило вмешательство статс-секретаря графа Витте в разрешение франко-германской распри при возвращении его из Портсмута; несомненно, что французское правительство и во время предстоящих переговоров может встретить надобность в подобном посреднике, и представители России могут вновь оказать ему существенную в этом смысле услугу.

Таковы те основные указания, которыми императорское правительство считает полезным снабдить своих представителей на конференции в Алжезирасе. Вполне надеясь на успешное выполнение вашим сиятельством и д. с. с. Бахерахтом возлагаемой на вас задачи, министерство иностранных дел будет ожидать от вас подробных сообщений о ходе работ предстоящей конференции и снабдит вас своевременно всеми теми указаниями по частным вопросам, кои вы признаете соответственным во время конференции запросить из С.-Петербурга.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Кадикс. 3 (16) января 1906 г.

Сегодня состоялось открытие конференции. Президентом избран герцог Альмодовар [1]). Вступительная речь президента, в миролюбивом

[1]) Герцог Альмодовар-дель-Рио, первый уполномоченный Испании на Алжезирасской конференции.

духе, произвела благоприятное впечатление. На очереди будущего заседания стоит вопрос о контрабанде оружия. Французские и немецкие делегаты обменялись несколькими словами, определяющими, что основою прений должны служить суверенитет султана и неприкосновенность его территории при соблюдении в коммерческом отношении принципа открытых дверей.

Граф Кассини.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 23 (10) января 1906 г.

Вчера — второе заседание конференции, посвященное ознакомлению с мерами по борьбе с контрабандой оружия. Переговоры по этому поводу потребуют 2-х или 3-х заседаний и не вызовут серьезных трений, так как вопрос о надзоре на море до времени намеренно не ставится на обсуждение. Атмосфера на конференции продолжает оставаться наружно спокойной, так как к рассмотрению жгучих вопросов пока не приступали, но я вынес неблагоприятное впечатление из моих разговоров с Таттенбахом [1]), крайняя заносчивость которого и надменные, подстрекающие и непримиримые слова — заставляют предвидеть, что переговоры по вопросам о финансах и особенно о полиции примут более чем крутой оборот. Если Таттенбах действительно выражает чувства германского правительства, — шансы на окончательное соглашение кажутся мне весьма гадательными. Таково, кажется, и мнение Висконти [2]), намерения которого вполне мирные. С помощью Бахерахта, чье глубокое знание Марокко приносит мне большую пользу, — я делаю все от меня зависящее, чтобы оказать поддержку Франции, согласно вашим предписаниям. Поведение французских представителей корректно, сдержанно и твердо.

Граф Кассини.

Телеграмма Ламздорфа Кассини [3]).

29 (16) января 1906 г., № 57.

Из полученных от вас сведений явствует, что занятия конференции до сего времени не вызывали никаких шероховатостей; обстоя-

---

[1]) Граф ф. Таттенбах, германский посланник в Лиссабоне в 1897—1908 гг., второй уполномоченный Германии на Алжезирасской конференции.

[2]) Маркиз Висконти-Веноста, представитель Италии на Алжезирасской конференции.

[3]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета рукою Николая II: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа «Царское Село, 16 января 1906 г.»

тельство это однако не служит еще ручательством благополучного ее исхода, тем более, что самые жгучие вопросы отложены на последующие заседания.

Не теряйте из виду, что, хотя Россия не имеет прямых интересов в Марокко, тем не менее по многим политическим соображениям для нас представляется крайне важным не только мирное решение задачи конференции, но и возможно скорейшее завершение ее, что положит конец нынешней общей напряженной неизвестности, затрудняющей устройство финансовых операций.

В этих видах представляется, быть может, целесообразным, чтобы вы вошли с некоторыми из ваших коллег в доверительное соглашение для более активного и примирительного воздействия на ход занятий конференции.

При обмене взглядов с вашими коллегами вы, несомненно, найдете способы для полюбовного урегулирования самых тревожных вопросов, что значительно ускорит и упростит труды конференции.

Сообщите о настроении и образе действий других представителей, в особенности английского и американского.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа росс. послу в Париже Нелидову.

Сообщается Кассини в Алжезирас.

30 (17) января 1906 г., №№ 68 и 69.]

Из весьма секретного источника мы осведомились, что в Берлине составилось убеждение, будто Франция привыкает к мысли о том, что конференция не согласится на передачу ей общего полномочия относительно Марокко.

Берлинский кабинет, видимо, отнесся с большим сочувствием к нижеследующим взглядам, высказанным в одном из органов французской печати, а именно: общее положение является безнадежным и даже нежелательным для Франции. Точно также нецелесообразно учреждение корпуса международной полиции. Остается только передать султану организацию полиции в его владениях, назначить ему на это известные средства и учредить международный контроль по расходованию этих средств и вообще осуществлению этого плана. Франция приобрела бы симпатию, если бы она предложила в Алжезирасе этот проект.

Берлинский кабинет поддержал бы этот проект, не видя в нем угрозы для продолжительного сохранения принципа открытых дверей.

Можете доверительно сообщить изложенное г. Рувье.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 1 февраля (19 января) 1906 г.

Статьи здешних газет, понравившиеся в Берлине, вовсе не отвечают взгляду французского правительства на марокккский вопрос. Здесь полагают, что они внушены немцами. Рувье считает предоставление устройства полиции султану, даже под контролем держав, совершенно недопустимым. Он без содействия иностранных элементов ничего путного устроить не в состоянии. Предоставленный самому себе, он пригласит германских инструкторов или офицеров, на что Франция никак согласиться не может. Здесь единственным практическим исходом считают предоставление устройства полиции Испании и Франции, и то лишь в главных портах. Об остальных частях Марокко, а равно о передаче Франции общего полномочия, против которого так восстают германцы, нет и речи. Я изложил подробно французский взгляд на дело в доверительной депеше, отправленной сегодня с верною оказиею. Рувье поручил уехавшему сегодня же в С.-Петербург Рафаловичу сказать Витте, что, несмотря на его горячее желание содействовать заключению нами в марте крайне необходимого займа, ввиду настоящего тревожного настроения денежного рынка никакая большая финансовая операция немыслима, пока не снят будет удручающий гнет, причиняемый неизвестностью об исходе Алжезирасской конференции.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 6 февраля (24 января) 1906 г.

Конфиденциальные переговоры между делегатами по вопросу о полиции продолжаются [1]). Немцы пробуют склонить некоторые державы на свою сторону, но безуспешно. Проект поручить организацию полицейского надзора султану — раскрыт, германские делегаты в смущении и не знают, что предложить. Ревуаль полагает, что Берлин не вполне осведомлен своими делегатами, которые, быть мо-

[1]) В состоявшемся 3 февраля (21 января) конфиденциальном обмене мнений по вопросу о полиции французский делегат на конференции Ревуаль требовал предоставления Франции мандата на организацию полицейского надзора, выразив при этом согласие «в случае надобности» разделить мандат с Испанией. Английский делегат в присутствии Радовица (первого германского уполномоченного на конференции) высказался о своей готовности «неуклонно поддерживать всякое предложение Франции». (тел. графа Кассини от 4 февраля (22 января) 1906 г.).

жет, не осмеливаются донести своему государю, что преобладающее настроение умов в Алжезирасе благоприятно для Франции, и признаться в практической неосуществимости марокккского проекта — предоставить султану самому восстановление своего авторитета, который он оказался не в состоянии поддержать. Французский делегат считает совершенно необходимым, чтобы император Вильгельм был точно информирован какой-либо нейтральной державой и склонен к принятию последнего предложения Франции, в настоящий момент ясно формулированного, сущность которого в принципе — разделение работы по созданию полиции между Францией и Испанией. Последняя усмотрела бы в предоставляемой ей роли способ упрочить политическое положение, столь трудное для молодого короля, снискавшего себе симпатии германского императора. Я опасаюсь, как бы отклонение Германией этого предложения, служащего новым доказательством умеренности Франции, не усложнило еще больше создавшейся ситуации, и без того довольно запутанной. Это мнение разделяется громадным большинством делегатов [1]).

Граф К а с с и н и).

Телеграмма Ламздорфа послу в Берлине Остен-Сакену [2]).

Сообщена Кассини в Алжезирас.

С.-П е т е р б у р г. 7 ф е в р а л я (25 я н в а р я) 1906 г., №№ 100 и 101.

За № 2 вам передается телеграмма графа Кассини [3]) относительно препятствующего успешному ходу конференции серьезного разногласия между Францией и Германией по поводу организации полиции в Марокко.

Ввиду того, что благополучное завершение трудов конференции в скорейшем времени представляется для нас весьма важным, было бы желательно попытаться склонить берлинский кабинет к более уступчивому образу действий по отношению к Франции, давшей доказательства своего искреннего желания разрешить спорный вопрос в примирительном духе.

---

[1]) На телеграмме помета: «Я думаю, что эту телеграмму такой, как она есть, надо передать за № 2 графу Остен-Сакену и телеграммой за № 1 предложить последнему воспользоваться ею для осведомления кн. Бюлова и осторожного воздействия на него. — Л а м з д о р ф».

[2]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 25 января 1906 г.»

[3]) См. тел. Кассини от 6 февраля (24 января) 1906 г.

Вы могли бы поэтому самым доверительным и осторожным образом объясниться с князем Бюловым, поделившись с ним заключающимися в телеграмме графа Кассини сведениями и соображениями в пользу принятия французского проекта об устройстве полиции.

Граф Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 7 февраля (25 января) 1906 г.

По полученным из Алжезираса известиям, германский первый уполномоченный имел предварительные объяснения о способе устройства марокккской полиции в частных разговорах с итальянским и американским представителями. Они заявили ему, что, по их убеждению, далее согласия на устройство полиции совместно с Испанией Франция ни в каком случае не пойдет. Радовиц передал это в Берлин и ждет ответа, который будет решающим для исхода конференции. Я мог со своей стороны удостоверить справедливость этого мнения, и нам были бы в высшей степени признательны здесь, если бы, в видах обеспечения успешного исхода конференции, мы могли воздействовать на берлинский кабинет, дабы убедить его, что далее, чем вышеупомянутый раздел полиции с Испанией, ни французский уполномоченный, ни министерство уступить не могут; их не поддержит общественное мнение. В отношении же торговли и открытых дверей Франция готова на самые широкие уступки. Для нас крайне необходимо, чтобы конференция окончилась благополучно, ибо только под этим условием возможно заключение столь нужного нам займа; это, повторил мне первый министр, громко говорят все банкиры, с тревожным нетерпением ожидающие окончания конференции.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 8 февраля (26 января) 1906 г.

Лично.

В положении в Алжезирасе, повидимому, наступает критический и решительный момент. Все зависит от решения, которое будет принято в Берлине в отношении тех крайних уступок, которые Франция считает для себя возможными, разделяя с Испанией свои полномочия по организации полицейского надзора, — комбинации, одобряемой всеми остальными державами. Здесь возлагают все надежду на непосредственное вмешательство нашего августейшего повелителя перед императором Вильгельмом, который один способен

выполнить обещания, данные им нам и Франции, показать себя сговорчивым на конференции. Тем не менее полномочные представители Германии еще не дали никаких доказательств своей сговорчивости, все уступки до сих пор были сделаны Францией. Если конференция закроется, не решив вопроса о полиции, в Марокко, где (и без того) ежеминутно может возникнуть конфликт между державами, создастся вдвойне угрожающее положение.

Нелидов.

Депеша Нелидова.

Париж. 8 февраля (26 января) 1906 г., № 7.

Доверительно.

Из телеграммы, отправленной мною сегодня ночью, ваше сиятельство могли осведомиться о положении в Алжезирасе самого жгучего из вопросов, подлежащих рассмотрению тамошней конференции, — обеспечения безопасности и устройства полиции в портовых городах.

Тщательно воздерживавшиеся до сих пор от каких-либо разговоров по этому предмету немецкие делегаты прервали, наконец, свое молчание, и гг. Радовиц и Таттенбах имели частные объяснения с некоторыми из своих сотоварищей и из представителей печати.

Самые важные по своему существу разговоры имели с первым германским уполномоченным маркиз Висконти Веноста и американский посол Уайт. Оба сообщили их содержание французскому делегату, доселе еще не предъявлявшему требования Франции о предоставлении ей общего полномочия для устройства полиции.

Как г. Висконти Веноста, так и Уайт выразили мнение, что общего полномочия Франция не получит, но заявили, вместе с тем, германскому своему товарищу, что крайняя уступка, на которую, по их мнению, может согласиться Франция, будет состоять в том, чтобы устройство полиции было поручено ей совместно с Испанией, как двум соседним с Марокко государствам, наиболее знакомым с местными условиями.

Г. Радовиц передал эти заявления в Берлин и ждет ответа, который надеется получить не позже конца недели.

Сообщая мне эти подробности из подлинных телеграмм г. Ревуаля, первый министр подтвердил, что Франция расположена сделать все возможные уступки в финансовых и торговых вопросах, но считает себя в праве надеяться, что в деле полиции будут приняты в соображения ее вполне основательные требования. Она готова при этом обставить дело так, чтобы другие державы были точно осведомлены о способе применения данных ей полномочий.

Так как разрешение этого вопроса составляет самую существенную точку ведущихся в Алжезирасе переговоров, то парижский кабинет придает огромное значение тому, чтобы оно было благоприятно. Неизвестность по этому предмету продолжает удручать как общественное настроение, так и расположение биржи, где все дела откладываются до окончания конференции. В этом последнем отношении в высокой степени заинтересована и Россия, до крайности нуждающаяся в большом займе, а таковой, по уверениям г-на Рувье, подтвержденным мне банкирами, может состояться только в случае счастливого исхода конференции. Тогда, по всем признакам, на бирже тотчас явится расположение к обширным предприятиям, и выйдут наружу накопленные в большом количестве, но припрятанные ныне свободные капиталы. Ввиду всех этих обстоятельств, г. Рувье еще раз выразил мне желание, чтобы императорский кабинет употребил свое влияние в Берлине для воздействия на тамошний кабинет в смысле более сговорчивого отношения к притязаниям Франции, и с этою целью удостоверил, что согласие на устройство полиции при содействии Испании составляет крайний предел уступок, которые здешнее правительство в состоянии сделать. Если, как со стороны Германии было многократно заявлено, она искренно желает соглашения и намерена сделать Франции обещанные при предварительных переговорах облегчения, то теперь к тому наступила крайняя минута.

От решения, имеющего теперь быть принятым в Берлине по этому вопросу, будет зависеть судьба конференции, а с нею или всеобщее успокоение или продолжение тревожного настроения, составляющего опасность и угрозу для европейского мира и благосостояния.

Нелидов.

Депеша Остен-Сакена.

Берлин. 10 февраля (28 января) 1906 г.

Весьма секретно.

Граф, как я уже имел честь сообщить вам телеграммой, [1]) имперский канцлер мог уделить мне вчера для переговоров лишь очень поздний час, а потому я был лишен возможности составить подробное донесение к отъезду дипломатического курьера. Я задержал на 24 часа молодого Муравьева, который, привезя сюда письма из Рима, возвращается из Берлина в Петербург с пустыми руками. Это дает мне возможность дополнить содержание моих трех длинных телеграмм, посланных сегодня ночью, и направить вам копию черновиков госу-

[1]) От 9 февраля (27 января) 1906 г.

дарственной канцелярии, содержащих инструкции Радовица и циркуляр, которые вам даст прочесть г-н де Шен.

Неожиданное осложнение, возникшее в Алжезирасе, по словам князя Бюлова, явилось по вине полномочных представителей Франции. Обсуждение наиболее важного пункта Алжезирасской программы — реорганизации полицейского надзора — было отложено намеренно, чтобы дать возможность подготовиться к нему путем предварительного обмена мнений между полномочными представителями, имеющим целью привести последних к какому-либо соглашению. Для этой же цели предполагалось поставить на повестку дня вопрос об учреждении банка в обеспечение верного и постоянного источника для покрытия издержек, которых потребует организация полиции.

Неожиданно г. Ревуаль прервал переговоры относительно банка и настоял, чтобы на повестку дня было поставлено обсуждение предложений, касающихся организации полиции.

Кроме того, положение осложнилось благодаря требованию Франции, которая, вопреки словесному обязательству, взятому на себя г. Рувье в сентябре, подробно изложенному в секретной телеграмме, посланной сегодня ночью [1]), хочет во что бы то ни стало добиться полномочия на организацию полиции для морской зоны Марокко. По мнению канцлера, уступка, сделанная Германией после переговоров Розена в Париже, — предоставить исключительно Франции организацию полицейского надзора на всем протяжении ее алжирской границы, — уже обеспечивала ей крупное влияние в Марокко и составляла не лишенное цены доказательство мирных намерений Германии. Присоединение Испании к выполнению предоставляемых Европой полномочий, о котором хлопочет Франция, берлинским кабинетом не было принято всерьез; последний склонен скорее рассматривать его как шаг к отказу от стремлений к своему привиллегированному положению в Марокко.

---

[1]) Имеется ввиду следующее место телеграммы от 9 февраля (27 января), в которой граф Остен-Сакен, более кратко по сравнению с публикуемой депешей, передавал содержание своей беседы с германским канцлером: «Во время переговоров г. Розена в Париже в сентябре прошлого года Франция просила Германию предоставить ей полицейский надзор на всем протяжении алжирской границы, что уже должно было ей дать ощутительный перевес в султанате. Германия на это согласилась взамен обещания парижского кабинета отказаться в письменной форме от домогательств на конференции полномочий для Франции на общий полицейский надзор. Г-н Рувье дал в этом формальное обязательство, прося единственно не настаивать на письменной форме и обещая дать то же обязательство на словах. Канцлер, который находился в это время в Бадене, желая выразить личное доверие Рувье и дать доказательство своего благожелательства по отношению к Франции, дал на это свое согласие, даже без распоряжения императора».

Эта уловка не вызывает у канцлера ничего, кроме многозначительной улыбки каждый раз, когда о ней упоминают. Князь Бюлов неоднократно указывал, что на востоке господин тот, кто распоряжается полицией. Германия всегда открыто высказывала свое нежелание, чтобы которая-либо из держав могла получить преобладание в ущерб политическим, экономическим и финансовым интересам других государств. Она не хочет этого для себя и не допустит ни для кого другого.

Об инциденте при переговорах Розена, как я уже сказал выше, было подробно доложено в моих телеграммах, посланных этой ночью. К нему я уже не буду возвращаться, но не могу не упомянуть, что в глазах берлинского кабинета он создаст повод для личного обвинения Рувье.

Я постарался смягчить это впечатление, вскрыв опасности, которые будут угрожать кабинету Рувье в случае полного устранения Франции от полицейской охраны Марокккского побережья, и указывая, что в интересах всех европейских держав — не вызывать в настоящий момент министерского кризиса во Франции. Канцлер, как вы уже знаете из моей телеграммы, отнесся недоверчиво к опасностям, угрожающим французскому кабинету, имея в виду сентябрьское соглашение. Он не без иронии указал на злоупотребление подобного рода угрозой, которая вошла у г-на Рувье в привычку за время длительных переговоров между Францией и Германией по вопросу о Марокко. «Я бы мог делать то же самое, — сказал канцлер, — ведь и моя ответственность перед моей страной, рейхстагом и императором нисколько не меньше. Помимо этого, аргумент, постоянно выдвигаемый Ревуалем, что Франция не может уступить своих преимуществ в Марокко, становится оскорбительным. Это совершенно то же, как если бы я высказал подобное же намерение по отношению к Швеции или кому другому. В том, что касается Марокко, мы подтверждаем то же, что мы всегда открыто заявляли и вправе заявлять: «ничего исключительного для нас, но ничего и для других». Из всей этой беседы я вынес убеждение, что Германия будет твердо держаться намеченной позиции и что сам император, быть может, еще более, чем канцлер, будет настаивать на выполнении своей программы.

Это убеждение заставляет меня опасаться за успех вмешательства нашего августейшего повелителя перед императором Вильгельмом, который, после телеграммы нашего посланника в Париже ищет случая задеть (provoquer) французское правительство. Тем не менее, я успокаиваю себя мыслью, что ваше превосходительство, будучи снабжены всеми необходимыми документами, чтобы судить о серьезности происшедшего инцидента, и сами найдете решение, отвечающее

серьезности положения, присутствуя ли здесь или оказывая влияние на Париж в том смысле, чтобы последний считался с доводами, выдвигаемыми берлинским кабинетом.

Остен-Сакен.

P. S. К моему крайнему изумлению, утренние газеты печатают сегодня сенсационную телеграмму, якобы из Алжезираса, которая сообщает о неожиданном замешательстве, произведенном представителями Франции внутри самой конференции. Это сообщение содержит как раз то же самое обвинение, которое выдвигал против Рувье и канцлер в нашей вчерашней беседе. Легко угадать цель этого странного признания, преданного публичной огласке с Wilhelmstrasse: оно сыграет в руку г. Жоресу, дав ему предлог для запроса в палате, способного привести в замешательство председателя совета министров.

Всеподданейшая записка Ламздорфа [1]).

10 февраля (28 января) 1906 г.

Вчера вечером посетил меня здешний французский посол, чтобы, по поручению г-на Рувье, сообщить о той тревоге, которую возбуждает в правительстве Франции положение дел на Алжезирасской конференции.

По существу сообщение это не заключало новых подробностей помимо тех, кои переданы были в повергнутых уже мною на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение телеграммах графа Кассини и д. т. с. Нелидова. Но г. Бомпар обратил внимание мое на то существенной важности обстоятельство, что Франция, дойдя по пути уступок до крайних пределов, не видит со стороны Германии ни малейшего стремления разрешить в благоприятном смысле вопрос о портовой полиции.

По мнению французского правительства, в данном случае дело касается, главным образом, личного самолюбия императора Вильгельма, что, повидимому, удерживает не только немецких делегатов на конференции, но, быть может, и самого канцлера от каких-либо приемлемых для Франции примирительных предложений.

При таких условиях Франция возлагает все свои надежды на высокомилостивое посредничество вашего императорского величества пред императором Вильгельмом, выражавшим неоднократно обещание устранить все препятствия к мирному улажению марокканского вопроса.

---

[1]) На полях записки помета Николая II: «Об этом вопросе я много думаю».— Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 28 января 1906 г.»

Я ограничился заявлением г. Бомпару, что не премину довести об изложенном до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Граф Ламздорф.

Письмо великобританского поверен. в делах в Петербурге Ламздорфу

10 февраля (28 января) 1906 г.

Граф,

В течение разговора, который я имел в последнюю среду с вашим превосходительством по поводу последнего предложения относительно полиции в Марокко, внесенного некоторыми делегатами на конференции в Алжезирасе, вы изволили меня спросить, каково мнение моего правительства об этом предложении.

Мне поручено сэром Эдуардом Греем уведомить ваше превосходительство, что британское правительство присоединится ко всякому предложению, которое Франция найдет для себя приемлемым.

Примите, граф, уверения в моем глубоком уважении.

Сесиль Спринг Райс.

Депеша Кассини.

Алжезирас. 12 февраля (30 января) 1906 г.

Скоро уже 4 недели, как созванная в Алжезирасе конференция приступила к работе, а мы все еще обсуждаем вопросы второстепенного значения, каковы, например, вопросы, касающиеся взимания налогов в Марокко, урегулирования таможенных пошлин и т. д.

Ход работ на заседаниях конференции значительно замедлился ввиду необходимости объяснять через переводчиков делегатам Марокко то, о чем идет речь. Что еще способствует медлительности процедуры, так это система, избранная председателем конференции, — избегать до времени острых вопросов, чтобы, по возможности, не представлять мароккским делегатам зрелища резких расхождений между главнейшими из заинтересованных сторон. Это, бесспорно, похвальное намерение герцога Альмодавара, имело однако же своим следствием то, что большинство вопросов, которые могли дать повод к резким столкновениям, было опущено и, таким образом, образовало группу вопросов, оставшихся без разрешения. Как бы то ни было, несмотря на эти недостатки, конференция сделала все возможное, чтобы справиться с теми сложными вопросами, которые она об-

суждала до сих пор, и приближается не без волнения к двум важнейшим стержневым вопросам: к организации марокканского банка и полиции.

После долгого ненарушаемого безмолвия, хранимого относительно первого из этих вопросов, специалисты, делегированные Францией и Германией, Реньо и граф Таттенбах (второй уполномоченный Германии) обменялись, наконец, мнениями, что уже подает проблеск надежды. Франция, повидимому, решилась на некоторые уступки по этому вопросу, но она выжидает, чтобы Германия более или менее ясно обнаружила свои намерения относительно вопроса о полиции, для того, чтобы затем поступить согласно правилу: «do, ut des».

После конфиденциального разговора между Ревуалем и Радовицем французский делегат, заручившись согласием своего правительства, предложил поручить организацию полиции совместно Франции и Испании — эти две державы, будучи пограничными с Марокко и располагая людьми, знающими Марокко, его нравы и обычаи, наиболее приспособлены для этой роли. Это предложение французского делегата было новым доказательством мирных намерений, которые питает Франция, и вместе — молчаливым отказом от принципа единоличных полномочий, на котором Франция настаивала до сих пор, как на необходимом условии соглашения. Радовиц передал в Берлин внесенный Ревуалем проект организации франко-испанской полиции. Прошло одиннадцать дней, но до настоящего момента германский делегат еще не известил своего французского коллегу относительно приема, который встретил указанный проект в Берлине. Молчание германских делегатов упорно, как никогда; на делегатов остальных держав в Алжезирасе это необъяснимое поведение Германии, столь некорректное по отношению к Франции, а может быть, и по отношению к другим державам, представленным в Алжезирасе, создает, да иначе и не могло бы быть, впечатление не в пользу Германии; здесь не без некоторого беспокойства рассматривают эту задержку, как нечто ничем не объяснимое и не оправдываемое. Итак тут начинают себя спрашивать, не возымела ли Германия за последние дни намерений, видя себя более и более изолированной на конференции и не предвидя успеха, отвечающего ее чаяниям, сорвать конференцию, постаравшись всеми способами свалить на Францию ответственность за этот провал. Последнее — лишь простое предположение, дорогой граф, и, если я о нем говорю, так лишь потому, что оно характеризует состояние умов, вот уже несколько дней господствующее в Алжезирасе.

Граф Кассини.

Телеграмма Ламздорфа Кассини. [1])

Сообщена послам в Париже и Берлине.

Петербург. 19 (6) февраля 1906 г., № 151.

Телеграмма 5 февраля получена [2]).

Все высказанные вами соображения по поводу проявленной Францией уступчивости, дошедшей до крайних пределов, совершенно справедливы.

Содержание вашей телеграммы передано графу Остен-Сакену с поручением обратить серьезное внимание берлинского кабинета на необходимость изыскать почву для полюбовного решения вопроса.

Вместе с тем крайне желательно, чтобы вы сговорились с вашими коллегами, которые придерживаются тождественных взглядов, для совместного воздействия в примирительном духе на германских делегатов.

Надобно надеяться, что таковое единодушие держав повлияет в благоприятном смысле на Германию, которая едва ли пожелает взять на себя тяжелую ответственность за неудачный исход конференции.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену. [3])

Петербург. 20 (7) февраля 1906 г., № 153.

Из переданной вам вчера секретной телеграммы графа Кассини явствует, что Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений берлинского кабинета.

---

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 6 февраля 1906 г.»

[2]) В тел. от 18/5 февраля гр. Кассини перечислял уступки, сделанные Францией: «1) согласие участвовать в конференции, 2) привлечение Испании к делу создания полиции, 3) предоставление султану организации полиции, 4) предполагаемое допущение надзора нейтральной державы». Указывая, что «продолжение переговоров и соглашение становятся невозможными, если одна сторона требует всего и не поступается ничем», Кассини в случае провала конференции возлагал на Германию «всю ответственность за длительное состояние неопределенности, столь гибельное для наших интересов».

[3]) На телеграмме помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 7 февраля 1906 г.»

Справедливость требует признать, что ныне надлежало бы Германии явить доказательства своего миролюбия, о котором, по поводу марокканских дел, неоднократно заявлял как сам император, так и князь Бюлов. Между тем посетивший меня г. Шен сообщил, что Германия, не видя в проектированных Францией изменениях статей о полиции достаточных гарантий сохранения в последней международного характера, отклонила таковые, в надежде, что Франция найдет иной выход из затруднения.

Было бы крайне прискорбно, если бы из-за сравнительно ничтожного вопроса о полиции, по которому решительно все державы держатся тождественного мнения, конференция в Алжезирасе вынуждена была прервать свои занятия.

Мы отказываемся верить, чтобы император Вильгельм, с твердым убеждением высказывавшийся пред нашим августейшим монархом за необходимость в интересах всего человечества сохранения мира, а также сближения, чрез посредство России, между Германией и Францией, решился бы вызвать срыв конференции и таким образом не только отказаться от намеченной политической программы, но и вместе с тем посеять среди европейских держав тревогу, которая по многосложным последствиям не менее погубна, чем открытая война.

Германскому правительству также хорошо известно, что с благоприятным окончанием Алжезирасской конференции тесно связан вопрос о чрезвычайно важных для России денежных операциях; только с осуществлением последних императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному подавлению революционного движения, имевшего уже отголосок и в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ.

Вопреки распространяемому мнению, будто препятствием к заключению Россиею займа служит еврейская агитация, мы имеем положительные данные о том, что лишь полная неизвестность исхода Алжезирасской конференции побуждает французских банкиров воздерживаться от всяких финансовых сделок.

Из всего вышеизложенного вы можете усмотреть, в какой степени представляется важным благополучный исход совещаний в Алжезирасе. Ввиду сего, если бы на предстоящем 8 февраля придворном празднестве император Вильгельм или канцлер в беседе с вами коснулись марокканских дел, вы можете вполне откровенно высказаться в смысле моей настоящей телеграммы.

Ламздорф.

Телеграмма Остен-Сакена Ламздорфу.

Берлин. 20 (7) февраля 1906 г., № 2.

Распоряжения вашего превосходительства, сообщенные мне телеграммами вчера и позавчера, я мог выполнить лишь сегодня в шесть часов вечера. Во время моей беседы с канцлером мне была доставлена ваша последняя телеграмма, с которой я его немедленно и ознакомил. Князь Бюлов благодарит вас за ваше чрезвычайно конфиденциальное сообщение. Он думает, что всей своей политикой в течение многих лет он доказал, насколько он прислушивается и считается с желаниями с.-петербургского кабинета. Он горячо желает, чтобы русское правительство было в состоянии сделать необходимый заем для окончательного подавления революционного движения. Помимо этих соображений, он искренно желает, чтобы конференция в Алжезирасе удалась и чтобы период напряженности, неуверенности и замешательства, неизбежный в случае провала, был предотвращен. Но чтобы достигнуть этого результата, — сказал канцлер, — надо пойти на компромисс, т. е. поддерживать в равной степени точки зрения Франции и Германии.

Император Вильгельм не может также не считаться с общественным мнением; он не может встать в открытое противоречие по отношению к принципу открытых дверей, действительному и законному, и по отношению к совершенному равенству в положении держав в Марокко.

Французские делегаты в Алжезирасе не только в вопросе о полиции предъявляют требования, несовместимые с международным характером, придаваемым ее организации, но, со вчерашнего дня, они и по отношению к вопросу о банке проявляют намерения, точно также несовместимые с правами и интересами держав. Чтобы закончить конференцию и реализовать во Франции заем, нужный русскому правительству, необходимо, чтобы петербургский кабинет воздействовал на французское правительство в том смысле, чтобы последнее выказало себя менее непримиримым. Канцлер добавил, что язык французской прессы произвел неприятное впечатление на императора.

На мое замечание, что марокканский вопрос не имел такого важного значения, чтобы поставить Европу в столь затруднительное положение, канцлер ответил: «Каковы бы ни были экономические интересы Германии в Марокко, этот вопрос стал для нее, и особенно для императора, вопросом чести. По соображениям монархического порядка, император твердо решил не делать уступок, могущих принести ущерб авторитету и престижу его личности и его короны как в Германии, так и в Европе».

Я думаю, что это последнее замечание, больше чем всякая другая мотивировка, определяет собой непримиримую позицию Германии в марокккском вопросе. Комбинация, возникшая к концу моей беседы с канцлером, которую я изложил в моей телеграмме № 1 [1]), могла бы, быть может, выдвинута нами как средство к примирению — создать почву для соглашения и представить способ предотвращения срыва конференции.

Граф Остен-Сакен.

Депеша росс. поверен. в делах в Лондоне Сазонова.

Лондон. 21 (8) февраля 1906 г., № 15.

Несмотря на то, что сэр Эдуард Грей прекратил на время, по случаю кончины своей жены, обычные дипломатические приемы, я тем не менее просил его принять меня вчера частным образом, чтобы узнать его взгляд на ход переговоров заседающей в Алжезирасе конференции.

Желание это было вызвано во мне свиданием, которое я имел накануне с здешним французским послом, очень встревоженным полным застоем в работах конференции, прекращения которой он ожидал с минуты на минуту.

Хотя и в иной форме то же беспокойство я заметил и в английском министре иностранных дел. На мой вопрос, верит ли он еще в возможность найти такую почву, на которой противоречивые взгляды Франции и Германии могли бы встретиться, сэр Эдуард ответил мне, что, пока уполномоченные держав еще не разъехались, не следует отказываться от всякой надежды на возможность компромисса, но что он, с своей стороны, думает, что Франция не могла бы сделать более ни одного шага навстречу германским требованиям, после того, что предложение ее относительно совместной с Испанией организации полиции в марокккских портах было отвергнуто в Берлине. Ввиду этого он полагает, что конференция прервет свои заседания, не разрешив вопросов, ради которых она была создана, хотя вся Европа, за исключением одной Германии, одинаково заинтересована в их воз-

[1]) В этой телеграмме гр. Остен-Сакен сообщал, что германский канцлер отклоняет французское предложение «ограничить выбор инструкторов марокккской полиции исключительно французскими и испанскими офицерами». «Но я вынес впечатление, — сообщает далее росс. посол, — что если бы Франция предоставила султану право выбора офицера из одной или двух других национальностей, кроме французов или испанцев, то это облегчило бы князю Бюлову возможность найти удобную почву для соглашения. Не будучи уверенным в возможности склонить императора к этой уступке, канцлер не решается придавать означенной комбинации смысл формального предложения, — но уполномочил меня сообщить ее вашему сиятельству».

можно быстром улажении. Министр сказал мне при этом, что английскому уполномоченному было поручено поддерживать взгляды Франции в вопросе об организации полиции не только потому, что между Англией и Францией состоялось по марокккскому вопросу соглашение, а и потому, что он считает Францию одну способною внести порядок в хаотическое состояние, в котором находятся портовые города Марокко и вследствие которого торговля Англии несет значительные убытки. По убеждению сэра Эдуарда, интересы всей Европы солидарны, и если бы Германия преследовала одни коммерческие цели, то она давно бы стала на общую точку зрения. Как ни далека Россия от Марокко, — прибавил министр, — разрешение спорных вопросов в этой стране имеет и для нее большое значение, так как оно дало бы русскому правительству возможность беспрепятственно произвести задуманные им финансовые операции.

Хотя министр и сказал мне, что он не допускает в настоящее время вероятности вооруженного столкновения между Францией и Германией, я заметил, что общее направление германской политики внушает ему крайнее недоверие. Тревожное состояние, которое неминуемо явится последствием неудачи Алжезирасской конференции, может, по его мнению, продлиться неопределенное время и послужить удобною почвою для возникновения дальнейших международных осложнений, последствий которых в данную минуту невозможно предугадать.

Слышав от г. Камбона, что здешнее адмиралтейство сосредоточивает в северных водах Англии весьма значительные морские силы, я спросил сэра Эдуарда, принимаются ли правительством какие-нибудь меры на случай неожиданного поворота к худшему общего политического положения. Министр ответил мне, что правительство не упускает из виду всегда возможных неожиданностей, из чего я вывел заключение, что дошедшие до меня слухи о ведущихся Англией обширных приготовлениях на море не лишены основания.

В течение упомянутого выше разговора с французским послом я осведомился у него, признает ли он возможным рассчитывать на деятельную помощь либерального правительства в той же мере, в какой она была обеспечена Франции бывшим кабинетом, и не опасается ли он, что принципиальное миролюбие либералов удержит их на грани, отделяющей дипломатическую поддержку от активного вмешательства в вооруженное столкновение, если бы, паче чаяния, таковое произошло между Германией и Францией. Г. Камбон сказал мне, что он рассчитывает на сэра Эдуарда Грея еще больше, чем на маркиза Лансдоуна, но вместе с тем прибавил, что в нынешнем кабинете есть члены, вроде г. г. Морлея, Брайса, Бернза и отчасти, быть

может, самого сэра Генри Кампбелль-Баннермана, которые нелегко дадут себя увлечь во враждебные действия против Германии и уступят лишь неудержимому движению общественного мнения, на которое г. Камбон возлагает свои надежды в случае обострения франко-германского конфликта.

Сазонов.

Секретное донесение Клемма.

Бомбей. 21 (8) февраля 1906 г., № 16.

Англичане в Индии с напряженным вниманием следят за ходом переговоров на международной конференции в Алжезирасе, и настоящее состояние умов здесь напоминает мне в значительной степени эпоху, предшествовавшую русско-японской войне. Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается в клубах и частных домах, и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись при этом своими боками.

В военных кругах считают, что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику. В возможности быстрого уничтожения германского военного, а затем и коммерческого флота соединенными английским и французским флотами никто, конечно, не сомневается. Кроме того, носится слух, что лорд Китченер имеет отправиться в Англию, чтобы во главе стотысячной армии занять Голландию, как только последует объявление войны со стороны Германии или Франции. Странно лишь то, что возможность вмешательства в войну других держав Тройственного союза здесь совершенно игнорируется.

Насколько вышеупомянутый слух об отозвании Китчёнера из Индии основателен, я не берусь судить, но я слышал о нем вчера от одного из высших здешних чиновников, старшего члена совета бомбейского губернатора, Фультона, почему я и счел нужным донести о нем вашему превосходительству по телеграфу. Я должен добавить, что слух об отъезде лорда Китченера в Англию, якобы для переговоров с военным министерством относительно военных мероприятий в Индии, носится здесь уже давно, но был официозно опровергнут в правительственных органах. В опровержениях этих указывалось на то, что командующий войсками в Индии, подобно губернаторам, не имеет права покинуть Индию, не подав в отставку, и что, будучи

непосредственно подчинен генерал-губернатору в совете, он не мог бы вести никаких переговоров с центральным правительством помимо вице-короля. Тем не менее на-днях одна из самых осведомленных калькуттских газет вновь подтвердила означенное сведение о скором отъезде главнокомандующего, и легко возможно, что это последнее послужило основанием к слуху о предстоящем назначении генерала Китченера командующим английской экспедиционной армией в случае войны с Германией.

К л е м м.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену.

П е т е р б у р г. 22 (9) ф е в р а л я 1906 г.

Из Парижа получена следующая срочная телеграмма: «В парламентских кругах укрепляется мнение, что министр иностранных дел пошел на слишком большие уступки, не добившись никаких результатов. Есть опасность его замены лицом значительно менее уступчивым».

Отставка Рувье в настоящий момент будет гибельной для нас и сильно повредит Германии, так как он изыскивал, насколько возможно, способы для соглашения с ней.

Л а м з д о р ф.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

22 (9) ф е в р а л я 1906 г., № 166.

Все сказанное вам князем Бюловым производит странное впечатление, будто внимание его главным образом обращено было на наш заем и внутренние дела России. Оба вопроса, конечно, стоят в связи с тем или иным исходом Алжезирасской конференции, причем, казалось бы, революционное движение в России не менее затрагивает и интересы самой Германии, как монархической державы.

Но в объяснениях с канцлером необходимо на первый план выставлять почти полное пренебрежение берлинского кабинета к тем усилиям, которые проявили французские делегаты, чтобы достигнуть соглашения.

Непримиримость именно Германии, а вовсе не Франции, лишний раз обнаружилась в доводах, представленных вам канцлером, который упускает из виду все уступки, сделанные парижским кабинетом не по одному только вопросу о полиции и выразившиеся, наконец, в принятии почти целиком последних предложений Германии.

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 9 февраля 1906 г.»

Во избежание превратных толкований, которые проскользнули и в письме ко мне г-на Шена, французское правительство справедливо ссылается на два документа Желтой книги — №№ 348 и 350, из коих в первом говорится, что за исключением формулы, которая будет подписана обоими правительствами, г-н Рувье не берет на себя ни по одному пункту обязательств, — во втором упоминается об о р г а н и з а ц и и п о л и ц и и вне граничных пределов, по с о г л а ш е н и ю м е ж д у н а р о д н о м у, т. е. между державами, а вовсе не об «организации международной полиции».

Ввиду изложенного нам представляется едва ли возможным произвести какое-либо давление на Францию, уже явившую бесспорные доказательства уступчивости, не взирая на то, что берлинский кабинет сам признал во время осенних переговоров, что Франция безусловно имеет специальные интересы в Марокко и право на преобладающее положение в стране

Если, таким образом, последует разрыв конференции, то в среде всех держав, несомненно, утвердится убеждение, что неуспех соглашения в Алжезирасе является исключительно следствием агрессивных замыслов Германии.

Л а м з д о р ф.

Телеграмма Остен-Сакена Ламздорфу.

Б е р л и н. 23 (10) ф е в р а л я 1906 г.

Я уже точно выполнил перед канцлером распоряжения вашего превосходительства, содержащиеся в вышеупомянутых телеграммах, очень серьезно обратив его внимание на уступки, уже сделанные Францией, и на угрожающую министру опасность в случае провала конференции. Острота положения в настоящий момент в Алжезирасе состоит в том, что каждое предложение Франции опирается на прежде добытые ею права, создавая для нее привиллегированное положение в Марокко, которое учитывается всеми державами. Напротив, каждое германское предложение, не считаясь с этими правами, за исключением права на алжирскую границу, и опираясь на постановления Мадридской конференции 1880 г., исходит из принципа равенства между всеми державами, не исключая и Франции. Вот два непримиримых полюса в расхождении точек зрения парижского и берлинского кабинетов. Последний отказывается признать, как таковые, уступки, сделанные Францией, и, кажется, не сомневается в последствиях министерского кризиса в Париже. Этот способ воззрения создает то, что германское правительство очень трудно заставить внять каким

бы то ни было словам примирения и призывам к справедливости. Всякий шаг в этом направлении вызывает упрек в пристрастии по отношению к Франции. Я встретил ту же самую мысль и ту же щекотливость во время моей довольно долгой беседы, которой меня удостоил император в последнюю среду на придворном балу. В словах его величества чувствовалась горечь и нервозность, с трудом сдерживаемые им из желания оставаться любезным и корректным.

Подробности с курьером.

Передано императорскому послу в Париже.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 23 (10) февраля 1906 г.

Я имел серьезный разговор с Таттенбахом, который, очевидно, руководит переговорами со стороны Германии. Мне показалось, что он, не переставая утверждать, что точка зрения в Берлине не изменилась, все же искренно желает достигнуть соглашения. Мое впечатление таково, что если Франция окажется сговорчивой по вопросу о банке, то Германия, в конце концов, примет принцип франко-испанской полиции с контролем нейтральной державы. Эти более примирительные настроения, по моему, будут результатом шагов, предпринятых нами в Берлине. Я сообщил о моей беседе с Таттенбахом Ревуалю, которого я нашел потрясенным живым отпором общественного мнения во Франции, настроенного армией против допущения офицеров нейтральной державы к наблюдению над действиями французских и испанских офицеров. Ревуаль желает, насколько возможно, сузить сферу деятельности иностранного инспектора, Германия же хочет ее расширить, поручив организацию полиции одновременно и в одном из портов, что Франция откажется принять. Вчера, на заседании конференции было первое обсуждение вопроса о банке. Ревуаль твердо держится французской точки зренця. Таттенбах со спокойствием изложил свое мнение, противоположное (французскому) в отношении нескольких пунктов. Обсуждение продолжится завтра. Словом, вся ситуация, казавшаяся последние дни страшно запутанной, подает повидимому, некоторые надежды на достижение соглашения благодаря Германии, которая, как мне кажется, искренно склоняется к окончательному соглашению.

Граф Кассини.

Телеграмма Э. Грея Спрингу Райсу от 23 (10) февраля 1906 г. [1].

Германский посол в Лондоне сообщил мне ответ своего правительства на предложение французского правительства по поводу Марокко, вызвавшее категорический отказ.

Я ответил графу Меттерниху, что, по мнению Великобритании, также как и по мнению других держав, представленных на конференции, французские предложения были наиболее умеренными и разумными; я подчеркивал перед его превосходительством тот плачевный эффект, который произведет провал конференции, вызванный этим отказом.

Он вполне разделяет точку зрения графа Ламздорфа, что при настоящих обстоятельствах было бы желательно заставить в Берлине ценить общественное мнение Европы. В то же время мне кажется, что, не взирая на то, что Великобритания связана обязательствами, которые она несет по отношению к Франции — укреплять французскую политику в Марокко, — представления, сделанные в Берлине правительством его королевского величества, не таковы, чтобы произвести большое впечатление.

Выставляя перед графом Ламздорфом те неудобства, которые может вызвать подобный шаг со стороны Англии, вы тем самым отметите перед его превосходительством ту громадную ценность, которую придает правительство всякому давлению со стороны России и на Германию в целях обеспечения согласия на последнее из французских предложений.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 2 марта (17 февраля) 1906 г.

Положение все время напряженное. По вопросу о банке было сделано несколько уступок с той и другой стороны, но относительно трех главнейших пунктов не могут притти ни к какому соглашению: надзор, судопроизводство, которое Франция желала бы взять в свои руки, и участие в подписке (на заем), из которого Франция претендует на 5 частей из 15, распределяемых между державами, включая сюда и Россию. Франция повидимому, решила в этом вопросе не уступать, тем более, что Германия, по всей вероятности, намеревается поддерживать свою точку зрения в вопросе о полиции. Позиция Англии все время благоприятна для Франции, которую она во всех случаях открыто поддерживает, но я не могу избавиться от впечатления, что неуспех

[1] Сообщена министерству ин. дел англ. поверенным в делах 24 (11) февраля 1906 г. На документе царский знак рассмотрения

конференции ее не очень взволнует. С помощью Соединенных Штатов я делаю настойчивые усилия для примирения, но несговорчивость Германии делает эту задачу неблагодарной. Италия очень осторожна.

Граф Кассини.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас, 7 марта (22 февраля) 1906 г.

Английский делегат, основываясь на непримиримости Германии, склоняет своих коллег сорвать конференцию в ближайшую субботу, воспользовавшись для этого отъездом Альмодовара, который едет в Мадрид встречать португальского короля. Италия, Соединенные Штаты и Испания, повидимому, склонны воспользоваться этим предлогом. На завтрашнем заседании Ревуаль представит проект франко-испанской полиции, смягченный и весьма приемлемый, если только Германия не пожелает срыва. Если Радовиц не ответит контрпроектом, приемлемым для Франции, то председатель объявит на официальном заседании в субботу, что, ввиду невозможности притти к соглашению, конференция будет распущена. Я счел нужным, с согласия Ревуаля, конфиденциально предупредить Радовица об этих намерениях председателя и некоторых из делегатов, с целью склонить немецкого делегата быть более сговорчивым, если он не хочет окончательно сорвать переговоры и таким образом взять на себя ответственность за срыв и за те последствия, которые он может повлечь. Радовиц меня очень горячо благодарил. Посмотрим завтра, какой это возымеет результат.

Граф Кассини.

Депеша Нелидова.

Париж, 7 марта (22 февраля) 1906 г., № 19.

Доверительно.

Последние известия, полученные здесь из Алжезираса, возбудили надежду на приближающееся окончание конференции, продолжительное и вялое течение которой начинало становиться утомительным. Особенно благоприятное впечатление произвело в Париже заявление г. Бахерахта, с замечательной ясностью, беспристрастием и знанием дела поставившего вопрос о полиции на надлежащую практическую почву [1]). Завтра должен последовать ответ первого гер-

[1]) «Заявление выяснило, что единственный способ обеспечить безопасность европейцев в портах Марокко состоит в том, чтобы поручить организацию полиции

манского уполномоченного, и здесь надеются, что он сделает возможным соглашение.

Как я имел честь изложить в телеграмме моей от 19 февраля (4 марта), французы готовы рассмотреть на конференции, какими условиями можно было бы обставить требуемое ими полномочие на устройство, совместно с испанцами, полиции в главных приморских городах, чтобы вполне обеспечить неприкосновенность правила открытых дверей и равноправность всех в экономическом отношении. Чего здесь не могли бы допустить, это — чтобы французские офицеры, на которых возложено будет образование полиции, были подчинены высшему начальству иностранного военного чина. По дошедшим сюда слухам, в Берлине склонялись бы к принятию французского предложения о полиции, если бы желание пригласить французских и испанских инструкторов выражено было марокканским султаном. Иначе сказать, Германия сделала бы уступку не единогласному мнению собранных на конференции, а желанию султана, которого, в свою очередь, надо будет к изъявлению этого желания от имени тех же государств принудить.

Если это сведение справедливо, то оно указывало бы на расположение Германии к уступкам с заботою о том, чтобы облечь их в самую безобидную для немецкого самолюбия форму.

В вопросе о банке г. Ревуалю послано предписание сделать все возможное, чтобы достигнуть соглашения в связи с разрешением вопроса о полиции.

Между тем со стороны Германии здесь сделаны были косвенные попытки снова начать в Париже переговоры для достижения соглашения по стоящим на очереди вопросам. Но, наученный горьким опытом, г. Рувье решительно заявил, что раз, по настоятельному требованию Германии, дело перенесено на обсуждение собранной в Алжезирасе конференции, в ней и следует его рассматривать сообща.

Как бы то ни было, завтрашнее заседание должно принести некоторое выяснение настоящего положения вещей. Биржа ждет его с нетерпением, нравственно подготовленная уже к восприятию крупного русского займа.

В разговоре с правительственными лицами я не перестаю указывать на необходимость, если бы даже и стало невозможным достигнуть полного соглашения, всетаки заключить конференцию актом,

---

Франции и Испании. Эта забота могла бы быть им доверена на краткий срок без всякого ущерба для суверенитета султана. Когда ячейки полицейских отрядов будут организованы, мароккане смогут сами продолжать их инструктирование, уже без посредничества иностранных офицеров». (Тел. Кассини от 5 марта (20 февраля) 1906 г.)

в который занесены были бы состоявшиеся решения, а на будущее время, на случай возникновения затруднений между одним из государств и марокккским правительством, условлены были меры, которые предотвращали бы возможность иностранного единоличного вмешательства в тамошние дела.

Только этим способом можно было бы, по моему убеждению, достигнуть того, чтобы последствием неудачи конференции не явилось всеобщее беспокойство и натянутость международных отношений. Только при таких условиях, несмотря на неудовлетворительный исход конференции, финансовый мир способен был бы считать политическое спокойствие достаточно обеспеченным, чтобы пуститься в большие предприятия и, между прочим, заняться нашим займом.

Я имею основание думать, что здесь разделяют этот взгляд.

Нелидов.

Проект телеграммы Ламздорфа Кассини [1]).

Императорское правительство вполне сочувственно отнеслось к сообщению д. с. с. Бахерахта, основанному на личном опыте и знании дела Марокко. Мысль о подобном сообщении вполне отвечает основному положению данных вам указаний, а именно примирительной роли вашей как представителя России на Алжезирасской конференции.

Вполне одобряется также предупреждение, сделанное вами Радовицу, о возникшем среди членов конференции предположении прекратить таковую, если бы на заседании в субботу германские делегаты отказались либо принять изготовленный Францией новый проект устройства полиции, либо ответить на него приемлемым контрпроектом. Нет сомнения, что таковое предупреждение может оказать должное воздействие на берлинский кабинет и побудить его зрело обсудить свой дальнейший образ действий; но, с другой стороны,

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «Если бы мне была послана такая телеграмма, я бы не знал, как мне поступить?». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 23 февраля 1906 г.». В записке от 24 февраля Ламздорф представил Николаю II объяснения по поводу проекта телеграммы графу Кассини. «Мне казалось, — пишет Ламздорф, — не совсем осторожным связывать посла по разным частностям переговоров в Алжезирасе слишком определенными указаниями». Считая выступление Бахерахта своевременным и оправдывая шаг Кассини, предупредившего «германского посла о возможности срыва конференции», Ламздорф указывает, что своей телеграммой он хотел «обратить внимание гр. Кассини... на необходимость... до решительного завтрашнего заседания конференции тщательно взвесить все доводы за и против разрыва».

не представляется ли опасным, что столь резкое решение обратится в пользу Германии, которая таким образом получила бы возможность ссылаться на него как на причину неудачи конференции, тогда как, по мысли главных заинтересованных держав, делу необходимо было придать такой оборот, чтобы ответственность за подобную неудачу пала исключительно на германское правительство. Но всего лучше было бы все-таки довести конференцию до каких-либо определенных выводов, к чему могло бы способствовать голосование, от коего повидимому, немцы стараются уклониться.

Ламздорф.

Депеша Нелидова.

Париж. 8 марта (23 февраля) 1906 г., № 20.

Предшествующие донесения мои, помеченные вчерашним числом, были уже написаны, когда я узнал о состоявшемся падении министерства Рувье.

Хотя затруднительность и шаткость его положения были вообще известны, ловкость, с которою председатель совета успевал отражать делавшиеся на него нападения, давала надежду на то, что он сумеет продержаться до выборов. Во вчерашнем заседании палаты депутатов, где по поводу кровавых столкновений, происходивших в некоторых частях Франции при составлении церковных описей, представлены были запросы как с левой стороны, так и депутатами правой и центра, стало ясным, что кабинет Рувье не в состоянии найти себе прочную поддержку ни в одной партии, так как, не желая связывать себя положительным обещанием, он давал объяснения, никого не удовлетворявшие. Таким образом произошло, что предложение, одобрившее заявления министерства, отвергнуто было большинством 30-ти голосов, и г-н Рувье тотчас же собрал своих товарищей и немедленно представил просьбу об отставке кабинета.

Что особенно поколебало положение министерства, это — раскол, происшедший в среде поддерживавшей доселе г. Рувье правой стороны, которую сам аббат Лемир обвинял в подстрекательстве католиков к беспорядкам. Вместе с тем и г. Рибо со своими сторонниками, требовавший прекращения описей, тоже высказался против министерства, от которого отказалась и крайняя левая.

Излишне объяснять, как несвоевременно разразился министерский кризис. С точки зрения интересов противодействия стремлениям крайних левых, весьма желательно, чтобы предстоящими выборами мог руководить человек, лично умеренный и привыкший к власти, как Рувье. Теперь более чем вероятно, что во главе правительства

в который занесены были бы состоявшиеся решения, а на будущее время, на случай возникновения затруднений между одним из государств и марокканским правительством, условлены были меры, которые предотвращали бы возможность иностранного единоличного вмешательства в тамошние дела.

Только этим способом можно было бы, по моему убеждению, достигнуть того, чтобы последствием неудачи конференции не явилось всеобщее беспокойство и натянутость международных отношений. Только при таких условиях, несмотря на неудовлетворительный исход конференции, финансовый мир способен был бы считать политическое спокойствие достаточно обеспеченным, чтобы пуститься в большие предприятия и, между прочим, заняться нашим займом.

Я имею основание думать, что здесь разделяют этот взгляд.

Нелидов.

Проект телеграммы Ламздорфа Кассини [1]).

Императорское правительство вполне сочувственно отнеслось к сообщению д. с. с. Бахерахта, основанному на личном опыте и знании дела Марокко. Мысль о подобном сообщении вполне отвечает основному положению данных вам указаний, а именно примирительной роли вашей как представителя России на Алжезирасской конференции.

Вполне одобряется также предупреждение, сделанное вами Радовицу, о возникшем среди членов конференции предположении прекратить таковую, если бы на заседании в субботу германские делегаты отказались либо принять изготовленный Францией новый проект устройства полиции, либо ответить на него приемлемым контрпроектом. Нет сомнения, что таковое предупреждение может оказать должное воздействие на берлинский кабинет и побудить его зрело обсудить свой дальнейший образ действий; но, с другой стороны,

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «Если бы мне была послана такая телеграмма, я бы не знал, как мне поступить?». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 23 февраля 1906 г.». В записке от 24 февраля Ламздорф представил Николаю II объяснения по поводу проекта телеграммы графу Кассини. «Мне казалось, — пишет Ламздорф, — не совсем осторожным связывать посла по разным частностям переговоров в Алжезирасе слишком определенными указаниями». Считая выступление Бахерахта своевременным и оправдывая шаг Кассини, предупредившего «германского посла о возможности срыва конференции», Ламздорф указывает, что своей телеграммой он хотел «обратить внимание гр. Кассини... на необходимость... до решительного завтрашнего заседания конференции тщательно взвесить все доводы за и против разрыва».

не представляется ли опасным, что столь резкое решение обратится в пользу Германии, которая таким образом получила бы возможность ссылаться на него как на причину неудачи конференции, тогда как, по мысли главных заинтересованных держав, делу необходимо было придать такой оборот, чтобы ответственность за подобную неудачу пала исключительно на германское правительство. Но всего лучше было бы все-таки довести конференцию до каких-либо определенных выводов, к чему могло бы способствовать голосование, от коего повидимому, немцы стараются уклониться.

Ламздорф.

Депеша Нелидова.

Париж. 8 марта (23 февраля) 1906 г., № 20.

Предшествующие донесения мои, помеченные вчерашним числом, были уже написаны, когда я узнал о состоявшемся падении министерства Рувье.

Хотя затруднительность и шаткость его положения были вообще известны, ловкость, с которою председатель совета успевал отражать делавшиеся на него нападения, давала надежду на то, что он сумеет продержаться до выборов. Во вчерашнем заседании палаты депутатов, где по поводу кровавых столкновений, происходивших в некоторых частях Франции при составлении церковных описей, представлены были запросы как с левой стороны, так и депутатами правой и центра, стало ясным, что кабинет Рувье не в состоянии найти себе прочную поддержку ни в одной партии, так как, не желая связывать себя положительным обещанием, он давал объяснения, никого не удовлетворявшие. Таким образом произошло, что предложение, одобрившее заявления министерства, отвергнуто было большинством 30-ти голосов, и г-н Рувье тотчас же собрал своих товарищей и немедленно представил просьбу об отставке кабинета.

Что особенно поколебало положение министерства, это — раскол, происшедший в среде поддерживавшей доселе г. Рувье правой стороны, которую сам аббат Лемир обвинял в подстрекательстве католиков к беспорядкам. Вместе с тем и г. Рибо со своими сторонниками, требовавший прекращения описей, тоже высказался против министерства, от которого отказалась и крайняя левая.

Излишне объяснять, как несвоевременно разразился министерский кризис. С точки зрения интересов противодействия стремлениям крайних левых, весьма желательно, чтобы предстоящими выборами мог руководить человек, лично умеренный и привыкший к власти, как Рувье. Теперь более чем вероятно, что во главе правительства

станет министр, более подчиняющийся требованиям франкмасонов, вроде Леона Буржуа, Лейна или Пуанкаре, который, очевидно, приложит все старания к тому, чтобы выборы дали большинство еще более либеральное. А между тем, при возбужденном религиозном настроении населения, есть опасность значительных беспорядков.

Относительно иностранной политики можно быть уверенным, что направление ее не изменится, но нелегко будет найти руководителя, который имел бы достаточно опытности вообще и знал, в частности, стоящие на очереди важные вопросы.

Что касается отношений к России, то они, по всем вероятиям, останутся непоколебленными. Выступление г. Бахерахта в Алжезирасе еще более убеждает французов в ценности союза с нами. Но лично г. Рувье нам был полезен и даже нужен в финансовом отношении, и приискать ему достойного заместителя на этой почве будет нелегко.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 10 марта (25 февраля) 1906 г.

— Сегодняшнее заседание превосходно. Германские делегаты дали доказательство большой умеренности и примирительности. Согласие кажется почти обеспеченным на основе французского и австрийского проектов, выработка подробностей которых передана редакционной комиссии. Я счастлив констатировать, что, если не произойдет непредвиденного инцидента, конференция придет к соглашению, удовлетворяющему всех.

[Граф Кассини.]

Телеграмма Ламздорфа Кассини [1]).

Сообщается Нелидову в Париж.

Петербург. 12 марта (27 февраля) 1906 г., №№ 241 и 242.

С удовольствием усматриваем из последних ваших телеграмм, что дело конференции, повидимому, близится к успешному результату, достижению коего, бесспорно, содействовало неустанное посредничество России.

В этом отношении нельзя не отнестись с полным сочувствием к выбору вами подходящей психологической минуты для разрешения

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 27 февраля 1906 г.».

д. с. с. Бахерахту выступить с сообщением, вполне отвечавшим основным положениям данных вам с высочайшего одобрения указаний. Сообщение это было по достоинству оценено в Париже.

Вполне одобряется также предупреждение, сделанное вами Радовицу, о последствиях возможного разрыва конференции в случае упорной неуступчивости германских уполномоченных, каковое обстоятельство, видимо, имело свое воздействие в Берлине.

В этом же смысле я неоднократно объяснялся с здешним германским послом, а чрез барона Эренталя внушил графу Голуховскому произвести из Вены некоторое давление на берлинский кабинет.

Из сообщения австро-венгерского посла можно заключить, что этим вызвано также соответственное более активное вмешательство австро-венгерского представителя на конференции [1]).

Дружественное сочувствие всех остальных держав к примирительной роли России, повидимому, убедило Германию в ее изолированности и заставило ее пойти на уступки. Но все эти совокупные усилия не дают берлинскому кабинету осязательного повода приписывать исключительно России произведенное на Германию давление.

Ныне впрочем наступила, быть может, минута, чтобы русские уполномоченные старались воздействовать в примирительном смысле на французских делегатов.

Государю императору благоугодно было повелеть выразить вам и д. с. с. Бахерахту всемилостивейшее одобрение за столь успешное выполнение высочайших указаний.

Ламздорф.

Телеграмма Кассини Ламздорфу [2]).

Алжезирас. 12 марта (27 февраля) 1906 г.

В тот момент, когда, казалось, все предвещало быстрое и удовлетворительное решение, возникают некоторые затруднения, задерживающие и, быть может, компрометирующие это решение. В во-

---

[1]) В конфиденциальном письме от 23 (10 февраля) барон Эренталь сообщил о том, что он осведомил венское правительство о своей беседе с Ламздорфом «по поводу опасностей, угрожающих всеобщему миру, если конференция, созванная в Алжезирасе, не приведет к удовлетворительному результату». «Голуховский поручил мне сказать вам, — пишет далее бар. Эренталь, — что он разделяет большую часть ваших опасений. Мой министр не преминул сообщить князю Бюлову сомнения, внушаемые ему непримиримой позицией Германии».

[2]) На телеграмме помета: «Всеподданнейше доложено 28 февраля 1906 г.»

просе о банке Франция требует четыре части из основного капитала, Германия же уступает ей только две, а, быть может, три, если группа акционеров марокканского займа согласится уступить банку свои права по наблюдению за таможнями. В вопросе о полиции Франция видит для себя затруднения в условиях, поставленных Германией, которая хочет поручить организацию и управление полицией в порте Казабланка швейцарскому или голландскому инспектору, причем Франция не возражает против поручения ему высшего инспектирования в восьми портах, Германия же определенно заявляет, что дошла до последних пределов уступок. Ревуаль, поставленный между требованием общественного мнения, французской печатью и падением министерства Рувье, сильно настроен против германской комбинации в Казабланке. Он очень нервничает и колеблется, видя, что большинство делегатов склоняется к германскому предложению. Не переставая все время держаться на стороне Франции, — мы продолжаем советовать умеренность и примирение, чтобы не скомпрометировать положение, казавшееся вчера всем блестящим, но ставшее сегодня гораздо менее благоприятным. Мое мнение таково, что Франция должна бы уступить в вопросе о банке, взамен отказа Германии, если для нее возможно, от комбинации в Казабланке.

Граф Кассини.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 12 марта (27 февраля) 1906 г.

Вне всякого сомнения, отставка Рувье крайне повредила нашим интересам, особенно в отношении проектированного займа. Я горячо советую ничего не предпринимать, прежде чем не сорганизуется новый кабинет. Между тем я узнал, что Витте оказывает давление на Рафаловича и Нецлина, чтобы быстрее продвинуть вперед дело о займе. Каждый поспешный шаг в этом смысле может оказаться лишь гибельным. Необходимо, чтобы новый министр финансов был подготовлен к согласию на операцию, иначе мы рискуем тем, что он воспротивится и будет поддержан своими коллегами, если политические соображения не будут ему изложены предварительно, что я могу сделать только через президента республики, после сформирования кабинета, с помощью Рувье. Было бы необходимо, чтобы Витте был осведомлен об этих условиях здешней ситуации.

Нелидов.

Телеграмма Ламздорфа Нелидову [1]).

На мое представление е. в. император соизволил сегодня пожаловать г. Рувье орден святого Александра Невского, украшенный бриллиантами. Орденские знаки и документы вам будут отправлены с курьером в четверг.

Ламздорф.

Телеграмма Ламздорфа Нелидову [2]).

Сообщается послу в Берлине и уполномоченному на конференции по марокккским делам (послу в Испании) в Алжезирасе.

Петербург. 13 марта (28 февраля) 1906 г., №№ 248—250.

Из передаваемой вам за № 2 телеграммы графа Кассини [3]) вы усмотрите, что, вследствие возникших в последнюю минуту новых затруднений в Алжезирасе, дело конференции рискует потерпеть неудачу и на сей раз делегаты остальных держав склонны будут приписать таковой прискорбный оборот неосновательному упорству Франции.

Во избежание сего благоволите, как только сформируется новый кабинет, обратить самое серьезное внимание министра иностранных дел на необходимость принятия французским правительством примирительного решения во избежание разрыва конференции.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 14 (1) марта 1906 г.

Несмотря на то, что кабинет Саррена сформирован, потребуется время, чтобы получить возможность серьезно поговорить о делах с новым министром иностранных дел. Присутствие в министерстве Клемансо, несмотря на предупреждения, которые я делал президенту в течение кризиса [4]), может причинить большие затруднения для заклю-

[1]) На документе дата отсутствует.

[2]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 28 февраля 1906 г.».

[3]) См. тел. Кассини от 12 марта (27 февраля).

[4]) Соглашаясь с Нелидовым, что «назначение Клемансо членом кабинета совершенно не соответствует нашим видам», Ламздорф предупреждал посла в Париже о необходимости «соблюдать крайнюю осторожность»: «нельзя быть уверенным, что ваши представления возымеют желанное действие и, в случае неуспеха, вы можете лишь еще более возбудить враждебное чувство Клемансо по отно-

чения займа. Я рассчитываю переговорить завтра с Фальером и при первом же свидании иметь об этом серьезный разговор с Буржуа.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 15 (2) марта 1906 г.

Я только-что имел свидание с председателем совета и с Клемансо. В объяснениях, сделанных по существу и с полной откровенностью намерений, они мне дали формальное заверение, что союз с Россией, более чем когда-либо необходимый для Франции, будет всецело поддержан и что проектируемые нами финансовые операции, как было решено и предыдущим кабинетом, не испытают ни малейшей помехи со стороны правительства. И Саррен, и Клемансо утверждают, что они всегда были искренними сторонниками союза с Россией; последний пытается даже утверждать, что он критиковал иногда лишь способ, которым французское правительство использовало этот союз. Что касается его словесных выпадов, оскорбительных для нас, он выражает о них сожаление и приписывает их той свободе печати, которая понуждает журналистов, мало ответственных за свои слова, к резкости в выражениях, не всегда отвечающих действительным намерениям. Я с большой готовностью принял эти объяснения, ввиду необходимости поддерживать министра внутренних дел, который как бы приносил почти повинную своим благожелательным расположением, столь необходимым для успешности нашего займа.

Нелидов.

Письмо великобританского поверенного в делах Ламздорфу.

С.-Петербург. 17 (4) марта 1906 г.

Лично и конфиденциально.

Граф,

Я хочу поделиться с вашим превосходительством следующими фактами: германский посол в Лондоне, опираясь на последнее германское предложение в отношении Марокко, в присутствии сэра Эдуарда Грея сказал, что даже сэр А. Никольсон, в разговоре со своим немецким коллегой, выразил мнение, что Франция должна будет уступить. Сэр Эдуард Грей сейчас же телеграфировал об этом

шению к России» (тел. от 15 (2) марта 1906 г., № 272). На царском экземпляре проекта телеграммы имеется помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село. 2 марта 1906 г.».

сообщении сэру А. Никольсону, который ответил: «Я не говорил германскому делегату ни прямо, ни косвенно, что Франция должна будет уступить в каком-либо пункте, что это еще вопросы, подлежащие обсуждению».

Сообщая мне об ответе сэра А. Никольсона, сэр Эдуард Грей прибавил дословно следующее: «Правительство его британского величества будет, несомненно, продолжать поддерживать Францию на конференции в Марокко».

Я считаю полезным сообщить вашему превосходительству частным образом телеграмму сэра Эдуарда Грея, ввиду слухов, появившихся здесь по поводу позиции сэра Эдуарда Грея на конференции, которые по характеру очень напоминают вышеупомянутое утверждение.

Сесиль Спринг Райс [1]).

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 18 (5) марта 1906 г.

Падение французского министерства было причиной задержки работ конференции. Ревуаль счел нужным ввести нового министра иностранных дел полностью в курс дела относительно Алжезирасской ситуации. Ближайшее заседание состоится, возможно, во вторник. Мои беседы с Таттенбахом позволяют заключить о возможности того, что Германия уступит в отношении Казабланки взамен компенсации по вопросу о банке. В ожидании, ни одна из сторон не решается взять на себя инициативу предложения, касающегося этих пунктов. Ревуаль, постоянно опасаясь козней, желал бы, чтобы Германия заговорила первой. Германия, напротив, ждет, чтобы Франция высказалась относительно австрийского проекта. Это положение не сможет продолжаться до бесконечности. Я склоняю Ревуаля поставить ясно вопрос на ближайшем заседании. Если эта комбинация, основанная на взаимных уступках, будет принята, Франция покинет конференцию с поднятой головой и должна будет быть признательной России за существенную поддержку, оказанную ей в этом отношении. Состояние умов заставляет меня видеть в поддержке Англии по вопросу Казабланки больше вреда, чем пользы.

Граф Кассини.

---

[1]) Ссылаясь на это сообщение о позиции Англии, Ламздорф телеграфировал послу в Берлине (сообщ. Нелидову и Кассини): «Хотя императорское правительство, как вам известно, всячески старается повлиять в примирительном духе на парижский кабинет, но все же мы отнюдь не полагаем, что Германия, приняв австрийский проект, дошла до крайнего предела возможных уступок и что Франция должна, всецело отказавшись от своей точки зрения, согласиться на немецкие домогательства» (тел. от 17 (4) марта, №№ 286—288).

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 19 (6) марта 1906 г.

Виделся вчера с новым министром финансов. Он выражает полную готовность способствовать заключению нашего займа, но утверждает, что до благоприятного окончания конференции нельзя и помышлять о какой-либо операции, ибо общественное мнение взволновано и не удовлетворится исходом, который не обеспечил бы вполне сохранение мира. Сегодня передал орден Рувье. Он будет лично благодарить ваше сиятельство.

Нелидов.

Письмо французского посла в Петербурге Ламздорфу.

С.-Петербург. 19 (6) марта 1906 г.

Буржуа мне телеграфирует, что германское правительство считает друзьями не только Англию, но и Россию, ввиду того, что последняя отнеслась благосклонно, вопреки мнению Франции, к установлению специального режима в порте Казабланка.

Ваше превосходительство знаете, с какой энергией британское правительство опровергло это известие и правильно осветило позицию, несправедливо приписываемую сэру Артуру Никольсону. Буржуа считает, что было бы не менее полезно, если бы русское правительство сделало бы это также и со своей стороны, в выражениях не менее категоричных; он поручает мне выразить вам, насколько он был бы признателен вашему превосходительству, если бы вы смогли в этом смысле телеграфировать представителям России при правительствах, представленных на Алжезирасской конференции, а особенно послам в Вашингтоне, Риме, Лондоне, Мадриде, Вене и Берлине.

Так как конференция должна собраться завтра, во вторник, было бы крайне необходимо отправить такую телеграмму. Буржуа, придавая огромное значение этому шагу и веря в крепкую поддержку, которую Франция не переставала получать от России в Алжезирасе, просит меня ему телеграфировать, пожелает ли ваше превосходительство удовлетворить его просьбу. Я буду вам очень обязан, если вы мне сегодня же дадите возможность ему ответить, и буду весьма признателен, если позволите это сделать в благоприятной форме.

Бомпар.

Телеграмма Ламздорфа Кассини [1]).

Сообщается российским представителям в Лондоне, Париже, Риме, Вене, Вашингтоне и Берлине.

Петербург. 19 (6) марта 1906 г., № 298.

Императорское правительство считает необходимым решительным образом опровергнуть распространяемое известие о том, что оно будто бы, в противность взгляду Франции, высказывается за установление особого полицейского режима в Казабланке. Известие это ни на чем не основано, а потому, во избежание нежелательных недоразумений в столь важном деле, благоволите подтвердить французскому уполномоченному готовность вашу поддерживать его в вопросе о полиции в названном порте.

О таковой данной вам инструкции одновременно сообщается другим державам, участницам конференции, дабы и пред ними рассеять могущее вкорениться убеждение в какой-то двойственной игре России, тогда как, помимо желания поддержать союзницу в справедливых домогательствах, старания ее направлены исключительно к высшей примирительной цели и к отысканию достойного для обеих сторон выхода из возникших затруднений.

(Для послов, кроме графа Кассини:)

Благоволите о вышеизложенном довести до сведения правительства, при коем вы аккредитованы.

Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 21 (8) марта 1906 г., № 48.

Положение вещей в Алжезирасе только еще начинает выясняться. Французское правительство глубоко признательно России за содействие, и я отнюдь не сомневаюсь в искреннем его желании помочь нам в заключении займа, которого ожидают и финансовые круги. Но для успеха операции необходимо возвращение доверия к прочности мирного положения в Европе, а доверие это еще не существует. Буду, впрочем, сегодня же настаивать перед министром иностранных дел, чтобы доверенному графа Витте банкиру Нецлину разрешено было министром финансов приступить к переговорам о займе.

Нелидов.

---

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село. 6 марта 1906 г.».

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 21 (8) марта 1906 г., № 51.

Продолжение моей телеграммы № 48.

Министр иностранных дел просит передать графу Витте самое положительное заверение, что все обещания и обязательства, взятые на себя его предшественником, будут в точности исполнены. Он переговорит с министром финансов относительно соглашения с Нецлином о возможности скорейшего разрешения и действий по займу. Но нынешний министр финансов менее в себе уверен, чем Рувье, а положение дел в Алжезирасе далеко еще не выяснено.

Нелидов.

Телеграмма Кассини Ламздорфу.

Алжезирас. 22 (9) марта 1906 г.

Я сообщил Ревуалю содержание вашей телеграммы от 6 марта [1]). Никогда тень какого-либо сомнения не могла возникнуть ни у французского правительства, ни у него самого относительно правильности, твердости и законности наших действий на конференции, а также относительно действительности поддержки, которую оказывала ему Россия. Я придал заявлению всю желательную полноту. Общее впечатление — благоприятно.

Граф Кассини.

Депеша Нелидова.

Париж 22 (9) марта 1906 г., № 24.

В близкой связи с происшедшей здесь переменой министерства и с ходом дел на Алжезирасской конференции стоит для нас вопрос о займе.

Как ваше сиятельство могли убедиться из других донесений моих от сегодняшнего числа, я не терял его из вида при вступлении в сношения с новыми министрами. При переговорах с г. Буржуа о марокканских делах я тоже представил ему необходимость скорейшего разрешения возникших затруднений, дабы нам возможно было начать переговоры с банкирскими домами, призванными к участию в предложенной нами широкой финансовой операции.

Я имел честь передать вчера вашему сиятельству по телеграфу положительные заверения, данные мне министром иностранных дел,

---

[1]) См. тел. Ламздорфа от 19 (6) марта № 298.

и способные, на мой взгляд, окончательно рассеять все сомнения, которые могли возникнуть относительно искренности и добросовестности действий французского правительства в этом вопросе.

Стараясь отдать себе более точный ответ о настроении здешнего мира по отношению к возможности заключения нами большого займа, я получил убеждение, что, за полным отсутствием каких-либо дел, здесь с нетерпением ожидают выпуска нашего займа, на котором банкиры рассчитывают нажить значительные барыши. Но, по собственному их признанию, успех этой операции будет зависеть исключительно от степени доверия, которое здешний рынок и предполагаемые подписчики получат к прочности мирного течения дел. Хотя на бирже курсы ценных бумаг и поддерживаются в силу надежды на благополучный исход конференции, но новых предприятий никто не предлагает, так как рядом с этой надеждой существует неуверенность, принимающая по временам характер открытого беспокойства. Продолжительность натянутого положения отзывается на нервном настроении населения, с которым нужно считаться, чтобы достигнуть желаемого успеха.

Поэтому я считаю совершенно искренними уверения министров иностранных дел и финансов, что обещания, данные графу Витте и д. т. с. Коковцову бывшим первым министром Рувье, будут точно выполнены. В них разрешение выпуска займа обусловливалось полным ускорением насчет возникших с Германией недоразумений из за Марокко. Такое успокоение еще не наступило, но есть полное основание его вскоре ожидать.

Рядом с этим обстоятельством, не могу не признать, что новый министр финансов Пуанкаре гораздо менее уверен в себе и решителен, чем его предшественник. Едва вступив в должность, он, быть может, чрезмерно осторожен и боязлив, почему я и счел долгом настоять вчера перед министром иностранных дел, чтобы он повлиял на своего финансового к о л л е г у для побуждения его, ввиду благоприятного оборота, принимаемого ходом конференции, разрешить, по крайней мере, состоящему в сношениях с нашим финансовым ведомством банкиру Нецлину начать переговоры с главными здешними банками для подготовления займа.

Г. Буржуа обещал это исполнить, но предупредил меня, что так как французское правительство само будет нуждаться в обращении к рынку, то г. Пуанкаре, опасающийся резких потрясений денежного рынка, будет сугубо осмотрителен как для исполнения французской, так и для разрешения нашей денежной операций.

Н е л и д о в.

Депеша Остен-Сакена [1]).

Берлин. 23 (10) марта 1906 г., № 19.

Не считаю себя в праве скрыть от вашего сиятельства крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на здешнее общественное мнение оглашением парижскою газетою «Temps» содержания инструкции от 6 (19) сего марта, преподанной вами первому российскому уполномоченному на Алжезирасской конференции, графу Кассини, касательно организации полиции в Казабланке и поддержания на конференции домогательств Франции в марокккском вопросе.

Опубликование германским правительством точного перевода этого документа, который был мною сообщен имперскому канцлеру, к сожалению, не могло существенно смягчить тягостное впечатление, вызванное тенденциозной редакциею, в коей эта телеграмма была оглашена в Париже.

Появившиеся по этому поводу в «Северо-германской газете» две заметки отличаются, правда, сдержанным тоном и указывают на значительную разницу между двумя упомянутыми редакциями, но при этом официоз добавляет, что опубликование инструкции в столь враждебно по отношению к Германии настроенном органе, как «Temps», остается тем не менее фактом, обращающим на себя внимание.

Правительство старается, с своей стороны, воздействовать в умеряющем духе на органы печати, поддающиеся его влиянию, рассчитывая, очевидно, на то, что императорским правительством будет признано возможным смягчить произведенное инструкциею впечатление.

Зато газеты, не имеющие связей с правительством, в числе коих имеются довольно влиятельные органы, в крайне резких выражениях высказывают свое неудовольствие по поводу столь, по их словам, неприязненного и ничем не вызванного поступка России, с которою германское правительство всегда старалось поддерживать наилучшие отношения, доказательством чего служит в высшей степени корректный образ действий Германии во время минувшей войны.

Резкость суждений немецкой прессы в данном случае, конечно, объясняется отчасти общим нервным настроением, обусловленным столь медленным и неудовлетворительным ходом переговоров в Алжезирасе, держащих Европу в тяжелом настроении неизвестности в будущем, — но тем не менее инцидент с «Temps» представляется крайне прискорбным для наших интересов, так как он, бесспорно,

---

[1]) На подлиннике царский знак рассмотрения.

увеличил в Германии и без того значительное число наших недоброжелателей.

Дабы ваше сиятельство имели возможность судить о степени возбуждения здешнего общественного мнения по поводу означенного инцидента, считаю долгом приложить у сего в газетной вырезке передовую статью, появившуюся в сегодняшнем номере» «Berliner Tageblatt», органе, имеющем, как известно, связи с финансовыми кругами и за последнее время обсуждавшем русские дела в сравнительно корректном тоне.

Указывая на своевременное ослабление России, лишающее ее на долгие годы возможности играть роль активного политического фактора в Европе, газета предлагает имперскому канцлеру последовать примеру князя Бисмарка и «в ответ на непростительный вызов, брошенный Германии последним циркуляром, прибегнуть также к грубым мерам».

По словам «Berliner Tageblatt», князь Бисмарк в 1888 году, находясь в несравненно более опасном положении и имея против себя гораздо более могущественную Россию, нежели ныне, не постеснялся однако закрыть русским бумагам доступ на германский денежный рынок. Подобного же образа действий газета ожидает и от теперешнего правительства, спрашивая себя, почему в ответ на циркуляр князь Бюлов не заявит открыто, что Германия не примет участия в реализации будущего русского займа, что неминуемо затруднит реализацию его и во Франции.

В конце статьи газета взывает к народным представителям, чтобы они путем запросов в парламенте побудили князя Бюлова нарушить свое молчание и открыто высказать, какое положение правительство намеревается принять ввиду упомянутого оскорбления, нанесенного Германии Россиею.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Ламздорфа Остен-Сакену [1].

С.-Петербург. 24 (11) марта 1906 г., № 323.

Германский посол явился вчера ко мне для объяснений по поводу статьи газеты «Temps».

Г-ну Шену было мною заявлено, что императорское правительство своим заявлением имело в виду лишь восстановить истину, подобно тому, как недавно это было сделано Англией, когда сэру Никольсону

[1]) На царском экземпляре проекта телеграммы помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 11 марта 1906 г.»

приписан был образ действий, которого он никогда не держался; что беседа д. т. с. Нелидова с политическим редактором названной газеты была вызвана главным образом сетованиями князя Бюлова на положение, занятое французскою прессою, «парализующей» будто бы образ действий Германии; что, к сожалению, попытка эта не удалась и сотрудник газеты передал факты в ложном освещении; что обстоятельство это не может быть однако неправильно толкуемо берлинским кабинетом, которому слишком хорошо известно положение, занятое в настоящем случае Россиею, искренно добивающейся достижения высшей примирительной цели, как сказано в циркуляре, и стремящейся найти выход, одинаково почетный для обеих сторон.

Я добавил, что именно в этом смысле помещено будет мною разъяснение в печати, и прочел в переводе г-ну Шену подлинный текст инструкций, данных графу Кассини.

Германский посол показался мне вполне удовлетворенным этими заявлениями, и я надеюсь, что, со своей стороны, вы сумеете воспользоваться ими, дабы окончательно изгладить в Берлине все последствия произведенного статьею «Temps» неблагоприятного впечатления.

Ламздорф.

Копия секретного письма Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

С.-Петербург. 29 (16) марта 1906 г., № 272.

Письмом и депешею от 10 сего марта за № 19 ваше сиятельство сообщили мне о том крайне неблагоприятном впечатлении, которое в Германии произвела статья газеты «Temps», передавшая в искаженном виде содержание циркулярной телеграммы моей от 6-го числа о готовности императорского правительства, вопреки распространенному известию, поддерживать Францию на Алжезирасской конференции в вопросе об устройстве полиции в Казабланке.

По этому поводу считаю долгом высказать несколько соображений и мыслей, могущих более обстоятельно выяснить отношение наше к образу действий Германии в настоящем деле.

Прежде всего нельзя не удивиться тому значению, которое, повидимому, стремятся придать в Берлине неуместной выходке французской газеты и вообще голосу печати в марокканском вопросе. Со времени развитий последнего образ действий Германии явно клонился к тому, чтобы унизить Францию, и союзнице нашей не только пришлось согласиться на созыв конференции, но и сделать существенные уступки по

[1]) На царском экземпляре проекта письма помета Николая II: «С[огласен]». Далее рукою Ламздорфа: «Царское Село, 15 марта 1906 г.»

разным частным вопросам, не говоря уже о таком обстоятельстве, как вынужденный уход в отставку г-на Делькассе. Приведенные факты в достаточной степени объясняют раздражение печати во Франции, и неудивительно поэтому, что шедшая, так сказать, во главе движения газета «Temps» воспользовалась беседою ее политического редактора с д. т. с. Нелидовым, чтобы лишний раз возможно больнее уколоть Германию. Все это так естественно, что, казалось бы, и не требует объяснений, тем более, что совершенно тождественное явление наблюдается в Германии. Не служит ли лучшим тому доказательством приложенная к депеше вашего сиятельства статья «Berliner Tageblatt»: можно ли в более резкой и неприличной форме, да к тому же и совершенно необоснованно, высказываться о действиях дружественной державы, столь много потрудившейся в интересах Германии для достижения благоприятного исхода конференции? И что же! Ваше сиятельство находите объяснение этого факта «в общем нервном настроении, обусловленном столь медленным и неудовлетворительным ходом переговоров в Алжезирасе». По чувству простой справедливости, то, что в данном случае применимо к Германии, должно быть применимо и к Франции.

Помимо того какое собственно отношение может иметь газета «Temps» к русскому правительству? Казалось бы, никакого. А между тем, проникая в скрытый смысл всех сообщенных вами сведений, следует заключить, что на Россию как будто бы возлагается ответственность за помещение циркуляра императорского министерства в искаженном виде во французском органе печати. Если в данном случае наш посол в Париже и входил в сношения с газетой «Temps», то это сделано было исключительно с целью повлиять на нее в примирительном духе, исполняя тем просьбу самого князя Бюлова, который заявил вам, что положение, занятое французскою прессою, «парализует образ действий Германии на конференции». Хотя такой взгляд на дело и трудно объяснить, и я отказываюсь понять, каким образом всесильная Германия, «бронированный кулак» коей всегда готов отразить всякое нападение, пасует перед печатью Франции; все же д. т. с. Нелидов сделал попытку повлиять в желаемом смысле на газету «Temps» в надежде, что попытка эта будет иметь больший успех, чем предыдущие старания в том же направлении французских министров. К сожалению, вполне искренно выраженному и послом нашим в Париже, его усилия не увенчались успехом, но ответственность в том никоим образом не может пасть на Россию. В данном случае Германия опять-таки дает пример того, как ей трудно действовать на печать — эту «седьмую великую державу». Цитированная выше статья «Berliner Tageblatt» служит ясным тому доказательством.

Обращаясь затем к образу действий и намерениям императорского правительства, нельзя не сказать, что по ходу работ конференции они выразились вполне определенно и, конечно, стоят выше всяких подозрений. Впрочем, вторая часть циркулярной телеграммы 6-го числа ясно ставит вопрос, и я могу лишь с новою силою повторить, что «помимо желания поддержать союзницу в справедливых домогательствах старания России направлены исключительно к высшей примирительной цели и к отысканию достойного для обеих сторон выхода из возникших затруднений». Стремление добиться решения, равно приемлемого как Германиею, так и Франциею, выставляет пред лицом всех участников конференции наше объективное отношение к делу, и выражения признательности, которые вы имели случай выслушать из уст самого князя Бюлова, за содействие, оказанное нами к улажению возникавших в Алжезирасе затруднений, наглядно свидетельствуют, что германское правительство вынуждено было признать корректность образа действий России. Последняя особенно ярко сказалась на первых же порах возникновения инцидента, который служит ближайшим предметом настоящего письма. Посланные графу Кассини 6-го марта инструкции были сообщены одновременно представителям нашим при других заинтересованных державах, и прежде всего вашему сиятельству для безотлагательной передачи содержания этих инструкций берлинскому кабинету. Такое направление дела свидетельствовало об открытом образе действий императорского правительства и о желании его лишь восстановить истину во избежание всяких недоразумений.

Все это, конечно, могло быть указано статс-секретарю по иностранным делам в объяснениях с ним по возникшему инциденту, тем более, что его собственное отношение к вопросу едва ли носило на себе печать той же корректности.

Не говоря о вызывающем вообще характере политики Германии в марокканском вопросе, следует остановиться на крайней притязательности, обнаруженной ею уже по открытии заседаний в Алжезирасе, которая одно время встречена была явным неодобрением всех участников конференции. Совершенно не отвечающим общепринятым требованиям международных сношений следует признать и такой политический прием, как стремление Германии, еще в бытность г-на Рувье министром иностранных дел Франции, навязать последнему такие заявления в вопросе об устройстве марокканской полиции, которых он никогда не делал и действительность коих вполне опровергалась ясным смыслом официальных документов, обнародованных в «Желтой книге». В последнем же фазисе дела нельзя не отметить ничем не объяснимого стремления берлинского кабинета скомпрометировать сначала пред-

ставителя Великобритании сэра Никольсона, а после того и нашего уполномоченного графа Кассини. Некорректным следует считать и отношение берлинского кабинета к возникшему затем инциденту с газетою «Temps». Сетуя на французскую печать и ее резкий тон, обострившей положение, Германия, казалось бы, должна подать пример иного отношения к делу и с возможною искренностью воздействовать на германскую прессу. Между тем появившаяся в «Северо-германской газете» заметка официального характера едва ли отвечает этому условию, ввиду заключающегося в ней указания на то, как сказано в вашей депеше, «что опубликование инструкций в столь враждебно настроенном органе, как «Temps», остается тем не менее фактом, обращающим на себя внимание». Такое указание не могло, конечно, внести желательного успокоения. С недоверием следует отнестись и к явно обнаруженному в Берлине стремлению раздуть весь инцидент. Можно ли в самом деле серьезно отнестись к словам германского посла в С.-Петербурге, который в объяснениях со мною по настоящему делу нашел возможным указать на желание наше произвести циркуляром «давление» на Германию? Я даже отказался отвечать на подобную инсинуацию, сказав, что всякое мое заявление по этому поводу могло бы быть истолковано, как желание оправдаться, тогда как на самом деле я и мысли не допускал о возможности какого-либо давления. Значение этого ответа было, повидимому, хорошо понято г-м Шеном. Последний, говоря о неблагоприятном впечатлении, произведенном возникшею газетною полемикою, могущею отразиться на наших финансовых делах, все же нашел возможным воспользоваться обстоятельствами и указать на желательность, дабы сколько-нибудь изгладить это впечатление, принять с нашей стороны возможные меры к скорейшему отправлению скопившихся на границе германских грузов. И в этом факте, быть может, еще ярче, чем в других, сказался характер германской политики.

Все вместе взятое едва ли убеждает в искренности нашего соседа и, естественно, побуждает нас критически относиться к торжественным заявлениям князя Бюлова о сделанных Германиею уступках и о трудности найти какой-либо выход из существующего положения: за этими громкими фразами нет действительных фактов.

Руководствуясь однако высшими политическими интересами, императорское правительство, само собою разумеется, не сойдет с того пути, по которому оно пошло с самого начала работ конференции, и, конечно, попрежнему готово будет поддерживать традиционные отношения к Германии.

Ввиду сего, по просьбе германского посла и переданного вам желания князя Бюлова, в бюллетене телеграфного агентства помещено было

официозное опровержение статьи газеты «Temps». Нельзя не надеяться, что опровержение это произведет должное в Германии впечатление, тем более, что наряду с этим в германской прессе был обнародован и самый текст нашего циркуляра. Если бы однако нам суждено было ошибиться, и по этому поводу вам пришлось бы иметь объяснения с статс-секретарем по иностранным делам, то надлежало бы наглядно выставить всю необходимость для России держаться в настоящем деле золотой середины, во внимание к той примирительной роли, которая выпала на ее долю. Некоторые органы русской печати высказались неодобрительно об официозном опровержении нашем, но отзывы их едва ли заслуживают внимания после того, что один из главных, к голосу которого, повидимому, всего более прислушиваются за границею, а именно «Новое время», сначала охарактеризовал опровержение это заискиванием перед Германиею, а на следующий день высказался в смысле совершенно обратном.

В заключение мне приятно выразить надежду, что настоящий инцидент следует считать законченным. Если бы однако князь Бюлов вернулся к вопросу, то вы могли бы воспользоваться всеми соображениями настоящего письма для исчерпывающего с ним объяснения.

Ламздорф.

Телеграмма Кассини Ламздорфу [1].

Алжезирас. 31 (18) марта 1906 г.

Счастлив сообщить вам, что после переговоров этих последних дней, в которых русская делегация принимала самое деятельное участие, сегодня утром достигнуто полное соглашение по всем пунктам и что окончательный протокол будет подписан на будущей неделе.

Граф Кассини.

Письмо французского министра финансов Пуанкаре росс. послу в Париже Нелидову.

31 марта 1906 г.

Господин посол,

Спешу уведомить ваше превосходительство о том, что мое правительство сегодня утром меня уполномочило позволить Нецлину начать конфиденциальные переговоры, по поводу которых вы сделали честь написать мне позавчера. Я только-что принял Нецлина и поставил его

[1]) На отпуске телеграммы помета: «В сущности, было бы также полезно сообщить при сем прилагаемую благоприятную телеграмму графу Витте. Л[а м]здорф]. 19 марта 1906 г.».

в известность об этом решении. Дабы исполнить желание вашего превосходительства, мы даже не стали дожидаться официального подтверждения консультации, данной, как оказывается, г. Мартенсом его превосходительству г. Витте по вопросу о законности займа. Мы надеемся вскоре получить по этому вопросу точные сведения, которые по своей сущности смогут нас вполне удовлетворить. Но поскольку французское правительство хотело прежде всего засвидетельствовать свою верную и действительную дружбу по отношению к России, мы не сочли себя вправе дольше задерживать предполагаемой операции.

Пуанкаре.

Всеподданнейшая записка Ламздорфа [1]).

Только-что посетивший меня французский посол по поручению своего правительства сообщил, что к заключению займа во Франции ныне никаких препятствий не имеется.

Bompard прибавил к сему, что французское правительство, глубоко признательное за постоянное оказание ему в последнее время содействия, счастливо иметь возможность отдать себя в полное распоряжение России для облегчения предстоящих финансовых операций.

Граф Ламздорф.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 31 (18) марта 1906 г.

Прошу вас уверить гр. Витте, что я ни минуты не терял из виду нужд нашей казны и неблагоприятных обстоятельств, которые могли бы воспрепятствовать осуществлению необходимой нам денежной операции. Поэтому я не переставал настаивать перед французским правительством на скорейшем разрешении Нецлину начать переговоры о займе, но я должен заявить, что не видал никакого признака «явного намерения затянуть его осуществление». Новый министр финансов — щепетильный, но вполне добросовестный, хорошо расположенный адвокат и боязливый финансист, не решался дать согласия на выпуск столь значительного денежного запаса, пока не получил полной уверенности в сохранении в Европе спокойствия, в коем, судя по телеграмме, сомневается и граф Витте. Вследствие возобновленных третьего дня представлений моих президенту республики и председателю совета министров и министрам иностранных дел и финансов дело нашего займа сегодня представлено совету министров, и есть полное основание предполагать, что оно не встретит препятствий. С Нецлином переговоры уже начаты.

Нелидов.

[1]) На документе дата отсутствует.

Письмо Нелидова французскому министру финансов Пуанкаре.

1 апреля (19 марта) 1906 г.

Господин министр,

С особым удовольствием имел честь получить письмо, которое вы соблаговолили мне вчера послать, и спешу поблагодарить вас за него. Я счел своим приятным долгом немедленно сообщить его содержание своему правительству, испытывающему, я уверен, большое удовлетворение и глубокую признательность французскому правительству, которому оно, в свою очередь, было радо оказать услугу по вопросу о Марокко.

Я не премину рекомендовать моему правительству ускорить посылку подтверждения, желательного французскому правительству, по поводу полной конституциональности той финансовой операции, которую мы сейчас ведем.

Нелидов.

Письмо французского посла в Петербурге Ламздорфу.

1 апреля (19 марта) 1906 г.

Граф,

Конференция заканчивается при содействии представителя России. Вот случай сделать заключение в стиле прокурора: «И это — справедливость!» Во Франции никто больше не сомневается, что хорошо иметь друзей и союзников. Ныне отдают себе в этом отчет даже за пределами Франции.

Письмо, которое я получил от моего правительства, носит специальный характер; я просил графа Витте соблаговолить его получить; я уверен, что рассею все недоразумения, если они еще существуют.

М. Бомпар.

Депеша Нелидова.

Париж. 5 апреля (23 марта) 1906 г., № 28.

Как только здесь было получено извещение об отказе Германии от голландского или швейцарского начальника полиции в Казабланке, видя устраненным главный предмет разногласия между Германией и Францией, я стал усиленно настаивать перед французским правительством на разрешении представителю нашего министерства финансов г-ну Нецлину начать здесь переговоры о займе. Будучи по-

ставлен этим банкиром в известность о крайних сроках, в которые операция эта могла бы состояться, я написал министру финансов Пуанкаре обстоятельное письмо, в котором подробно и убедительно изложил все соображения, по коим начало переговоров должно было состояться без замедления.

Г-н Пуанкаре, с которым я затем имел личное объяснение, одновременно переговорив о нашем деле с министром иностранных дел, председателем совета и самим президентом республики, принял на следующий день г-на Нецлина, а затем представил вопрос на обсуждение совета министров.

Как я имел честь сообщить вашему сиятельству по телеграфу [1]), решение совета было вполне благоприятное. Для удовлетворения формальной стороны дела совет выразил желание, чтобы нами представлено было удостоверение о том, что предполагаемая операция не противоречит объявленному манифестом (30) 17 октября высочайшему решению предоставить высшее наблюдение за ведением финансовых дел имеющей собраться Государственной думе.

Это требование вызвано было тем обстоятельством, что некоторые оппозиционные газеты, отчасти по внушению русско-еврейских эмигрантов, с целью помешать заключению займа, стали указывать на необходимость для законной обеспеченности предполагаемой кредитной операции, чтобы она была утверждена Думою. В письме моем к г-ну Пуанкаре я указал на то, что Думе представлена будет на рассмотрение смета на 1907 год. Нынешний же финансовый год регулируется государственной росписью, утвержденною в силу прежнего законодательного порядка Государственным советом, а предположенная операция является ликвидационным займом годов 1905 и 1906.

Вот это-то объяснение и должно было быть подтверждено юридическим заявлением, основанным на законах и указах.

Имев честь получить вчера с особым курьером при письме вашего сиятельства от 18 марта перевод высочайшего указа о займе от 17 сего марта, я не замедлил препроводить его г-ну Пуанкаре, который принял его без всяких возражений и, как кажется, вполне этим сообщением удовлетворился.

Имеющий прибыть на-днях статс-секретарь Коковцов довершит это дело, для оборудования коего уже выехал в Лондон проводящий его в финансовых сферах г. Эдуард Нецлин.

Нелидов.

---

[1]) Имеется в виду тел. Нелидова от 31 (18) марта № 62, содержание которой в основном воспроизведено в публикуемой депеше.

Телеграмма Ламздорфа росс. представителям в Париже и в Лондоне.

Петербург. 6 апреля (24 марта) 1906 г.

Граф Витте просит меня передать вам следующую телеграмму: «Одновременно с ведением переговоров о займе с французскими и английскими банкирами императорское правительство вело переговоры и с германскими банкирами, причем последние не только не подымали вопроса о возможности несогласия со стороны их правительства, но, против того, как мы имеем доказательство, действовали с его согласия. Когда переговоры эти близились к концу и съехавшиеся в Лондоне банкиры уже почти вовсем согласились, германское правительство неожиданно заявило, что оно хочет делать свой заем, а потому не разрешает делать русский заем в Германии.

Так как для Германии заем не представляется спешным, то, очевидно, что это является неприязненным по отношению к России действием, что, впрочем, ясно и из бывших вчера в парламенте прений; это действие представляет собой ответ германского правительства на нашу энергическую поддержку Франции в Алжезирасе. Германское правительство хочет показать свое влияние и, расстроив всю операцию займа и поставив Россию в крайне трудное положение, рассчитывает внести также в наши отношения к Франции и Англии недружелюбные чувства. Было бы весьма печально для общего положения вещей, если бы подобный план мог удасться германскому правительству в какой бы то ни было степени. Необходимо ответом на такой недружелюбный шаг Германии ускорить заем и сделать его в возможно большем размере. Тогда германское правительство убедится, что принятая им мера, дабы вселить охлаждение, поведет к совершенно обратному результату, а именно, еще большему сближению с Франциею и установлению добрых отношений к Англии, которые за последнее время, к нашему удовольствию, делают столь явные успехи».

Ввиду чрезвычайной важности и крайней спешности этого дела для России в настоящую трудную минуту, прошу вас энергично передать изложенные соображения кому следует и употребить все усилия к успешному ходу операции.

Ламздорф.

Депеша Остен-Сакена.

Берлин. 6 апреля (24 марта) 1906 г., № 24.

Благополучный исход дипломатических переговоров по марокканскому вопросу на Алжезирасской конференции приветствуется с чувством горячего удовлетворения всеми органами немецкого общественного мнения.

Газеты выражают радость по поводу разъяснения политического горизонта и в значительном большинстве признают достигнутые Германиею на конференции результаты вполне удовлетворительными. Если по существу Германия и вынуждена была уступить некоторым домогательствам Франции, то взамен того ей удалось отстоять свой принципиальный взгляд на необходимость международного утверждения каких бы то ни было исключительных привилегий республики в Марокко и тем положить брешь в столь ненавистное Германии англо-французское соглашение 1904 года.

Обсуждая с бо́льшею искренностью, нежели до сего времени, причины, побудившие берлинский кабинет к столь энергической политике в мароккском вопросе, здешняя печать откровенно признается, что торгово-экономические интересы Германии в султанате играли в этом случае лишь второстепенную роль. Главным же поводом к поездке императора Вильгельма в Танжер и дальнейшей дипломати ческой кампании берлинского кабинета послужила сознанная необходимость доказать Франции, а попутно и другим державам, что Германия не потерпит продолжения политики г-на Делькассе, направленной к ее изолированию и к решению важных международных вопросов без ее участия.

Эту последнюю задачу немецкая печать, за немногими исключениями, считает ныне достигнутою и выражает полную надежду на возможность дальнейшего улучшения франко-германских отношений, если только правительство республики откровенно откажется от преследования тех политических целей, кои вынудили Германию к ее выступлению в мароккском вопросе.

При обсуждении образа действий прочих держав, участвовавших на конференции, немецкая пресса с особой признательностью отмечает поддержку, которую неизменно оказывали Германии австро-венгерские делегаты. Наоборот, в крайне раздраженном тоне отзываются газеты о двуличной роли союзной Италии, пославшей на конференцию главного инициатора франко-итальянского сближения маркиза Висконти Веноста. Один из берлинских органов печати говорит даже, «что алжезирасские дни итальянцами забыты не будут и что могут наступить обстоятельства, когда окажется полезным напомнить им о том, как Италия отблагодарила Германию за то, что ее император, первый из всех европейских монархов, признал в провозглашенном им в Квиринале достопамятном тосте «неприкосновенность Рима».

Что же касается до раздражения общественного мнения в Германии против России, то о нем вашему сиятельству уже известно из моих предшествующих донесений. Особенно резко к нам недоброже-

лательство выразилось в усиленной агитации прессы против участия Германии в предстоящем русском займе.

Граф Остен-Сакен.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 7 апреля (25 марта) 1906 г.

Французское правительство само озабочено неблагоприятными последствиями, которые может иметь для займа отпадение Германии. В совете министров Пуанкаре заявил, что уменьшение суммы, требуемой Россией, произведет очень дурное впечатление в области политической и финансовой. Он, следовательно, утверждал, что необходимо изыскивать всеми способами средства для пополнения всей необходимой нам суммы. Франция, — думает он, — сможет предоставить половину, с трудом более миллиарда; правительство после нас само будет нуждаться в займе пятисот или шестисот миллионов на надобности своего бюджета. Другая половина поделится между Англией, Америкой, Голландией и Италией. По отношению к этим последним здесь уже сделаны шаги, чтобы склонить их принять участие в операции. Здесь все же немного надеются на содействие Австрии — содействие, которое еще больше подчеркнуло бы изолированность Германии.

Нелидов.

Телеграмма Нелидова Ламздорфу.

Париж. 8 апреля (26 марта) 1906 г., № 66.

Дополнение к донесению моему от 23 марта № 28.

Во избежание всякого рода недоразумений сообщаю: во вчерашнем нашем разговоре о займе министр иностранных дел упомянул, что кроме переданного мною перевода высочайшего указа о займе, министерство иностранных дел ожидает обещанной юридической консультации, имеющей установить соответствие предпринимаемой операции с правами и прерогативами Думы. Составлением подробной записки занят, будто бы, по сообщению Бомпара, юрисконсульт министерства иностранных дел Мартенс. Министр иностранных дел просил меня также передать вашему сиятельству и довести до сведения государя императора о глубокой признательности правительства за пожалованный французскому послу высокий знак благоволения [1]).

Нелидов.

---

[1]) На телеграмме помета: «Сообщено 27 марта графу Витте без последней фразы».

Телеграмма Ламздорфа Нелидову.

С.-Петербург. 9 апреля (27 марта) 1906 г.

В ответ на переданную мною телеграмму вашу за № 66 статс-секретарь Витте сообщает, что несколько дней тому назад Нетцлин телеграфировал ему о желании французского министра финансов иметь заключение тайн. сов. Мартенса о легальности займа. Мартенс написал краткое заключение, вполне благоприятное для займа, и передал его Коковцову, взявшему его с собой в Париж.

Ламздорф.

Февральская революция в Петрограде.

(28 февраля — 1 марта 1917 г.)

Печатаемые ниже документы представляют собой часть материалов Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы. Записанные с указанием не только числа, но и часа и минуты, эти донесения и приказы ярко отображают агонию борьбы обреченного самодержавия и необычайный энтузиазм, активность и сознательность масс, сбросивших многовековое иго. В них отражается и бурление революции, и попытки контрреволюционных сил дезорганизовать и дискредитировать ее погромами и грабежами, и первые усилия новой, еще зародышевой, власти внести организованность в движение, организовать отпор враждебным новому строю силам.

Стремясь к защите революции от разгрома ее царскими войсками, «Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов» организовал еще 27 февраля в Таврическом дворце «штаб». Ядро его составили несколько офицеров, известных за демократов, в том числе с.-р. — старший лейтенант Филипповский и офицер генерального штаба Мстиславский. Но когда образовался Временный комитет Госуд. думы «для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями», он сразу сделал попытку наложить руку на Военную комиссию: захватывая комиссию, буржуазные думцы хотели, с одной стороны, направить деятельность ее в сторону в о д в о р е н и я п о р я д к а, с другой — они хотели нажить в глазах восставших народных масс политический капитал в качестве защитников революции.

В противовес «советскому» председателю, с.-р. Филипповскому, думцы выдвинули комендантом Петрограда и председателем Военной комиссии полковника ген. штаба октябриста Энгельгардта [1]). Это назначение имело характер настоящего coup d'état. На протесты «советского» представителя, Н. Д. Соколова против «назначенцев» Родзянко, «пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться» [2]).

«Порядок» был быстро водворен: представителей «революционной демократии» выкинули, их место заняли офицеры ген. штаба, центральной фигурой стал инж. Пальчинский — «товарищ председателя Военной комиссии Александра Ивановича [Гучкова]», как он отрекомендовался Мстиславскому. По своему составу и политической

---

[1]) Энгельгардт стоял во главе Военной комиссии два дня, после чего председательствование перешло к А. И. Гучкову.

[2]) С. Мстиславский «Пять дней», изд. Гржебина, Москва, 1922.

физиономии Военная комиссия по существу превращается в штаб Петроградского военного округа, ввиду того, что прежний штаб «без вести пропал».

Печатаемые ниже документы отражают главным образом «советский» период существования Военной комиссии, именно 28 февраля. Со всех сторон поступают донесения добровольцев об обстрелах с крыш протопоповскими городовыми, о провокационных погромах и т. д. Тут же отдаются распоряжения о «снятии» пулеметов, об организации вооруженной охраны в зданиях общественного значения, на вокзалах и т. п., о расквартировании прибывающих со всех концов в столицу для выражения преданности новому строю войск и т. д. и т. д. Приказания пишутся наспех, от руки, разными лицами, за разными подписями, на первом попавшемся бланке: «Председатель Госуд. думы», «Товарищ председателя Госуд. думы» и др. Отпуска пишутся через копирку, буквально на клочках и обрывках бумаги.

Только исходящие дошли до нас в подлинниках, в виде отпусков. «Донесения» же представляют собой копии поступавших в Военную комиссию письменных, устных и телефонных заявлений. Как те, так и другие хранятся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции.

Ф. Д.

ДОНЕСЕНИЯ В ВОЕННУЮ КОМИССИЮ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУД. ДУМЫ.

№ 1.

Донесение.

Из Ораниенбаума по направлению к Петрограду выслана дезорганизованная толпа солдат, приблизительно 1 000 человек. Дошли до Петергофа. Если присоединятся тамошние части, то на Петроград может пойти приблизительно 15 тыс. человек.

Комендант Кронштадтской крепости.

3 ч. 45 м. 28/II.

№ 2.

Председателю Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы.

Заведывающего охраной на заводе «Респиратор» Центрального Военно-промышленного комитета

Рапорт.

Доношу, что в здании резиновой мануфактуры «Треугольник», находящемся против завода, поставлен на втором этаже пулемет, обстреливающий завод и улицу. Прошу о назначении обыска в данном месте.

Начальник охраны завода «Респиратор» прапорщик Лобан-Жученке.

5 ч. ночи 28/II.

№ 3.

Председателю Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы.

Заведывающего охраной на заводе «Респиратор» Центрального Военно-промышленного комитета

Рапорт.

Прошу распоряжения о немедленной высылке нижних чинов в количестве 60 человек для охраны завода и склада.

Начальник охраны прапорщик Жученко.

5 ч. ночи 28/II.

№ 4.

Донесение.

1. Доставлен броневой автомобиль «Лончестрь» с пушкой «Гочкис» и 36-ю зарядами и 3-мя шоферами, из них один наводчик.

2. Нужны механики на М. Дворянскую в гараж д. № 19 для ремонта автомобиля.

3. Между Народным домом и Петропавловской крепостью бронированная застава из 2 правительственных бронированных автомобилей, там же правительственные сторожевые посты.

4. Переодетый в штатское платье Дробинко, полицейский надзиратель, задержан без формы, с шашкой и револьвером. Этот человек должен дать сведения, сколько находится в гостинице «Москва» полиции.

5. ч. утра 28/II.

№ 5.

В Государственную думу.

Доношу, что мною занят склад огнестрельных припасов (Лабораторная улица). Все в порядке. Жду директив. Могут ли приступать к работам на складах и мастерских?

Поручик 1-го пех. зап. полка Ставин.

Пришлите удостоверение, что я охраняю и управляю временно складом по приказанию Временного правительства, а то публика недоверчиво относится.

10 ч. 28/II.

№ 6.

Донесение.

Пулеметы на углу Садовой, Городской дом, на углу Горох. и Мойки (2 пулемета), на углу Казанской и Гороховой.

10 ч. 45 м. 28/II.

№ 7.

Донесение.

Коменданту Совета депутатов.

Доношу, что собственный его имп. вел. железнодорожный полк к нам не присоединен, им охраняется царская ветка.

Казак Уссурийского казачьего полка А. Коротков.

4 ч. дня 28/II.

№ 8.

Донесение Энгельгардту.

Доношу, что у Зимнего дворца, Аничкова моста обстреливают из пулеметов, а также у д. № 8 по Дегтярному переулку. По сведениям, в Зимнем дворце укрыт жандармский дивизион.

Прап. Шаблинский.

16 ч. 10 м. 28/II.

№ 9.

Донесение.

Коломенская, 27. Толпа громит помещение.

11 ч. 45 м. веч. 28/II.

Донесение.

На Кирочной, 12, громят частную квартиру. Послана разведка.

Г. А. С.

3 ч. 55 м. ночи 28/II—1/III.

№ 10.

Донесение.

В Кронштадте беспорядки, митинги и пр. К 7 часам утра будут лошади. Просят выслать членов Думы, чтобы организовать.

4 ч. 5 м. ночи 1/III.

№ 11.

Донесение.

Вольноопределяющийся воздухоплавательной части Сергиев: в 8 ч. вечера дана охрана винных погребов — вызвались егеря, взвод 17 челов., посты заняты в Удельном ведомстве, Моховая, 40, полный порядок. Были во дворе посторонние с командой 62 челов., выведали. Оказалось, прошли через квартиры сторожей.

При удалении посторонних солдат вышло столкновение, отняли винтовку. Предвидится еще столкновение с 5 солдатами. Необходима смена.

Надо командировать смену со старшим или, лучше, офицером, человек 15.

Угол Семеновской и Литейного, погреб Шитта разгромлен. Воскресенский пр. угол Кирочной, магазин Баскова громят и пьют.

4 ч. 35 м. ночь на 1/III.

№ 12.

Запись — донесение.

Прапорщик 176 п. зап. п. Матвеев: из Красного села идут 8 000 в полном порядке. Необходима встреча: 1) помещение — не хватит вагонов-теплушек, которые топятся, 2) завтра будут, 1 марта, покормить. Предположено: 1) дать предписание 1 Петр. з. пех. п. Троицкий просп. против церкви Троицы — накормить 176; 2) исследовать.

Через завед. Балтийским вокзалом полковник Коссович.

4 ч. 55 м. утра 1/III.

№ 13.

Донесение.

Уг. Офицерской и Фонарной. Сообщено из частной квартиры, что громят. Просят помощи.

5 ч. 25 м. 1/III.

№ 14.

Звонил из Царского дворцового квартал. коменд. Гронтер. Ему важно переговорить с Мих. Влад. [Родзянко].

6 ч. 45 м. 1/III.

№ 15.

74—34 телефон коменданта Каменноостровского района. Павловское училище раскололось. Может быть, даже выступит против.

6 ч. 50 м.

Громят погреб Рауля на Исаакиевской площади.

7 ч.

№ 16.

Донесение.

Полковник Волынский заявляет, что по Финляндской ж. д. поезда не ходят, просит разрешения открыть движение.

8 ч. утра 1/III.

№ 17.

Стрельба с крыш из пулеметов по госуд. банку, Екатерининский канал, №№ 27, 29, 31, и усиленно из редакции «Петроградского листка».

28/II.

№ 18.

Санитары лазарета Зимнего дворца просят прислать туда отряд войск, чтобы арестовать скрывающихся там лиц и прекратить стрельбу с крыши из пулеметов и охранять дворец.

Дворец сейчас ни в чьей власти. Часовые сняты, но внутри еще сторонники старого правительства.

По поручению санитаров студент Р. Изе.

28/II.

№ 19.

Караул, наряженный для охраны Сената от запасного бат. л.-гв. Кексгольмского полка, в составе 40 человек, просит Временное правительство дать караулу указание, что сделать и чьим распоряжениям подчиняется караул; полагаем, что оставить на произвол судьбы здание Сената было бы преступлением, ввиду громадной важности находящихся в нем документов. По близости Сената видны толпы пьяных, разграбивших, по слухам, гостиницу «Асторию».

28/II.

№ 20.

Два полигона — Морской и Сухопутный (по Ириниской ж. д., ст. Военная и Полигон) — не разоружены. Команды на обоих полигонах до 800 чел. Масса орудий и снарядов. Необходимо разоружить. Сообщил поручик Степан Иванович Мазуркевич, заведующий Охтенским пороховым заводом. Готов принять дело в свои руки, если дадут команду и хоть один бронированный автомобиль. Живет на Охт. порох. заводе [1]).

28/II.

№ 21.

Просьба разведки павловцев, находящихся на Финляндском вокзале, выслать в Петроградский патронный склад усиленную команду и несколько пулеметов, так как охраняет склад всего 40 человек без пулеметов.

Ст. унт.-офицер (подпись).

28/II.

---

[1]) В верхнем левом углу пометка карандашом: «К сведению».

ЛИЧНАЯ ЗАПИСЬ ОДНОГО ИЗ ЧЛЕНОВ ВОЕННОЙ КОМИССИИ.

№ 22.

Петропавловская крепость — пока база для обстрела адмиралтейства.

2 ч. 35 м. 28/II—1/III.

Войти в переговоры с капитаном Мышлаевским.

№ 23.

Пришли Семеновский, Павловский, Петроградский полки. Идут егеря. Имеется 3 пулемета.

2 ч. 40 м. 28/II—1/III.

Принято к сведению. Передать в ведение поручика.

№ 24.

О Петропавловской крепости и закупорке ее выхода.

3 ч. 00 м. 28/II—1/III.

Отложить до утра и просить утром ехать с отрядом В. А. Ржевского для переговоров.

№ 25.

Об аресте Совета министров в здании адмиралтейства.

3 ч. 15 м. 28/II—1/III.

Принять меры через Преображенский полк и просить полковника Энгельгардта переговорить с полком.

№ 26.

1. Сообщение о коменданте Кронштадтской крепости и о необходимости приостановить движение из Кронштадта и о поддержании порядка.

Послать семеновцев 500 и егерей 300 с офицерами и пулеметами.

2. О прибытии 177 полка и об обстреле нашей части правительственными войсками.

Наши части отходят.

(Неверное сведение — отставить). Но во всяком случае послать подкрепление.

3 ч. 15 м. 28/II—1/III.

№ 27.

1. Финляндский вокзал занять народными войсками.

2. 3-й запасный полк, один эшелон, прибыл с Балтийского вокзала.

Встретить прибывающие части и поддержать в случае необходимости соседними участками народных войск.

3 ч. 20 м. 28/II—1/III.

№ 28.

Арсенал на Литейном занять народными войсками.

Под командой пор. Петрова оставить всю охрану от гл. арсенала до Финляндского вокзала и Литейный и Сампсониевский мосты.

3 ч. 25 м. 28/II—1/III.

№ 29.

1. Невский, д. № 88 и на углу Знаменской под магазином Линден обстреливают войска и сами под обстрелом народных войск.

Ждать дальнейших сведений, так как подкреплений не просят.

2. О занятии водопроводной станции на Шпалерной.

Послать занять охраною с унтер-офицером часть.

3 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 30.

Телефонограмма коменданта Кронштадтской крепости о толпах солдат, идущих на Петроград (до 75 000?).

3 ч. 45 м. 28/II—1/III.

№ 31.

Запрос полковника Неслуховского, командира 1-го запасного полка, о патронах (М. Охта). Присоединение единогласное после собрания офицеров.

Доставить с Патронного завода 20 000 патронов к утру.

3 ч. 55 м. 28/II—1/III.

№ 32.

На Исаакиевской площади около 1 500 человек 2-го флотского экипажа.

4 ч. 05 м. 28/II—1/III.

№ 33.

О разоружении полицейских участков.

Разоружить все участки.

4 ч. 15 м. 28/II—1/III.

№ 34.

Об отправке бронированных автомобилей на Николаевский вокзал и подкреплений из Семеновского и Егерского полков.

Откомандировать названные части на Николаевский вокзал.

4 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 35.

Автомобильная рота перешла на сторону народа, забаррикадирована, в 8 часов будет здесь.

4 ч. 55 м. 28/II—1/III.

№ 36.

Доставлен броневой автомобиль с пушкою Гочкис. Ожидать распоряжений.

5 ч. 10 м. 28/II—1/III.

№ 37.

Сообщение мотоциклетной мастерской Измайловского полка, 10-й роты о готовности прибыть с мотоциклетками. Дан приказ быть у Государственной думы в 8 часов утра с мотоциклетками.

5 ч. 25 м. 28/II—1/III.

№ 38

Пришли Петроградцы и Измайловцы.

5 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 39.

Требование броневика для содействия 2-му флотскому экипажу. Назначен уже совместно с Преображенцами.

5 ч. 55 м. 28/II—1/III

№ 40.

На Николаевский вокзал прибыли войска и сдались.

6 ч. 00 м. 28/II—1/III.

№ 41.

Казаки и солдаты из Красного пришли спокойно.
На Путиловском тоже все спокойно.

7 ч. 1/III.

№ 42.

1. На Кирочной против Саперного батальона засела группа около 30 городовых с пулеметом.

2. Сыскная полиция ответила, что ее больше не существует и что надо обращаться в Г. думу.

7 ч. 10 м. 1/III.

№ 43.

Фонарный — погром.

8 ч. 1/III.

№ 44.

1. Резервная команда 9-го запасного кавалерийского полка, 35 человек, без оружия. Принять на учет.

2. Электротехнический батальон запасной, уг. Инж. и Садовой.

8 ч. 30 м. 28/II—1/III.

№ 45.

Во главе с командиром батальона остатки 9-го Драгунского полка и 2 роты семеновцев в полном боевом снаряжении.

8 ч. 50 м. 28/II—1/III.

№ 46.

Военно-автомобильная школа.

10 ч. 30 м. 28/II—1/III.

[БЕЗ ДАТЫ.]

№ 47.

В Зимний дворец пришла артиллерия из Царского села с 12-дюймовыми орудиями — пехота и кавалерия.

Сообщено из Саперного запасного батальона.

№ 48.

Стреляют из пулеметов в Зимнем дворце по набережной и по площади. Наших совсем нету.

№ 49.

Из достоверного источника мы узнали, что к Зимнему дворцу подано несколько автомобилей с целью удрать из последнего. Доводим до сведения Военной комиссии и просим принять надлежащие меры для задержания последних.

Подпоручик Пашкевич.

№ 50.

Показание полицейских чинов Зимнего дворца 10 рез. роты Зуева, Петрика и Киняева.

Вместе трое решились уйти из Зимнего дворца, желая перейти на сторону народа. Содержались там в качестве охраны. В Зимнем дворце живут — скрылись: градоначальник генерал-майор Балк, ген.-лейт. Вернандер [?], ген.-лейт. Галле и Хабалов, жандармский завед. всеми жандармскими дивизионами. Охраны нашей человек 70, винтовок 20, у остальных револьверы. Конные есть. Пулеметы — 2 и орудия — 2 стоят во дворе. Солдаты кадровые Измайловского полка 1 и 2 роты и других частей — всех до 1 полка — охраняют Зимний дворец. Сидят в подвалах. Боятся Петропавловской крепости. Предупреждение может оказать должное воздействие. Войска перебежали из градоначальства, где сидели 2 суток, в адмиралтейство, в 4—6 ч. вечера и перешли через час в Зимний.

После службы поступил сразу в полицию — Киняев, Петрик после ранения, а Зуев с 28 по назначению из полка.

Зуев, Киняев, Петрик.

№ 51.

Нужна военная охрана Зимнего дворца и Эрмитажа. Там правительственных войск нет, я сам обошел один в сопровождении коменданта весь дворец. Сам комендант просит охраны.

[Без подписи].

№ 52.

Гренадерский полк на Петроградской стороне требует мотора для патронов.

Арсенал требует подкрепления.

Иван Александрович[1].

№ 53.

Немедленно вышлите подкрепление 350 человек на Лиговку, угол Чубарова переулка.

Большая засада. Действуют 6 (шесть) пулеметов [2].

№ 54.

Автомобиль бронированный, посланный на Морскую, 24, отбит полицией. Требуют подкреплений для отобрания автомобиля.

---

[1]) Левый с.-р. Александрович, впоследствии активный участник лево-эсеровского мятежа.

[2]) Внизу карандашом помечено: «Не оправдалось».

№ 55.

С Морской, уг. Невского и Телефонной улицы, требуют подкрепления. Там жандармы пулеметами расстреливают санитарные автомобили, так что раненых невозможно подбирать.

№ 56.

Просят уг. Садовой и Инженерной немедленной помощи для усмирения пьяных солдат.

№ 57.

За Московской заставой полиция на местах устроила засаду.

№ 58.

Караул, стоящий на углу Кирочной и Шпалерной, сообщил, что по сведениям, доставляемым частными лицами, в академии генерального штаба собралось около 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с целью нападения на Таврический дворец.

№ 59.

В Коломенском районе, Коломенская часть, Знаменская церковь, городовые забираются на чердаки домов, вооружены пулеметами, производят выстрелы по собраниям групп народа. Наводят панику на солдат.

Сняты матросы со «Штандарта», «Авроры», «Екатерины». Часть офицеров оставлена при судах, есть расстрелянные офицеры, как то: командир «Авроры», старший офицер и кондуктор.

На судах имеются запасы провианта. Устроен перевязочный пункт. При всем этом работали собственные автомобили Франко-Русского завода.

По дороге к Думе раздавались выстрелы с Царскосельского вокзала. Просьба учредить питательный пункт на курсах Лесгафта — на Английском проспекте, 10.

№ 60.

Занимающий должность караульного н-ка на Финляндском вокзале доносит: из Финляндии движется 2 эшелона войск, которым машинисты очистили путь: в карауле 8 чел., нужно подкрепление.

№ 61.

В городе все спокойно. Солдаты жалуются на холод. Были захвачены 18 бронированных автомобилей, из коих по дороге вследствие порчи оставлены 4, остальные в районе фабрики «Треугольник».

На Литейном и Загородном пр. группы семеновцев, измайловцев и петроградцев жаловались на холод и недостаточность сведений. Они не знали, куда итти, и решили в конце концов отправиться в казармы.

На окраинах происходят разгромы магазинов.

№ 62.

Г. коменданту.

Освобожденные из Петроградской пересыльной тюрьмы просят г. коменданта указать место, куда бы они могли притти и получить как пост[ель?], так кварт. и пищу и оружие, а также просят пропуск.

Освобожденный политический Ульянский.

№ 63.

Донесение.

На Гончарной ул., № 6 — засада полиции. Автомобиль (грузовик) имеется, солдаты также. Нужно разрешение поехать.

Грушецкая.

№ 64.

Уг. Жуковской и Лиговской — разгром подвалов Соловьева. Отстояли один погреб, а один разгромлен.

Пьяные солдаты по три ходят, 1 караулит — все пьют; квартиры не трогают, спрашивают, где хозяин.

[Подпись.]

8 ч. 30 м.

№ 65.

У Семеновских казарм много солдат; не зная, что делать, просят руководителя. Все вооружены.

№ 66.

Сообщение Продовольственной комиссии.

По поступившим сведениям, два подозрительных субъекта раздают воинским чинам спиртные напитки и распространяют заведомо ложные и тревожные слухи.

Член продовольственной комиссии [подпись].

№ 67.

Донесение.

1) Манежный пер., дом № 2, Спасо-Преображенский лазарет,в коем есть «больные» офицеры, не примкнувшие к движению, и укрывшийся генерал Акимов — ярый сторонник царя. Оружие их хранится в лазарете.

2) Автомобили циркулируют по городу часто без дела, люди с револьверами в руках наводят панику.

3) В некоторых госпиталях сохранился старый порядок. Необходимо подчинить их новому правительству.

4) В Петрограде всех офицеров взять на учет.

№ 68.

Донесение.

Поручено организовать охрану арсенала, где будто бы идет разгром.

№ 69.

Донесение.

В складе огнестр.-ручных бомб нагрузили 4 вагона — отправляются с Финляндского вокзала.

№ 70.

Донесение.

Знаменская, дом 3 или 5, имеются пулеметы с лентами.
Никем не охраняется.

№ 71.

1) На крышах 2-х домов по Знаменской ул.(дом № 10 и дом уг. Баскова) пулеметы. Просьба снять их.

2) О порченом автомобиле и просьба прислать помощь.

№ 72.

Царкосельский вокзал изнутри заперт.В нем видны жандармы. Семеновцы с оркестром против Обуховской больницы стоят.

№ 73.

На углу Невского и Морской происходит перестрелка. Стреляют городовые и солдаты. Говорят, есть трое убитых. Публика просит послать войсковые части.

№ 74.

В районе Ковенского пер., около Преображенской, стреляют. Сообщил капитан гл. арт. управления.

На 6-й Рождественской стрельба с крыш.

№ 75.

Каменноостровский, 65, кв. полициймейстера Галле обстреливает проходящих.

№ 76.

Донесение.

У Тучкова моста в засаде 2 роты Финляндского полка. Сил нет с ними справиться, просят помощи.

№ 77.

Донесение.

В Медвежьем стане, около Лесного, стоят 2 батальона пехоты. Надо послать туда человека, чтобы офицеры не повели их на город. Солдаты волнуются и охотно примкнут к восставшим.

№ 78.

Донесение.

1) Ожидается 2 эшелона из Новгорода или Чугуева. Нужна немедленная помощь.

2) Уг. Инженерной и Садовой плохо. Наших патрулей нет в этом районе.

№ 79.

Донесение.

Склад огнестрельных припасов разгружают и отправляют на Николаевскую ветку. Необходим бронированный автомобиль или же автомобиль с пулеметом к даче Ратькова-Рожнова. (Выборг. стор., в конце Безбородкинского проспекта) для прекращения увоза снарядов.

1-го запасного полка (Охтенского) К у з ь м а.

Необходимо в Лесное послать также автомобиль, так как могут через Лесное на лошадях увозить. Ждут войска из Финляндии.

№ 80.

1) На Васильевском острове, на углу Среднего пр. и 1-й линии, разъезжают автомобили с патрулями околодочных надзирателей под флагом Красного креста.

2) Петроградская сторона, на Большом проспекте, стрельба с пулеметов, с крыш, просят прислать поддержку.

3) По Садовой, сворачивая на Гороховую, открыли огонь с крыш по санитарному автомобилю.

4) На углу Кирочной и Воскресенского пер. патрули просили прислать поддержку, так как солдаты грабят магазин.

Отряд Красного креста лейб-егерей.

№ 81.

1) Нужна охрана на Пороховой завод и завод взрывчатых веществ, а также на морские артиллерийские полигоны.

2) Экстренно нужен смазочный материал и пакли (для пулеметов).

3) Есть пулеметы и грузовой автомобиль и 2 пулеметчика. Нужны вооруженные солдаты.

4) Прибыла пушка и ждет распоряжения и осмотра.

5) 180 пех. зап. полк расстроен.

6) Преображенский полк у Думы без офицеров.

7) Нужно послать на М. Дворянскую взять 2 горфорда пушечных и один броневой остень.

8) В гараже «Бенц» есть броневые машины.

9) Послать в Михайловский манеж забрать броневики, бензин, магнето, а также несколько комплектов инструмента.

10) Снабдить револьверным оружием прислугу броневых машин.

11) Сообщают, что рабочие, около 15 000, окружены полицией в Школьном переулке, за Нарвской заставой.

12) На Гаванском поле, В. О., Средний пр., окружены около 2 000, угрожает полиция расстрелом. Уг. Невского и Владимирского просп. бронир. автомобиль.

13) Центральная телефонная станция занята быть не могла, так как оказались силы сопротивления. На углу Невского и Мойки — пулемет, на углу Морской и Кирпичного пер. — пулемет и сильная засада.

14) Площадь Зимнего дворца занята правительственными войсками.

15) Послать возможно большую силу на угол Морской и Невского пр., так как со стороны градоначальства идет страшный обстрел.

16) Охрана интендантских складов.

17) В жандармском управлении на Тверской патроны.

№ 82.

Донесение.

Правительственные войска не пропускают от Нарвских ворот путиловцев. Необходимо послать войска.

№ 83.

За Нарвской заставой по Петергофскому шоссе всюду правительственные разъезды (группами в 15—20 человек).

Путиловцы, командированные на работы, продолжают работу.

Рабочий Путиловского завода.

№ 84.

Донесение.

По улицам разъезжают грузовые автомобили. Многие из них нагружены боевыми припасами. Необходимо командировать с особыми полномочиями несколько легковых автомобилей для выяснения, куда и зачем ездят автомобили, и для приводки гуляющих автомобилей к Таврическому дворцу.

№ 85.

Донесение.

Сейчас были на Варшавском вокзале и узнали из достоверных источников: с фронта двинуты 35 эшелонов солдат в Царское Село и будут там в 4—5 ч. утра. Настроение их неизвестно. Потом в 6 ч. у. прибывают два литерных поезда, один со свитой и второй — царский. Нужно обратить внимание.

А. Коноваленко, член студ. кружка.

ПРИКАЗЫ, ИСХОДИВШИЕ ОТ ВОЕННОЙ КОМИССИИ.

№ 1.

Приказ.

Полковнику Назимову от Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы занять Царскосельский вокзал, электрическую ст. Бельгийского о-ва, сберегательную кассу и охранять весь район в пределах улиц Николаевской, Загородного, Владимирского проспектов, у Технологического института и примыкающий район.

Комендант Таврического дворца Юревич.

8 ч. утра 28/II.

№ 2.

Приказание.

Л.-гв. Преображенскому полку занять государственный банк, телефонную станцию (Морская, 22), выставить посты к Эрмитажу и Музею Александра III.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

8 ч. 10 м. 28/II.

№ 3.

Приказ.

Прапорщикам Пономаренко и Бобрицкому вступить во временное командование Волынским полком.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

Б. Энгельгардт.

8 ч. 30 м. утра 28/II.

№ 4.

Приказание.

Петроград.

Полковнику А. В. Бобинскому, командиру запасного электротехнического батальона, занять Центральную телефонную станцию (Морская, 22) для обслуживания телефонной сети, причем полковник ставит на аппараты и работу людей, которыми будет руководить инженер Толлочко на правах начальника станции.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

Б. Энгельгардт.

8 ч. 40 м. 28/II.

№ 5.

Приказание.

Петроград.

Подпоручику Станиславу Шиманскому отправиться, на основании полученных указаний, для производства ареста бывшего председателя Совета министров Бориса Штюрмера и доставки его в помещение Государственной думы. После этого занять управление воздухоплавательной станции.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

ст. лейт. В. Филлипповский.

8 ч. 45 м. утра 28/II.

№ 6.

Приказание.

Подпоручику Кулакову собрать 32 ряда нижних чинов на Бронницкую улицу для очистки ее от противника [1]).

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филлипповский.

8 ч. 55 м. 28/II.

[1]) Внизу пометка карандашом: «Исполнено».

№ 7.

Приказание.

Направить немедленно два грузовых автомобиля для принятия грузов важного государственного значения на Николаевский вокзал.

Председатель Воен. комиссии Гос. думы ст. лейт. В. Филиппповский.

9 ч. 28/II.

№ 8.

Приказание.

Военному чиновнику Биснек занять хлебопекарню офицерской кавалерийской школы, Таврическая ул., 41, поставить при ней охрану, начать работы и выдать из музея школы пулеметы, винтовки и другое оружие Военной комиссии. В помощь назначается вахмистр Александров.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Гос. думы [1]).

9 ч. утра 28/II.

№ 9.

Приказание.

Прапорщику Шишкину отправиться на Николаевский вокзал в помощь начальнику охраны Николаевского вокзала.

Председатель Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы Б. Энгельгардт.

9 ч. 30 м. утра 28/II.

№ 10.

Приказание.

Штабс-капитану Мягкову принять командование Волынским полком, а прапорщикам Пономаренко и Бобрицкому поступить в распоряжение штабс-капитана Мягкова.

Председатель Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы Б. Энгельгардт.

9 ч. 40 м. утра 28/II.

№ 11.

Приказание.

Прапорщику Андрусову отправиться в Михайловский манеж и вступить в командование своими людьми Павловского полка.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. утра 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 12.

Приказание.

Прапорщику Гримму вступить в командование своими людьми Павловского полка в Государственной думе.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. утра 28/II.

№ 13.

Приказание.

Прапорщику Иванову Сергею отправиться на Петроградскую сторону для поддержания порядка на улицах.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. 10 м. утра 28/II.

№ 14.

Приказание.

Полковнику Цемирову и прапорщику Распопину, в помощь первому, принять меры к поддержанию порядка в своем 3-м железнодорожном рабочем батальоне.

За коменданта Таврического дворца С. Димитриев.

10 ч. 20 м. утра.

№ 15.

Приказ.

Наезднику Сергею Архипову с 50 (пятьюдесятью) челов. арестовать на Знаменской ул., 41 контр-разведочное отделение штаба округа и начальника сего отделения полк. Якубова (Фонтанка, 54).

Председ. Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

10 ч. 45 м. 28/II.

№ 16.

Приказ.

Двум ротам Волынского полка с пулеметом немедленно выступить к Николаевскому вокзалу. По полученным сведениям, на вокзале высаживаются войска. Донесения посылать в Г. Д., Военная комиссия.

За председателя комиссии С. Димитриев.

28/II. 1917. 11 часов.

№ 17.

Приказ.

Прапорщику Ильинскому, Павловского полка, вступить в командование 4-й (четвертой) ротой, командой связи и разведчиков.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

10 ч. 50 м. 28/II.

№ 18.

Приказ.

Заведующему автомобильной колонной первой помощи капитану Клименко выдать предъявителю сего приказа имеющиеся в его распоряжении автомобили.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 20 м. 28/II.

№ 19.

Приказание.

Поручику Ставину охранять склад огнестрельных припасов по Лабораторной улице и приступить к работам в мастерских и складах.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 30 м. 28/II.

№ 20.

Приказание.

Вольноопределяющемуся Таирову Дмитрию и рядовому Маяковскому Владимиру произвести выборы представителей в военно-автомобильной школе, организовать ремонт машин.

Б. Энгельгардт.

11 ч. 30 м.

№ 21.

Приказание.

Прапорщику Пертику отправиться с ротой солдат на Петроградскую сторону для водворения порядка.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 35 м. 28/II.

№ 22.

Приказание.

Прапорщику Петрову — с ротой на Выборгскую сторону для водворения порядка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

11ч. 45 м. 28/II.

№ 23.

Л.-г. запасному батальону Преображенского полка приказывается занять караулы и охранять порядок во всем здании Таврического дворца и его ограде.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 45 м. 28/II.

№ 24.

Приказание.

Штабс-капитану Новицкому охранять порядок во вверенном районе, свободным людям приступить к работам по изготовлению снарядов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

11 ч. 50 м. утра 28/II.

№ 25.

Приказание.

Выдать прапорщику Тетерину из арсенала Военной комиссии 50 (пятьдесят) винтовок и ящик патронов к ним.

За коменданта Таврического дворца

ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. дня 28/II.

№ 26.

Приказание.

Капитану Васильеву занять главное здание телеграфа, охранять порядок и организовать власть.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета

ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 15 м. дня 28/II.

№ 27.

Приказание.

Военному чиновнику Усасу взять две роты Преображенского полка, занять и охранять здание химического комитета.

Ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 25 м. 28/II.

№ 28.

Приказание.

Двум ротам Волынского полка с пулеметом немедленно выступить к Николаевскому вокзалу. По полученным сведениям, на вокзале высаживаются войска. Донесения посылать в Госуд. думу, Военная комиссия.

За председателя комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 25 м. 28/II.

№ 29.

Приказание.

Поручается, по приказанию Временного правительства, поручику Грекову стать во главе гвардейского экипажа и 2-го Балтийского флотского экипажа. Занять Николаевский и Царскосельский вокзалы и по исполнении донести.

За председателя Военной комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 35 м. 28/II.

№ 30.

Приказание.

Начальнику Владимирского училища, в лице его представителя подполковника Саско, вступить в исполнение своих обязанностей по управлению училища и ведению в нем всех занятий.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

12 ч. 50 м. 28/II.

№ 31.

Приказание.

Начальнику Михайловского артиллерийского училища вступить в исполнение своих обязанностей и вести все строевые и учебные занятия.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

1 ч. 28/II.

№ 32.

Приказание.

Командировать команду в 40 человек для охраны Охтенского порохового завода из состава наличных команд.

Председатель Военной Комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

1 ч. 5 м. 28/II.

№ 33.

Приказание.

Подпоручику Лыцинскому вступить в командование 4-й роты Преображенского полка.

За пред. Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы кап. Иванов.

1 ч. 10 м. 28/II.

№ 34.

Приказание.

Подпоручику Сибирякову 2-й отдельной тяжелой батареи сформировать отряд для охраны складов запасов продовольствия в г. Петрограде и его окрестностях, вверенных члену Думы Миклашевскому, для чего означенному подпоручику разрешается взять себе помощника офицера и необходимое количество нижних чинов.

За председателя капитан Иванов.

13 час. 20 мин. 28/II.

№ 35.

Приказание.

1-му запасному пехотному полку отправиться немедленно к Николаевскому вокзалу для его охраны.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

1 ч. 25 м. 28/II.

№ 36.

Приказание.

Поручику Кубареву и корнету Карни-де-Бад взять 2 роты для водворения порядка в городе и организации команд.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

1 ч. 25 м. 28/II.

№ 37.

Приказание.

Подполковнику Косовичу особой бригады быть квартирьером для войск, следующих из Ораниенбаума, Нового и Старого Петергофа, Сергиева и Стрельны. В помощь ему назначается поручик Егоров, военно-автомобильной школы, прапорщик 102-й артилл. бригады Иванов Александр.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

1 ч. 30 м. д. 28/II.

№ 38.

Приказание.

Поручику броневого дивизиона Мартини принять командование броневыми машинами до прибытия поручика Дехтерева.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

1 ч. 35 м. 28/II.

№ 39.

Приказание.

Подпоручику Вульфиусу вменяется в обязанность охрана электрической станции (Обводный, 76), о-ва оптовых закупок (Обводный, 50) и главного почтамта.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

1 ч. 52 м. 28/II.

№ 40.

Приказание.

Командиру 16 пех. Ярославской дружины продолжать нести охрану заводов по II отд. гор. Петрограда. Пароли и пропуска назначайте сами до урегулирования этого вопроса.

Пред. Воен. комиссии Врем. комитета Гос. думы ст. лейт. В. Филипповский.

2 ч. 28/II.

№ 41.

Приказание.

Прапорщику Витте вступить в Волынский полк и с командой по назначению командующего полком занять Аничков дворец и выставить караул.

За пред. Воен. комиссии Вр. комитета Гос. думы ст. лейт. В. Филипповский.

2 ч. 5 м. 28/II.

---

[1]) Подпись отсутствует.

№ 42.

Приказание.

Казимиру Павловичу Маратову вменяется в обязанность останавливать автомобили, катающие[ся] без дела и собирать на пункт (уг. Сергиевской и Литейного пр.).

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 10 м. 28/II.

№ 43.

Приказание.

Шт.-капитану Скворцову принять на себя охрану собрания армии и флота. В распоряжение его предоставить 5 нижних чинов.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

2 ч. 15 м. 28/II.

№ 44.

Приказание.

Рядовому Ивану Якшину принять пулеметы, хранящиеся в петроград. портовой таможне и принадлежащие авиационной школе.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

2 ч. 17 м. 28/II.

№ 45.

Приказание.

Прапорщику Тофорову вменяется в обязанность останавливать всякий грабеж магазина на Кронверкском проспекте и ближайших местностях.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 18 м. 28/II.

№ 46.

Приказание.

Ротмистру Сиверсу принять командование 9-м запасным кавалерийской школы полком со всеми правами полкового командира.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

2 ч. 20 м. 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 47.

Приказание.

Полковник Юркевич назначается комендантом гост. «Астория». В помощь ему назначается подполк. 45-ой арт. бриг. Десятников.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

2 ч. 25 м. 28/II.

№ 48.

Приказание.

Эдуарду Шмусскес принять команду 50 человек и занять министерство путей сообщения.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

2 ч. 30 м. 28/II.

№ 49.

Приказание.

Ротмистру Сиверсу поступить в распоряжение командира 9-го запасного кавалер. полка полковника Суркова.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы

капит. Чиколини.

2 ч. 35 м. 28/II.

№ 50.

Приказание.

Подпоручику Кулакову и подпоручику Волкову выступить на охрану министерства путей сообщения в распоряжение члена Госуд. думы Бубликова.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [2]).

2 ч. 40 м. 28/II.

№ 51.

Приказание.

Вольноопределяющемуся Глазунову вменяется в обязанность поехать в Городок за оставшимся оружием и огнестрельными припасами.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

2 ч. 45 м. 28/II.

[1]) Подпись отсутствует.
[2]) Подпись неразборчива.

№ 52.

Приказание.

Подпоручик Вульфиус назначается командиром запасной роты лейб-гвардии Саперного полка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [1]).

2 ч. 47 м. 28/II.

№ 53.

Приказание.

Прапорщику Тереховко с автомобилем направиться в Семеновские казармы за патронами и оружием.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [redacted]
капитан Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

№ 54.

Приказание.

Войскам Петроградского гарнизона, офицерам и нижним чинам офицерской электротехнической школы и запасного электротехнического баталиона немедленно вернуться в свои роты и команды для выполнения возложенных комитетом Государственной думы на школу и баталион задач.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

№ 55.

Приказание.

Начальнику офицерской электротехнической школы генерал-майору Бурману.

Офицерская электротехническая школа с запасным электротехническим баталионом должна продолжать работу: 1) по новым формированиям для специальных частей фронта и подготовке специалистов, 2) по оборудованию и подготовке технического имущества. Кроме того на школу и баталион будет возлагаться Временным комитетом Государственной думы исполнение различных технических поручений.

Военная комиссия Временного комитета Госуд. думы.
За председателя комитета капитан Чиколини.

2 ч. 55 м. 28/II.

---

[1]) Подпись отсутствует.

№ 56.

Приказание.

Прапорщику Жученко организовать отряд для охраны завода «Респиратор» Центрального военно-промышленного комитета и казенного № 4 винного склада (Обводный, 189).

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
капитан Чиколини.

3 час. дня 28/II.

№ 57.

Приказание.

Начальнику караула Таврического дворца предлагается поставить двух караульных для охраны документов, по указанию казначейской части Госуд. думы.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

3 ч. 5 м. 28/II.

№ 58.

Приказание.

Ст.-унт. офицеру Гарбу выехать на рекогносцировку на уг. Надеждинской ул. и Жуковской ул. для [снятия] пулеметчиков с крыши.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета капитан Чиколини.

3 ч. 6 м. 28/II.

№ 59.

Приказание.

Старшему унтеру-офицеру [1]) выехать на рекогносцировку в городскую думу для снятия пулеметов с крыши.

Военная комиссия Врем. комитета Госуд. думы
За председателя капитан Чиколини.

3 ч. 15 м. 28/II.

№ 60.

Приказание.

Прапорщику Шишкину — два грузовых автомобиля для разгрузки почты.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 20 м. 28/II.

[1]) Фамилии не обозначено.

№ 61.

Приказание.

Военному чиновнику Усасу охранять секретное отделение штаба округа.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 30 м. 28/II.

№ 62.

Приказание.

Начальнику Павловского училища именем Временного комитета Государственной думы сдать вверенное ему училище в распоряжение Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы и ожидать дальнейших распоряжений Военной комиссии, для чего явиться в означенную комиссию.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 35 м. 28/II.

№ 63.

Приказание.

Дан сей рядовому Письменскому броневого отдела военно-автомоб. школы для провоза из арсенала в думу 500 (пятисот) винтовок.

За председателя Воен. комиссии Врем. комитета ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 45 м. 28/II.

№ 64.

Приказание.

Прапорщикам Таффову и Козеровскому разрешен пропуск в арсенал для получения револьверных патронов для доставки к зданию Госуд. думы.

Военный комитет Временного правительства Госуд. думы.

3 ч. 45 м. 28/II [1]).

№ 65.

Приказание.

Капитану Халиль-Бекову принять запасный броневой дивизион, набрать офицеров и водворить там порядок.

За пред. Воен. комиссии Врем. комитета ст. лейт. В. Филиппповский.

3 ч. 50 м. 28/II.

---

[1]) В подлиннике дата 28 февраля исправлена на «1» (очевидно, 1 марта). Перед датой стоит знак вопроса.

№ 66.

Приказание [1]).

Подпоручику Гнедовскому организовать охрану и патрулирование района химической лаборатории военного ведомства для поддержания порядка на улицах этого района. Получить оружие из склада комиссии для своей команды.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 67.

Приказание.

Капитану Васильеву взять 50 чел. команды с автомобилем для охраны главного здания почты и телеграфа.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 68.

Приказание.

Прапорщику Бибикову с командой направиться в Пискаревку и жить впредь до распоряжений Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 69.

Приказание.

В помощь подполковнику Косовичу вменяется поручику Бавталовскому встретить и расквартировать прибывающие войсковые части на Балтийском вокзале.

Военная комиссия Врем. комитета Госуд. думы.

4 ч. 15 м. 28/II.

№ 70.

Приказание.

Заведующему оружием Военной комиссии Госуд. думы.

Выдать 200 (двести) винтовок с патронами запасному электротехническому батальону.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

4 ч. 20 м. 28/II.

---

[1]) На обороте документа: «В складе мне заявили, что нет ни одной винтовки. Прошу распоряжения.

Подп. Гнедовский».

№ 71.

Приказание.

Прапорщику Вязельщикову приказываем принять охрану зданий химического корпуса комитета и научно-технической лаборатории военного ведомства. Занятия возобновить как можно скорее.

Председатель Военной комиссии ст. лейт. В. Филипповский.

4 ч. 25 м. 28/II.

№ 72.

Приказание.

Выслать немедленно автомобиль — Мойка, 75, кв. бар. Меллер-Закомельского, за кн. Г. Е. Львовым.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

4 ч. 30 м. д. 28/II.

№ 73.

Приказание.

На главную телефонную станцию (Морская, 22) отправить под командой подпоручика Гнедовского отряд военно-технического комитета в 56 чел., которому выдать немедленно оружие.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

4 ч. 35 м. 28/II.

№ 74.

Приказание.

Прапорщику Синани с двумя автомобилями — на Миллионную, д. № 33, в казарму Преображенского полка, и привести с собой офицеров этого полка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Влад. Ржевский.

16 ч. 55 м. 28/II.

№ 75.

Приказание.

6-му запасному саперному батальону.

Назначить команду в 32 ряда для организации порядка в запасном моторно-понтонном батальоне. Команде поступить в распоряжение командира батальона подполковника Мельникова.

Правление Военного комитета врем. комиссии Государ. думы [1]) кап. Чиколини.

5 ч. дня 28/II.

[1]) Так в подлиннике.

№ 81.

Приказание.

Капитану Журавлеву организовать команды на пополнение и замену частей в разных пунктах города. В первую очередь организовать и отправить на пополнение команды для охраны завода «Респиратор» 50 чел.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

6 ч. 20 м. 28/II.

№ 82.

Приказание.

Подпоручику Постригалову [?] организовать охрану Госуд. думы, выслать патрули.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

6 ч. 27 м. 28/II.

№ 83.

Приказание.

Прапорщику Гзовскому немедленно отправиться на Лиговку, 130, общество оптовых закупок (уг. Обводного канала), водворить порядок и установить охрану вышеозначенного общества.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

7 ч. в. 28/II.

№ 84.

Приказание.

Члену Госуд. думы И. М. Рамоту принять и установить охрану государственного банка.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

7 ч. вечера 28/II.

№ 85.

Приказание.

Военному чиновнику артиллерийского ведомства Серебрякову организовать охрану района Путиловского завода.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

7 ч. 16 м. 28/II.

№ 76.

Приказание.

В распоряжение коменданта Финляндского вокзала командируется рота солдат, вооруженных и снабженных должным количеством патронов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета кап. Чикодиии.

5 ч. 2 м. 28/II.

№ 77.

Приказание.

Командиру 9-го запасного кавалерийского полка немедленно привести возможно большее число эскадронов в полном боевом вооружении и пулеметную команду для охраны Таврического дворца, при надлежащем количестве офицеров.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

5 ч. 15 м. 28/II.

№ 78.

Приказание.

Полковнику Бабинскому принять на себя организацию продовольствия чинов электротехнической школы на центральной телефонной станции и телеграфе.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

5 ч. 35 м. 28/II.

№ 79.

Приказание.

Хорунжему Супоневу с двумя взводами сменить на Лиговке 111—113 (недалеко от Николаевского вокзала) охрану типографии Временного комитета Госуд. думы («Копейка») с грузовиком.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета П. Пальчинский.

5 ч. 37 м. 28/II.

№ 80.

Приказание.

Командиру 2-го Балтийского экипажа генерал-майору Гирс поручается командовать вверенным ему экипажем впредь до особых распоряжений.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [1]).

6 ч. 28/II.

[1]) Подпись неразборчива.

№ 66.

Приказание [1]).

Подпоручику Гнедовскому организовать охрану и патрулирование района химической лаборатории военного ведомства для поддержания порядка на улицах этого района. Получить оружие из склада комиссии для своей команды.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 67.

Приказание.

Капитану Васильеву взять 50 чел. команды с автомобилем для охраны главного здания почты и телеграфа.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 68.

Приказание.

Прапорщику Бибикову с командой направиться в Пискаревку и жить впредь до распоряжений Военной комиссии Временного комитета Госуд. думы.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 28/II.

№ 69.

Приказание.

В помощь подполковнику Косовичу вменяется поручику Бавталовскому встретить и расквартировать прибывающие войсковые части на Балтийском вокзале.

Военная комиссия Врем. комитета Госуд. думы.

4 ч. 15 м. 28/II.

№ 70.

Приказание.

Заведующему оружием Военной комиссии Госуд. думы.

Выдать 200 (двести) винтовок с патронами запасному электротехническому батальону.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

4 ч. 20 м. 28/II.

---

[1]) На обороте документа: «В складе мне заявили, что нет ни одной винтовки. Прошу распоряжения.

Подп. Гнедовский».

№ 71.

Приказание.

Прапорщику Вязельщикову приказываем принять охрану зданий химического корпуса комитета и научно-технической лаборатории военного ведомства. Занятия возобновить как можно скорее.

Председатель Военной комиссии ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 25 м. 28/II.

№ 72.

Приказание.

Выслать немедленно автомобиль — Мойка, 75, кв. бар. Меллер-Закомельского, за кн. Г. Е. Львовым.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 30 м. д. 28/II.

№ 73.

Приказание.

На главную телефонную станцию (Морская, 22) отправить под командой подпоручика Гнедовского отряд военно-технического комитета в 56 чел., которому выдать немедленно оружие.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

4 ч. 35 м. 28/II.

№ 74.

Приказание.

Прапорщику Синани с двумя автомобилями — на Миллионную, д. № 33, в казарму Преображенского полка, и привести с собой офицеров этого полка.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета Влад. Ржевский.

16 ч. 55 м. 28/II.

№ 75.

Приказание.

6-му запасному саперному батальону.

Назначить команду в 32 ряда для организации порядка в запасном моторно-понтонном батальоне. Команде поступить в распоряжение командира батальона подполковника Мельникова.

Правление Военного комитета врем. комиссии Государ. думы [1]) кап. Чиколини.

5 ч. дня 28/II.

[1]) Так в подлиннике.

№ 76.

Приказание.

В распоряжение коменданта Финляндского вокзала командируется рота солдат, вооруженных и снабженных должным количеством патронов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета кап. Чиколини.

5 ч. 2 м. 28/II.

№ 77.

Приказание.

Командиру 9-го запасного кавалерийского полка немедленно привести возможно большее число эскадронов в полном боевом вооружении и пулеметную команду для охраны Таврического дворца, при надлежащем количестве офицеров.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филипповский.

5 ч. 15 м. 28/II.

№ 78.

Приказание.

Полковнику Бабинскому принять на себя организацию продовольствия чинов электротехнической школы на центральной телефонной станции и телеграфе.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета С. Димитриев.

5 ч. 35 м. 28/II.

№ 79.

Приказание.

Хорунжему Супоневу с двумя взводами сменить на Лиговке 111—113 (недалеко от Николаевского вокзала) охрану типографии Временного комитета Госуд. думы («Копейка») с грузовиком.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета П. Пальчинский.

5 ч. 37 м. 28/II.

№ 80.

Приказание.

Командиру 2-го Балтийского экипажа генерал-майору Гирс поручается командовать вверенным ему экипажем впредь до особых распоряжений.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета [1]).

6 ч. 28/II.

[1]) Подпись неразборчива.

№ 81.

Приказание.

Капитану Журавлеву организовать команды на пополнение и замену частей в разных пунктах города. В первую очередь организовать и отправить на пополнение команды для охраны завода «Респиратор» 50 чел.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

6 ч. 20 м. 28/II.

№ 82.

Приказание.

Подпоручику Постригалову [?] организовать охрану Госуд. думы, выслать патрули.

Председатель Военной комиссии Б. Энгельгардт.

6 ч. 27 м. 28/II.

№ 83.

Приказание.

Прапорщику Гзовскому немедленно отправиться на Лиговку, 130, общество оптовых закупок (уг. Обводного канала), водворить порядок и установить охрану вышеозначенного общества.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

7 ч. в. 28/II.

№ 84.

Приказание.

Члену Госуд. думы И. М. Рамоту принять и установить охрану государственного банка.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

7 ч. вечера 28/II.

№ 85.

Приказание.

Военному чиновнику артиллерийского ведомства Серебрякову организовать охрану района Путиловского завода.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

7 ч. 16 м. 28/II.

№ 86.

Приказание.

Поручику Дворжецкому поручается наблюдение и заведывание питательными пунктами и реквизиция необходимых продуктов района Петроградской стороны. Деньги, имеющиеся уже и впредь поступающие, поступают к нему для направления во Временный комитет Госуд. думы. В помощь ему командируется вольноопределяющийся Фейгезов.

За председателя Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

7½ ч. 28/II.

№ 87.

Приказание.

Подпоручику Плотто и прапорщику Чоколову поручается организация военно-автомобильной школы.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

7¾ ч. в. 28/II.

№ 88.

Приказание.

Подпоручику Иосифу Шиманскому немедленно набрать 30 чел. для водворения порядка в экономическом об-ве на Б. Конюшенной ул. и установления караула.

Председатель Военной комиссии Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

8½ ч. 28/II.

№ 89.

Приказание.

Проф. горного института В. В. Никитину организовать милицию на Васильевском острове, в районе, примыкающем к горному институту, для водворения и поддержания порядка в означенном районе.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

9 ч. в. 28/II.

№ 90.

Приказ.

Прапорщику 25 Кавказского стрелкового полка Нестору Голембиовскому предписывается сообщить охранной страже государственного банка о присылке четырех делега-

тов от части к 1 часу дня 1 марта и об уведомлении к 9 часам утра о положении у самого банка и в ближайшей местности.

Председатель Военной комиссии Госуд. думы [1]).

10 ч. 45 мин. в. 28/II.

№ 91.

Приказ.

Подпоручику 4 стрелковой арт. бригады В. Зимицкому предписывается организовать охрану на углу Гороховой и Мойки и в окрестности, для чего он имеет получить в свое распоряжение пять нижних чинов из войск, прилегающих [2]) к Государственной думе, а также распорядиться и организовать части на улицах по своему усмотрению.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы [3]).

11 ч. 10 мин. в. 28/II.

№ 92.

Измайловскому зап. бат.

Военная комиссия Временного правительства, заседающая в Государственной думе, приказывает выдать оставшееся в батальоне оружие.

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филиппповский.

28/II.

№ 93.

Пулеметный бронированный автомобиль наряжен Военным комитетом Временного правительства снять пулеметы в государственном банке.

Комендант Таврического дворца капитан [4]).

28/II.

№ 94.

Для восстановления действия телефонной станции необходимо прислать один или два автомобиля на станцию со студентами или кем-нибудь, чтобы собрать по домам барышень, которые боятся. Кроме того, надо убрать труп, лежащий в помещении станции.

Председатель Госуд. думы Михаил Родзянко.

28/II.

---

[1]) Подпись отсутствует.
[2]) Вероятно, следует: «примыкающих».
[3]) Подпись отсутствует.
[4]) Подпись отсутствует.

№ 95.

Приказ.

По приказанию Временного правительства поручается зауряд-воен. чиновнику Николаю Залесскому занять караулом станцию 86 г., Фонтанка, 76, заменив и сняв правительственную стражу.

Комендант Таврического дворца ст. лейт. В. Филиппповский.

28/II.

№ 96.

Приказ.

По приказанию Временного правительства поручается гг. офицерам с вверенными им воинскими чинами 2-го Балтийского флотского экипажа, заменив и сняв правительственную стражу, занять в свое распоряжение Зимний дворец.

Комендант Таврического дворца [1]).

28/II.

№ 97.

Приказание.

Прапорщик Русинов с отрядом в 25 чел. конных 9-го запасного полка назначен на Николаевский вокзал.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета
ст. лейт. В. Филиппповский.

28/II.

№ 98.

Приказание.

Командиру запасного электротехнического батальона выделить специалистов на электрические станции и иметь наготове людей для станций, где будет нужда.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

28/II.

№ 99.

Приказание.

16-й Ярославской дружине продолжать нести охрану заводов по бывшему II отделению гор. Петрограда.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы
ст. лейт. В. Филиппповский.

28/II.

[1]) Подпись отсутствует.

№ 100.

Приказание.

Директору пажеского корпуса генерал-майору Риттиху вести занятия во вверенном вам корпусе в полном нормальном порядке, пользуясь для учебных занятий всем необходимым для того оружием.

Председатель Военной комиссии Врем. правительства Госуд. думы
Б. Энгельгардт.

28/II.

№ 101.

Приказ.

Прапорщику военной авиационной школы Борису Волощкову предписывается предпринять на Петроградской стороне организацию отбившихся от своих частей и организовать охрану учреждений и заводов по своему усмотрению, для чего он имеет пользоваться автомобилем, имеющимся в его распоряжении.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы [1]).

11 ч. 10 м. в. 28/II.

№ 102.

Приказ.

Гласному городской думы Крыжановскому организовать по поручению общественных организаций Петрограда городскую милицию в целях поддержания порядка на улицах Петрограда. Под милицию занять помещение градоначальства, участков, кинематографов и разных общественных учреждений [2]).

1 ч. 15 м. н. 28/II—1/III.

№ 103.

Приказание.

Предписывается полковому адъютанту прапорщику Пикоку отправиться в Красное Село и передать нижним чинам полка, оставшимся в Красном, чтобы они впредь до распоряжения Временного комитета, переданного через полковую канцелярию, никуда из расположения полка не двигались и с особым усердием немедленно приступили к занятиям.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Б. Энгельгардт.

1/III.

---

[1]) Подпись отсутствует.

[2]) Внизу, под текстом, помечено: «н/обор.», но на обороте ничего не написано.

№ 104.

Приказание.

Командиру 3-й роты Преображенского полка назначить команду для осмотра помещений, занимаемых 1-й ротой Преображенского полка, на Миллионной улице, для отобрания пулеметов.

Комендант Таврического дворца.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета [1]).

9 ч. 20 м. 1/III.

№ 105.

Приказание.

Вменяется в обязанность ген.-майору Пестрикову быть начальником Владимирского военного училища и продолжать занятия с юнкерами для подготовки будущих офицеров.

За председателя Военной комиссии Госуд. думы П. Пальчинский.

1/III.

№ 106.

Командирам 89, 88, 90, 85, 87 пеших дружин, адъютанту Николаевского инженерного училища.

Временный комитет членов Государственной думы по восстановлению порядка в гор. Петрограде предписывает вам явиться 1 марта в 10 час. утра на совещание в Военную комиссию в помещении Государственной думы.

За председателя Временной комиссии членов Госуд. думы по восстановлению порядка в гор. Петрограде М. А. Караулов.

№ 107 [2]).

По приказанию Ком. Г. думы, поручается гг. офицерам 2 Балт. флотского экипажа снять и заменить правительственную стражу и занять в свое распоряжение Зимний дворец, очистив от врага, охраняя порядок района между Невским, Невой, Мойкой и адмиралтейством. Арестовать министров и прочих агентов б. правительства.

№ 108 [3]).

По приказу временного правительства, Николай Степанов, Лазарь Израилевич и Александр Ротерштейн уполномочены офицерскими правами для защиты населения от

---

[1]) Подписи отсутствуют.

[2]) Написано на бланке со штампом: «Товарищ председателя Государственной думы». №№ 107—110 — даты не имеет.

[3]) Написано на таком же бланке, как и № 107.

насилий и грабежей и наведения порядка. Солдаты обязаны во имя общего успеха дела помогать предъявителям сего.

Задержанных грабителей будут строго карать.

№ 109.

Приказание.

Взять из склада орудийных припасов все оружие, находящееся там, также и патроны.

№ 110.

Приказание.

Заведующему гаражем и складами Гв. экономического общества. Имеющееся в погребах Гв. экономического общества вино выпустить из бочек.

Председатель Военной комиссии Врем. комитета Госуд. думы [1]).

№ 111 [2]).

Не подлежит оглашению.

Приказание.

№ 33 1 марта 1917 года. Гор. Петроград.

По запасному батальону л.-гв. Преображенского полка.

Командир батальона приказал:

§ I.

Во исполнение распоряжения Временного комитета охраны гор. Петрограда занять следующие караулы:

Зимний дворец — $^1/_2$ роты — капитан Кульнев.

Дворец великой княгини Марии Павловны — $^1/_4$ роты — подпоручик барон Розен.

---

[1]) Подпись отсутствует.

[2]) Этот документ находится в делопроизводстве Военной Комиссии, куда он попал, очевидно, в порядке информации. Это — отпечатанный на гектографе приказ по запасному батальону л.-гв. Преображенского полка, как известно, особенно близко стоявшего к Родзянко. Документ этот свидетельствует о том, что контрреволюционеры — люди дела. Не теряя времени, уже 1 марта, в разгар восстания, приказ вменяет дозорам в обязанность «разгонять различные сборища» — т. е. революционный народ. Во дворцы членов царской фамилии назначается титулованное офицерство — конечно, не для захвата дворцов в пользу революционного народа, а для охраны их против покушений на захват со стороны последнего.

Характерно и то, что приказ этот отдается «во исполнение распоряжения Временного комитета охраны г. Петрограда», лишний раз изобличая контрреволюционную сущность последнего. В этом и заключается особый интерес настоящего документа. *Ф. Д.*

Дворец великого князя Михаила Николаевича — 1/4 роты — прапорщик Гольтгоер.

Дворец принца А. П. Ольденбургского — 1/4 роты — подпоручик барон Раушфон-Траубенберг.

Телефонная станция (на Морской) — 1/4 роты — подпоручик Илляшевич

Министерство иностранных дел — 1/4 роты — подпоручик Нелидов.

Рота 32 ряда. Весь наряд от 1-й роты.

Наряду вступить в 9 часов.

Кроме того, высылать дозоры:

1) Миллионная, Мошков, Мойка — вокруг Летнего сада по Набережной — до Мошкова на Миллионную.

2) Миллионная, Мойка, Мариинский дворец и обратно по Морской и Дворцовой площади.

3) Зимняя канавка, набережная Невы до Сенатской площади, Сенатская площадь, Исаакиевская площадь, Морская улица.

Дозорам вменить в обязанность разгонять различные сборища на улицах.

§ 2.

Всем свободным от служебных нарядов гг. офицерам сегодня, 1-го марта, к 8 час. собраться в помещениях своих рот и команд.

Батальонный адъютант поручик Макшеев.

25 лет назад.

Из дневников Л. Тихомирова [1]).

1905 ГОД.

7 ноября.

У нас завтра не выйдет газета. Опять требования наборщиков и накладчиков и, без сомнения, забастовка. Сегодня никто не работал.

9 ноября.

У нас вышла прескверная история с типографией. Вчера наборщики заявляли Дмитрию Грингмуту, что сходка общенаборщичья обязала их требовать прибавки платы и сокращения часов до нормы, иначе грозят им бойкотом.

Очевидно, благоразумие требовало согласиться. Я не знаю подробностей условий, и со мною ни Владимир [Грингмут], ни Дмитрий (тем паче) не советуются. Однако я сам, по своему почину, советовал им согласиться и пустить газету. Сегодня я говорил снова самым настойчивым образом с Владимиром, и он соглашался на мои уговоры, так что я уходил с надеждой, что газета завтра же выйдет... Но, уходя домой, увидел на дворе беспорядочную толпу расходящихся рабочих. Оказывается, что Дмитрий Грингмут уже успел с ними за это время совершенно разругаться. Что-то торговался, довел их до дерзостей, и кончилось ссорой...

Я пошел к нему и снова горячо убеждал примириться. Он только ответил: «Ведь вы не знаете подробностей моих разговоров с ними: так что же и толковать», и — ушел.

Я, конечно, не знаю этих подробностей. Но даже Шпор говорил мне, что Дмитрий Грингмут может и должен уступить, а Лукин сказал, что уступка увеличит расходы всего на 120 рублей в месяц! А между тем, из-за этого вздора, газета теперь погибнет.

---

[1]) «Красный архив», т. 38 (I), стр. 20—69; т. 39 (II), стр. 47—75; т. 40 (III), стр. 59—96.

Подписка пропала. Будет, вероятно, бойкот, а, может быть, кто-нибудь воспользуется возбуждением и для разгрома.

Совершенно безумное поведение!

А Владимир, по обыкновению, не смеет ничего возразить своему братцу.

Боюсь, что нынешняя глупая ссора чревата б о л ь ш и м и, или может быть, даже роковыми последствиями.

Н о ч ь. 11 ч а с о в. Этот Саша ужасно засиживается на Саввинском. Вот — нет и нет. А теперь столько безобразий на улицах... Всю душу выматывает.

Вообще измучился! Нет ни отрады, ни просвета. Изнываешь в тупом претерпевании текущих бедствий и в ожидании будущих. Даже и бороться нельзя — н е с ч е м, зло неуловимо и все наполняет, и не на что опереться.

Конечно, можно улавливать зерна блага в этом ужасном взбаламученном море, но к о г д а они разовьются? Сколько нужно перестрадать, сколько людей погибнет, сколько крови прольется до тех пор! И, во всяком случае, — д л я м е н я нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее.

А между тем я хотел и хочу того, что могло бы дать и возрастить эти зерна блага без всякой крови, без взаимных насилий, без этого страшного количества зла: я хотел и хочу разума, справедливости и человечности. И именно поэтому я вижу себя в н е общества, вне поддержки, вне симпатий, вне возможности действия. Это, может быть, самая подавляющая мука из всех мук, которые приходится переживать.

12 н о я б р я.

Грингмут сегодня уехал в Петербург.

Кухарка сейчас объявила, что боится итти на рынок, так как завтра «всемирная забастовка», весь город будет бунтовать, в том числе городовые и околоточные...

Что тут правда? У них, в народе, часто много верных сведений... Вообще невыносимая жизнь...

14 н о я б р я.

Вчера вечером заходил Георгий Петрович Сазонов. Он здесь по каким-то делам. Сообщил, что в Москве готовится грандиозная п а т р и о т и ч е с к а я демонстрация... По-моему, все это одна чепуха. Ничего не изменят эти демонстрации. Зря шляется народ.

Нужно устраивать государство и общество, а у нас только манифестируют, «бастуют», стреляют друг в друга и т. п.

Беспорядок, насилия, грабежи увеличиваются с каждым днем.

Военный бунт в Севастополе...

Умираем, разлагаемся. Хоть бы какое-нибудь устроение на каких бы то ни было началах!

Сазонов все хочет меня втащить в политику... Когда чуть жив! Болен, силы нет. Какая тут политика!

Да притом же я не вижу политики помне. Во-первых, все программы меня не удовлетворяют.

Во-вторых, с таким императором ничто, кроме революционной «смуты», невозможно. Политическая деятельность станет возможна тогда лишь, когда явится возможность какого-либо правительства.

По мне, долгий период резни совершенно неизбежен, и политику будут делать только те, которые уцелеют от резни. А пока — все это не политика, а социально-политический тиф. Горячка, бред...

15 ноября.

Бог знает, что делает этот Грингмут! В день его отъезда, 12 ноября, напечатано в «Моск. ведом.» воззвание «союза старообрядцев»... Я спрашивал Грингмута, что это за союз, и он мне ответил, что это соединение рогожцев с преображенцами, и именно рогожцев-окружников. Назвал и фамилию старообрядца, приезжавшего к нему,— Расторгуев. Ну, ладно! Расторгуев — известное имя, состоит в Рогожском совете...

Но вот с тех пор три дня публично ругают Грингмута, что он все врет и что никакого союза нет! Воззвание — без подписи... Отсюда спрашивали телефоном Лукьянова (которого... [1]) — чтобы дал возражение и объявил публично, кто заведует союзом. Эта шельма ничего не делает, а сегодня в «Русских ведомостях» письмо за подписью множества лиц (в том числе известных купцов) заявляет, что Грингмут печатает фальшивые воззвания, что никакого союза не существует. Ну, просто скандал, срам и близко стоять!.. И что мне думать? Неужто вправду все это сочинение Грингмута?

16 ноября.

Союз старообрядцев, наконец, объявился: напечатал в «Русских ведомостях» опровержение и указал адрес своего бюро (Садовники, д. Власовой, кв. № 1, секретарь Ив. Мих. Лукьянов).

Силен ли только «союз»?

Сегодня забастовали телеграфщики и почтальоны в Москве и по всей России (по крайней мере, так решили). Это их ответ на арест трех вожаков союза, который правительство запретило.

[1]) Не разобрано.

Что будет дальше? Совершенно ясно: выпустят арестованных и дозволят союз.

Как этим людям не жалко этого презренного правительства? Уж так оно «загонено, забронено»! И как еще может держаться подобная гниющая смерть, отравляющая всю Россию? Ну, да теперь уже, вероятно, недолго осталось жить этому псевдоправительству.

Как глупы, ничтожны!.. И Витте этот — совершенно такой же глупыш, как все прочие...

Бедная Россия!

Революция действует молодцом, энергично. Но беда в том, что она думает о невозможном материально, т. е. о социализме. Правительства прочного она поэтому не может создать, а только истомит всех кровопролитиями и разорением. Господи, хоть бы ты сколько-нибудь вразумил нас в наших безвыходных блужданиях.

17 ноября.

В «Русских ведомостях» (№ 303) помещено заявление рогожских старообрядцев, за очень крупными подписями (даже и Расторгуева), что им ничего неизвестно о «союзе старообрядцев»... Что это за история? Но мне Грингмут прямо говорил, что к нему приезжал Расторгуев...

Кто тут врет? Очевидно одно, что среди старообрядцев такое же разделение, как и повсюду, и что «союз» вовсе не силен, да и не может быть силен.

Совершенно гибнет Россия с этими разделениями. Ну, хоть бы на конституции сошлись! А то и этого нет. Между тем наша промышленность уже на краю гибели. Безработные наполняют все. В одном Петербурге их больше 100 000. Рабочие требуют открытия заводов и фабрик. Легко требовать, легко, пожалуй, и разнести и разграбить их все... Но кто же может заставить труд быть производительным в разгромленной и дезорганизованной стране?

Да, идем прямо к гибели. И что тут делать? Порядка не может быть, а без порядка нельзя жить. Ясно, что перед нами эпоха страшных смут, крови и насилий, пока, наконец, не измучатся все уцелевшие и не устремятся к какому-нибудь порядку.

Пожалуй, Учредительное Собрание могло бы быть полезным. Но и его не соберешь в такой смуте.

...Теперь (половина 11-го) куда-то идут порядочные кучи, почти толпы народа. Что-то готовится...

Смерть готовится...

...В Севастополе совершается нечто ужасное: война между бунтовщиками и правительственными войсками. Мятежники бомбардиро-

вали город с броненосцев, южные батареи (правительственные) пустили на дно «Очаков» и повредили «Пантелеймона» (бывший «Потемкин»). Правительственные войска взяли штурмом северные батареи (мятежные)...

Идет общая забастовка почты и телеграфа...

Одним словом: разлагаемся, воняем, издыхаем, как смрадный пес. И это называется «освободительное движение»!

Масса людей уезжает заграницу. Туда же и деньги уходят.

18 ноября.

Ко мне сегодня заходил член союза землевладельцев, Родзевич, говорит: «желает познакомиться»... Ну — потолковали о всякой разности. Я ему объяснил, что стою вне всех их партий. У них сегодня какое-то собрание.

Прислуга говорит, что в воскресенье и в понедельник будет бунт: «будут грабить банку, думу и все прочее»...

Все может быть.

19 ноября. Суббота.

В понедельник, 21 числа, опять назначена всеобщая забастовка. Все революционеры примкнули к почтово-телеграфным чиновникам.

Нескончаемая мука! Уж хоть бы это злосчастное «правительство» уничтожилось! Авось, революционеры посадят кого-нибудь потверже и поумнее.

К сожалению, революция (крайняя) говорит о диктатуре пролетариата, что совершенно непредставимо. Захват власти и террор — легки. Но пролетариат слишком малочислен, чтобы удержаться прочно, тем более, что производство в России очень мало социализировано. Поэтому можно безошибочно сказать, что диктатура пролетариата очень скоро разрушится и — только повредит рабочему делу...

В Москве нарастает движение. Бастовка разрастается. Говорили, что какая-то толпа начала «снимать дворников»... Все это — к «всемирной забунтовке».

Сегодня к 5 часам дня был на докладе и впервые увидел Грингмута. Он весь в съездах и собраниях, вчера и сегодня. Теперь у него должно быть собрание его монархической партии. Происходит их федерация во «Всенародный союз», и он говорил, что всех федерирующихся групп 12—15. Он очень увлечен политикой, и работает неутомимо.

О Петербурге говорит мало интересного; все то же: Витте потерял голову и т. п. Интересно, что и В. А. говорит о возрастающей роли и популярности вел. кн. Николая Николаевича.

Грингмут был в Петербурге на собрании «Народной партии». Она всецело за царя. Было 6 000 человек. Были там Дубровин и иером. Арсений. Грингмут передал «привет из Москвы» и был приветствован восторженно... Все это, конечно, по его словам, но, вероятно, — правда. Теперь все «восторженно»...

А он совсем вошел в роль трибуна и диктатора и даже приобрел властный вид...

Я выдержал характер и совершенно теперь в н е п о л и т и к и, сообразно с чем нахожусь «за бортом». Бог с ними. Не по мне эта политика, не по вкусу и не по силам.

Сегодня получил «до расчета» 100 рублей. А должны они мне 260: вот как стали скупы. Видно, что дела плохи, или м. б. я сделался для Грингмута ненужен. Что делать? В сущности — правда.

20 н о я б р я.

7 ч а с. в е ч е р а. Сегодня до сих пор в городе было тихо. У Грингмута происходило, а может быть, и до сих пор происходит собрание его монархической партии.

«Р у с с к о е д е л о» Шарапова не вышло, потому что наборщики (типогр. Машистова) отказались набирать «черносотенную» передовую статью. Новая цензура! Шарапов просил Грингмута печатать в его типографии, но — думаю — Грингмут не согласится: сам еле держится! «Д е н ь» Берга тоже не выходит, по той же причине [1]): типография Левенсона отказалась набирать за вредное направление.

23 н о я б р я.

Почтовая стачка не только продолжается, но революционные центры (Союз союзов и Раб. союзы) хотят поддерживать ее новой в с е о б щ е й з а б а с т о в к о й...

Эта злополучная монархия, должно быть, приходит-таки к концу. Идет у нас пока по очень точной копии бурбонско-якобинского столкновения. Пожалуй, так и доиграют роль до конца.

Правда, что у нас приходит «социализм», но это больше на словах. На деле у нас сильны только а н а р х и с т ы, а социалистов пока нет, как это и понятно по условиям производства.

---

[1]) Поздн. приписка: Берг — выходит, но Левенсон с него дерет в 1½ раза дороже, чем с других. «Кремль» Иловайского наборщики отказались печатать.

Конечно, наступающая революция будет тем ужаснее, и немногие из нынешних людей переживут ее.

Ночь. 10½ часов. Дневные и вечерние известия полны военных бунтов по всей России. Дождались и этой...

А все эти «союзы» да «партии» разного сорта «монархистов» съезжаются, шумно спорят, решают посылать запросы министрам и депутации императору! Не шутовство ли? Ни министров, ни императора давно нет, бродят только бледные тени прошлого... А эти — спорят и составляют «адресы»!

24 ноября.

Толки об общей забастовке. В газетах известия о военном бунте в Екатеринодаре и Новороссийске. Последний будто бы во власти восставших солдат и пролетариата... Правда, что это известия «Начала» и «Новой жизни». Во всей России телеграфом пользуются только революционеры и сообщают, что заблагорассудят...

25 ноября.

Рассказывал в редакции Л. Н., что будто бы Медем недоволен Грингмутом: очень, дескать, шумит в политике, публику бунтует... Еще, будто, что в монархическую партию введен шпион Попов (какой-то якобы майор)...

Что Грингмут много шумит со своей партией, это, положим, правда...

Есть странный слух, что будет манифест, в котором, во-первых, император даст землю крестьянам, а во-вторых, даст свою присягу конституции...

Все может быть! А все эти союзы — землевладельцев, да русских людей, да монархическая партия собираются посылать свои депутации к императору — просить о сохранении самодержавия. Щербатов собирает какие-то подписи по Москве, думает набрать чуть не 100 000... Опоздают! Там-то, в Питере, чисто ведут дело, похитрее их пользуются слабостью императора.

Вот бюрократия и съела царя. Ведь это чисто чиновничья революция. «Пролетариат», по обыкновению, таскает каштаны для политиканов. Любопытное историческое явление этот переход бюрократической узурпации в политиканскую.

Бедный, бедный наследник самодержцев. Какую печальную, фигуру он себе приготовил в истории! Первая забастовка была устроена для того, чтобы вырвать 17 октября; вторая — закрепить конституцию присягой... Но ловкий народ эта бюрократия!

Только уж очень подлый: всю страну загубил для своего торжества. Совершенно, как попы в отношении церкви.

Но в известное оправдание всем им служит то, что с таким правительством жить невозможно.

26 ноября.

Из беспорядков — сегодня бушевали газетчики: отнимали газеты у разносчиков и рвали, а самих били. Говорят, «обойкотировали» и «Моск. вед.», хотя не знаю за что: мне в конторе вчера говорили, что газетчикам дают за ту цену, которую они и назначили (3 коп.).

«Рус. вед.» пишут, что прокуратура хочет привлечь Грингмута к ответственности за помещенное у него вчера воззвание к московскому народу, находя в этом воззвании призыв к насилиям... Строго говоря, это неправильное обвинение. Там нет призыва к насилиям. Но всетаки не понимаю, как Грингмут печатает анонимные воззвания неизвестно кого, с призывом неизвестно к чему.

Не менее странно, что прокуратура хочет привлечь к суду за такую неопределенность в то время, когда не привлекает другие газеты за прямой призыв к низвержению правительства... В конце концов, нынче все странно, и ничего кроме странностей нет.

Не знаю, поедут ли завтра депутации «Всенародного союза» в Петербург. Вот неудобство отказа от всех кружков и партий: ничего не знаешь... Правда, что это дело одного любопытства, так как мне и не зачем знать. Узнаю впоследствии... Впрочем, я и заранее знаю, что все эти поездки и депутации не могут иметь никакого смысла и никаких последствий... Кроме, разве, объединения людей и уяснения для них положения вещей.

Кн. Щербатов хлопочет о созыве Земского собора... Но это только затяжка невозможного положения. По мне, хлопотали бы лучше об ускорении созыва Государственной думы. Это дело уже начатое, а, следовательно, и сделано может быть быстрее.

Всем им, конечно, мечтается, что Земский собор восстановит самодержавие... Ну, а как он восстановит тем самым и бюрократию? Хорошо ли?

...Возвратился Саша и рассказал, что у еп. Серафима был Александров (ремесл. упр.) с 5 человеками — приглашал завтра служить в Чудовом монастыре молебен депутациям, едущим к государю просить о созыве Земского собора. К сожалению, еп. Серафим отказался, так как завтра служит в храме Спасителя. Отказался и еп. Трифон... Депутация поехала поэтому к еп. Никону... Согласится ли он? Нехорошо, если ни один епископ не пойдет, — а между тем, если будет

служить Никон, это сразу придаст молебну несколько «тенденциозный» характер.

Этого еп. Никона судьба ведет к чему-то особенному: или к большой славе или к заточению...

27 ноября.

Молебствие отъезжающих депутаций в Чудовом было скромно. Церковь была наполнена, но сзади оставалось много места. Служил еп. Никон и сказал какое-то слово, которого Влад. Андр. не расслыхал. Саша, тоже зашедший поглядеть, не расслыхал. Никону кто-то что-то отвечал... На площади народу не было ни души. Депутации едут сегодня. Представление должно быть во вторник или среду. Первую роль играет кн. Щербатов. Но Грингмут не уверен даже, что их примут, и вообще ничего не ждет от этой затеи. Думаю и я, что ничего из этого не может выйти.

Говорят, что новый генерал-губернатор, адм. Дубасов, очень энергичен и считает необходимым подавить революционеров. Он теперь в Петербурге испрашивает полномочий действовать самостоятельно. Ну, вероятно, и из этого ничего не выйдет.

Ночь. 11 часов. Ну проводили Грингмута, т. е., по крайней мере, приняли от него дела, и он стал укладываться, а я ушел...

В это время принесли от почт-директора (Радченки) список увольняемых от службы без прошения. Фамилий, примерно, до 700 (на глаз, по рукописи)... Это воинствует П. Н. Дурново, помимо того отдающий некоторых под суд. Негодование на чиновников совершенно понятно. Но меня интересует вопрос: что из этого выйдет? Недостаточно прогнать чиновников: нужно еще защитить почтово-телеграфное дело от революционных нападений и разгромов... А этого нельзя сделать, не сломив революции вообще. Если у Дурново и есть на это силы, то позволит ли ему такую борьбу Витте и особенно сам император? При первых же репрессиях (без которых нельзя бороться) его сейчас же прогонят...

И думаю я, что правительство, сдававшееся до сих пор всем, кто его ни бил — студентам, японцам, журналистам, евреям, даже отчасти рабочим, — наверное, сдастся и почтово-телеграфным служащим, давши только новый пример своей неспособности ни к какой борьбе, а, следовательно, и к обязанностям правительства вообще...

Нет: без переворота Россия никак не может, думается мне, обойтись. Революция в той или иной форме совершенно неизбежна, по-видимому.

28 ноября.

Ночь. Сегодня был тревожный слух о, будто бы, забастовке на завтра всех частных банков. Вот это еще будет штука!

Радченко трусит ужасно и уехал в Петербург зачем-то...

Все усилия революционной агитации направлены у нас, здесь, на войска. Вообще они действуют энергично, всеми силами, а против них не люди — а прямо бабы. Нет, не обойдется без революции!

2 декабря.

Получена телеграмма Росс. тел. агентства официально — речь императора монархическим депутациям 1 декабря. Приехавший оттуда Федор Мочалкин рассказывал Лукину, как было дело. Депутации с понедельника до среды не получали извещения об аудиенции. Вечером в среду было назначено на четверг (1 декабря). Депутации были выстроены полумесяцем отдельными группами, по обществам своим. На крайней правой Щербатов («союз русских людей»), за ним Грингмут со своими «монархистами» и т. д., затем группа «русского крестьянства» (Богачев с компанией)... Уж не знаю порядок остальных групп, только крайняя левая была «союз землевладельцев», т. е. Чемодуров, Ник. Ал. Павлов («дворянин») и т. д.; к ним присоединился и Шарапов.

Депутации рассуждали, как приветствовать императора. Думали сначала бухнуть в ноги. Спросили дежурного дворцового (кажется, Путятин). Тот сказал: «Не смею давать совета, а только у нас это не принято»... Тогда решили поклониться в пояс.

Вошел император. Щербатов стоял с «челобитной» в папке и с иконой св. Алексея (данной еп. Никоном). Но император, подойдя к Щербатову, не допустил сказать ни слова, а тотчас сам произнес речь... После такого категорического заявления Щербатов не счел удобным распространяться и только в самых кратких словах объяснил, что вот, дескать, «русские люди» приехали с челобитной и передал папку. Государь взял, не читал. Потом Щербатов поднес икону, государь перекрестился, приложился и передал все свите.

С ним было много свиты, в том числе Трепов и Дубасов. Вид императора совершенно свежий и здоровый, только «был неприветлив».

Затем Щербатов представил своих русских людей. Потом Грингмут свою «монархическую партию». Самому Грингмуту император ничего не сказал, но кое-кому произносил несколько незначущих слов. Самому Мочалкину сказал: «Ведь у вас, кажется, пасека?» Тот подтвердил, что пасека — в Измайловском зверинце, и император спросил, как идет пасека... В остальных группах то же молчание и

бесцветные фразы. Богачев только поднес свои «сочинения», и император взял. Но, когда дело дошло до союза землевладельцев, тут началась иная сцена. Чемодуров горячо говорил о невозможной жизни в России, о пожарах и грабежах, о разрушении деревни, указывал одного присутствующего помещика, у которого все имение только-что сожжено. Говорил что-то и Шарапов. Но резче всех говорил Павлов (Ник. Алексеевич), который, очертив анархию, сказал, что теперь все недоумевают, сохранил ли император свое с а м о д е р ж а в и е после 17 октября. Все спрашивают, «и мы не знаем, что ответить»...

Эта атака «союза землевладельцев», по словам Мочалкина, очень с м у т и л а императора, но он н и с л о в а н е о т в е т и л и со смущенным видом, молча, у ш е л...

Ну, после этого, конечно, депутации кормили завтраком во дворце и затем отпустили.

Более сильного разгрома всем сторонникам самодержавия император, конечно, не мог нанести. Даже странное молчание на вопрос о самодержавии вышло высоко красноречиво. Затея «Всенародного союза» окончилась беспримерным поражением, и не могу себе представить, что же все эти группы будут теперь делать? Грингмут должен приехать завтра.

Почтовая стачка не кончилась, и я боюсь, что 5—6 декабря не началось бы, и вправду, чего-нибудь похуже.

3 д е к а б р я.

У т р о. Грингмут возвратился. Но я его еще не видал. Что-то он теперь станет делать после такого афронта?

4 д е к а б р я.

Грингмут, в общем, говорит то же, что Мочалкин. Только прибавляет, что он сам сказал несколько слов императору (поблагодарил за назначение Дубасова), и подробнее передает речи «союза землевладельцев». Они были о ч е н ь р е з к и. Чемодуров прямо поставил вопрос: самодержавен ли теперь император? Император, очень смущенный, молчал секунд 15 и затем пожал руку Чемодурову и сказал: «Благодарю вас за чувства и за службу»... Несмотря на это поразительное умолчание, Шарапов, бывший последним, в ряду «союза», снова остановил императора и прямо сказал: «Вам был поставлен в о п р о с: самодержавен ли вы теперь или нет? Нам это необходимо знать, ибо ответом на это определяется наш долг и наши действия!..» Но император и тут н е д а л о т в е т а и молча ушел в дверь, около которой стоял Шарапов.

Сегодня усиленные слухи о решительной попытке революционеров произвести всеобщую забастовку и бунты... Назначают з а в т р а и п о с л е з а в т р а. Вчера и сегодня были попытки взбунтовать войска. Арестована мастерская динамита и бомб.

Повидимому, близится решительный момент: либо революция победит, либо надорвет себя. При жалкой слабости правительства, конечно, возможно все. С другой стороны, в интеллигентных слоях говорят, что 6 декабря «черносотенцы», отслужив молебен на Красной площади, начнут истреблять интеллигенцию! Новоселов настаивает, чтобы у меня состоялся вечер с чтением об Апокалипсисе, которое, кстати сказать, неготово и давно заброшено. Но дело в том, что в Москву едет сам Валентин Тернавцев, — так для него... Я согласился, потому что мои очень скучают, и барышни назначили четверг, т. е. 8 декабря. Но у меня уже был раз назначен этот апокалипсический четверг, именно по случаю предполагаемого приезда Тернавцева... и вместо того вышла в с е о б щ а я з а б а с т о в к а, остановка дорог, воды, газа, хлеба и т. д. — вообще, в своем роде, пришествие антихриста... Конечно, и Тернавцев не приехал, да и здесь было не до четвергов и чтений. Как бы и на сей раз мистический Валентин Александрович не принес нам того же...

6 д е к а б р я.

Сегодня в с е предполагают какие-то грандиозные беспорядки. Революционеры, как говорят, готовят какую-то «решительную битву» правительству. В то же время разные «патриотические» союзы назначили торжественное молебствие на Красной площади, куда и приглашают весь московский народ... В публике либеральной толкуют, что эти «черносотенцы», помолившись, начнут бить и уничтожать всех революционеров. Об этом ходят целые легенды. Так, говорят (вздор, конечно), будто бы «черносотенцы» сообщили об этих своих намерениях Медему, и тот будто бы ответил, что советовать этого не может, но если бы революционеры были истреблены, то это было бы хорошо... Этот явный вымысел передают с полным доверием!..

Короче: все друг друга трепещут, все ждут побоища... И это побоище висит в воздухе... Сейчас внизу, под нами, наши рабочие громко поют марсельезу—«Вставай, поднимайся, рабочий народ»... Ежедневно идут драки, пальба — со стороны почтово-телеграфных забастовщиков. Убийств и грабежей еженощно и ежедневно несть числа. Дерутся и массами.

Россия — в полной кровавой анархии. Войска волнуются под влиянием революционной агитации. Вчера, впрочем, Ростовский

полк усмирился и выдал зачинщиков. Говорят, этот полк сегодня будет в параде на Красной площади...

Правительства — нет. Николай II неспособен его дать. Его чиновники — безусловно неспособны к этому. И вот — все в анархии. Величайшее счастье будет, если Государственная дума станет правительством. Но этой Думы нет, и когда будет — неизвестно. А анархия не ждет. Революционеры уже делают все усилия захватить власть раньше, чем соберется Госуд. дума. Это понятно.

Ничего более жалкого, в государственном смысле, как Витте, нет. Да, впрочем, нет и вообще ни одного человека в высших областях «управления»... [1]), бессмысленного и подлого прозябания так называемого «правительства».

Н о ч ь. 12-й ч а с. Говорят, что молебствие на Красной площади собрало много народа. Рассказывали два очевидца, но не беспристрастные. Один сказал — 50 000... Я спросил: «20 — было ли?» «Ну, уж это наверное»... Потом толпа ходила к Дубасову: просила выразить ее чувства царю. А после того, как разошлись, немедленно пришла к Дубасову толпа рабочих с пением марсельезы...

Сейчас, в 11 ч. ночи, по Страстному прошла толпа рабочих с пением марсельезы...

Столкновений в первую половину дня не было. Теперь — не знаю.

Говорят, что в 8 часов утра собрана была «боевая дружина» революционеров и во время молебна дежурила в разных пунктах. Зачем? Хотели нападать или боялись резни «черносотенцев»? Теперь обе стороны друг на друга думают и наговаривают: не знаешь, чему верить...

7 д е к а б р я.

Сегодня к о н к и н е х о д я т. Говорят, что извозчики не выедут, п. ч. их «будут убивать»... Впрочем, извозчиков все-таки вижу на улице. Сейчас (10 ч. утра) слух, что Ярославская дорога с 12 часов прекращает движение. Слух, что все лавки будут закрыты. Все бегут запасаться пищей. У нас побежали за хлебом и пр. Вообще слух, что начнется снова общая забастовка и восстание. Просто мучение, а не жизнь!

11 ч а с о в у т р а. Сейчас кухарка говорит: «Все говорят: мужчины, бабы, весь народ: с 12 часов все закроется, все прекратится, и будет страшное убийство, будут Москву громить»...

---

[1]) Одно слово не разобрано.

4 часа вечера. Седьмую гимназию распустили до пятницы. Стали почти все железные дороги. Забастовала наша типография, и — говорят — все. Кое-где толпы «снимают» рабочих. Кое-где войска и толпы. Поют марсельезу. Было хождение с красным знаменем. В Леонтьевском переулке столкновение красных знамен с драгунами...

Вообще — начинается катавасия, а, может быть, и восстание.

Ночь. 9 часов. Новоселов у Кузнецова, который его никуда не выпускает, для безопасности. Это он объяснил по телефону, сообщив тоже, будто бы объявлено военное положение. Это однако до сих пор не подтвердилось. Телеграфное же агентство на запрос редакции ответило телеграфом, что объявлена чрезвычайная охрана, но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом.

Пустые слова!

Редакция пуста, и даже заперта, типография не работает: наборщики заявили, что они боятся нарушить приказ. Были слухи о стрельбе в Чернышевском переулке. Железные дороги в течение дня все прекратили движение. Газ горит на улицах. Ну, конки не ходят. Телефон весь день действовал. Почта, в сущности, не действует. Кое-какая корреспонденция разослана по отделениям и выдается приходящим. Я получил открытку Киреева от 16 октября, испачканную, с расплывшимися чернилами. Это всетаки событие.

Грингмута видел сегодня. Он мрачен и удручен, как редко. Между прочим, его пригибает и решение университета отнять у него аренду до срока. Да, это очень важно. Ну и для меня это — прямо мат!

11 часов ночи. На улицах шум даже меньше среднего... Что-то завтра, а, может быть, и ночью?

Нужно сказать правду: тоскливое, унылое время. Вечно щемит сердце.

8 декабря.

Ни одна газета не вышла. Вывешено объявление генерал-губернатора о чрезвычайной охране ввиду железнодорожной забастовки. Вместо газет вышли «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», где объявлена всеобщая забастовка и вооруженное восстание. В них помещено воззвание, подписанное Московским Советом Рабочих Депутатов, Московским Комитетом Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, Московской группой Российской Соц.-Дем. Партии, Моск. Комитетом партии социалистов-революционеров, Комитетом Окружной организации Рбсс. Соц.-Демо-

крат. Рабочей Партии. Воззвание призывает: к 1) низвержению царского правительства, 2) созыву Учредительного Собрания, 3) учреждению демократической республики. Далее в «Известиях» идут разные сообщения о других организациях и известия из городов. О себе Московский Совет Рабочих Депутатов сообщает, что он представляет 134 фабрики и завода, около 100 000 рабочих, которыми и избран означенный Совет из 204 депутатов.

«Известия» (№ 1) от 7 декабря 1905 г. представляют собой листок в $^1/_4$ долю газетного листа.

Теперь 11 часов утра. Не имею никаких ниоткуда вестей о происходящем. Только слухи, что в 12 часов ночи было нападение на дом генерал-губернатора, причем была пальба, были раненые и убитые.

Петербургские газеты пришли. Но о состоянии железных дорог ничего не знаю.

Получил запоздалое письмо Скворцова с предложением сотрудничества—на 100 руб. в месяц... Драгоценное известие, но как я ему отвечу?

Вечером у меня должен был быть реферат. Из 22 приглашенных пришло 3. Читал всетаки.

9 декабря.

Вчера ночью кое-где слышались выстрелы. Говорят, в «Аквариуме» была сходка, была какая-то драка, произведены аресты... но ничего толком не знаю.

Сегодня в 11 часов что-то ходят толпы народа. Хлеба нет в булочных. Много лавок заперто. Кухарка рассказывает, что в нежелающих затворять стреляли...

Город, повидимому, крайне неспокоен. Василий говорит, что на Тверской драгуны кого-то разгоняли. Толпы рабочих — с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ». Они тянутся больше к Триумфальным воротам. Что-то назревает серьезное.

Около 2 ч. дня. Теперь громадный митинг в «Аквариуме», — говорят, от 25 до 50 тысяч... Вчера, говорят, ночью арестовано в «Аквариуме» же множество лиц и увезено в 6 фурах (мебельных) в Кремль... Полагают, что толпа двинется на Кремль.

Владимир Александрович куда-то поехал и не будет принимать. Со всех сторон угрозы.

Около 3-х часов. На Тверской, у Пушкина, ходят толпы с красными флагами и марсельезой... Драгуны разъезжают с саблями наголо. Им свистят. Они иногда рубят саблями... Вообще положение тревожное. Катя вышла погулять. Беспокоюсь. Впрочем где же опаснее, чем у нас на дому.

О к о л о 7 ч а с о в. Все время идет какая-то схватка. Во время отсутствия Кати мимо нас прошла порядочная толпа, человек 1 000, с громким пением марсельезы и с красными знаменами. Остановились, было, около нас, потом почему-то шарахнулись на бульвар, потом опять сошли на улицу, но, слава богу, удалились.

Теперь шум и крики от Страстной площади, иногда толпы бегут оттуда, потом снова возвращаются... Но стрельбы не было слышно. Вероятно, разгоняют просто.

11 ч а с о в н о ч и. Говорят однако (прислуга), что у Страстного солдаты стреляли, что была стрельба у государственного банка. Революция разыгрывается, кажется, не на шутку.

10 д е к а б р я.

В Москве светопредставление! Толпы по бульвару. Атаки драгунов, револьверная пальба... Наконец, уже было три орудийных выстрела с большими промежутками. Видно, на Страстной упорная борьба. Картечь залетала к нам во двор.

2½ ч а с а. Я насчитал 6 орудийных выстрелов, но толпа не уходит, как говорят. Не заметно ни переноски раненых, ни карет. Вероятно, палят через головы...

3½ ч а с а. Слышны залпы за залпами, ружейные. Иногда, по близости выстрелы браунинга, судя по звуку. Однажды пронесли по бульвару 4 раненых... Надо сказать, что революционеры держатся молодцами, — уже часа три слишним, как идет эта бойня толпы против войск с орудиями (говорят, что на площади три орудия).

Как слышно, дрались или дерутся также на Николаевском вокзале и на Никитской.

Ш е с т о й ч а с. Москва темна: фонарей нет. Народу не заметно. Пальбы не слышно. Я не в состоянии выйти, чтобы разузнать положение дел. Не думаю однако, чтобы оно было благоприятно для правительства. Революционеры, по всему, что видел и слышал, обнаружили большую стойкость.

Что касается организации революционеров, то она столь же превосходна, сколько глупа организация правительства.

С е д ь м о й ч а с. По церквам благовест: завтра воскресенье... Какая ирония! Весь день истребляли друг друга... На улице сейчас кто-то кричал что-то, потом крик «городовой!»... Ну, конечно, никакого городового не может быть. Потом раздался выстрел, и другой...

П о л о в и н а с е д ь м о г о... Еще не затих благовест, как послышалась отдельная трескотня выстрелов, некоторые совсем около нас. Кажется, револьверные... Потом были крики. Раздался орудий-

ный выстрел. Через несколько минут — другой... Значит, сражение снова началось.

Без четверти десять. На улицах до 9 была пальба, потом стихло. Что-то дальше?

Прислуга слышала, что хотят «поднять на воздух «Московские ведомости». Может быть. Но я жду, что здесь будут печатать «Известия»... Они, говорят, набирались и печатались все три №№ по различным типографиям. Пожалуй, пришла очередь и грингмутовской...

11 декабря.

Сегодня с утра, часов с 9, началась пальба. Говорят, будто бы есть план напасть на «Моск. вед.».

Часов в 10 была сильная перестрелка у Петровки. Трескотня революционных выстрелов никогда не была так сильна. Потом пошли солдатские залпы. Теперь, т. е. в 1 час $^3/_4$ дня, не прекращаются время от времени залпы, но, будто, подальше где-то.

2 часа. Началась орудийная пальба у Страстного монастыря: насчитал четырнадцать выстрелов. Настоящая война! Или солдаты никуда не годятся или революционеры — герои. Выдержать такую пальбу! Уж не взяты ли орудия? Что-то затихли...

Во время этой пальбы на бульваре ни единой души. Вероятно, с другой стороны.

Около 3-х часов дня. Опять гремят пушки... Уж я со счету сбился: выстрелов 30 — не меньше.

$8^1/_2$ вечера... Часов с 5 стихли орудия и залпы. Но в седьмом слышалось несколько револьверных выстрелов — среди глубокого мрака. Освещения никакого. Даже в домах огоньки показались очень поздно, когда стихла пальба.

Воды в доме очень мало: боятся ездить по воду. Хлеба в лавке дали только черного и не больше 5 фунтов. Пекли сегодня дома. Что-то будет ночью?

12 декабря.

Ночью была какая-то перестрелка на бульваре.

Говорят сбъявлено военное положение. Объявлено, т. е. ночью наклеили объявления, а через час все были сорваны... Никто ничего не знает. Начальство не догадалось даже раздать через дворников для прочтения жильцам. Ничего не догадаются...

Но с утра уже — толпы, и идет какая-то пальба. Приезжали солдаты с пушками.

Военное положение! Это значит власть у Малахова и Глазова! Господи праведный, что это за несчастное «правительство!» Хоть бы раз за полтора десятка лет услыхать об одном умном поступке...

7½ часов вечера. Сегодня днем прибегала Клавдия Орлова. Рассказывала о штурме дома Фидлера (это есть в «Нов. вр.») и о штурме какого-то дома у Рязанского вокзала. Там был митинг, имевший целью взбунтовать войска, прибывшие по Рязанской дороге. Оба случая были вчера, т. е. ночью.

Осип (сторож) говорил о каком-то доме Селезнева, где собрался митинг, а толпа зажгла дом и не дала пожарным тушить, так что собравшиеся задохлись.

Какой-то доктор говорил Клавдии, что всего раненых за эти дни около 4 000 человек.

О сегодняшнем дне ничего не знаю. Вчера у революционеров были планы освобождать забранных из Пересыльной тюрьмы. О результатах ничего не знаю.

Просил Грингмута сообщить, когда узнает достоверно, о том, есть или нет военное положение, и до сих пор ничего не знаю... Это возмутительная беспорядочность. Не объявить друзьям о том, какой у них режим и каковы правила, которых соблюдение требуется!

Москва темна. Телефон не действует, телеграф тоже. Все проволоки порваны. Хлеба сегодня купили 5 фунтов черного. Белый хлеб Революционный Исполнительный Комитет запретил печь. Хотя положение у нас и военное, но власть революционеров и более сильна и более толкова, ибо, по крайней мере, известно, чего она требует...

Вот 10 часов ночи... Приходил рассыльный мальчик Ваня... «Ну, — спрашиваю, — что же у нас, военное положение или нет?» — «Ничего неизвестно, — ответил, — ничего не объявлено»... — «Да разве никто из полиции не захаживал?»... — «Никто. А только обыскивают. Жандармы обыскивают, а рядом часовой с ружьем»... Спрашиваю, что в городе? — «Все палят, где-то далеко. А Садовая вея в баррикадах»...

А мяса нет, а хлеба нет... Но что за идиотская администрация! Нечто беспредельно нелепое.

Начинаю думать, что революция может победить. Никакие времена Людовика XVI не могут сравниться с этим падением всего государственного строя. Ну, что бог даст! Может быть, и вправду лучше гнилушкам упасть уже совсем, чтобы хоть стройка стала возможна.

13 декабря.

11 часов утра. Сведений никаких. Ночью, говорят, палили, а вечером были пожары в Марьиной роще, куда многие спасаются из Москвы. Говорят, хулиганы поджигают, чтобы грабить.

Сегодня с утра казалось спокойнее. Народ ходил, извозчики ездили; даже газеты продавали («Новое время»). Прислуга передает, что в доме Горчакова «засели студенты», чтобы стрелять в войска.

Теперь (11 часов) где-то слышна пальба.

2½ часа дня. Шла сильная пальба, — говорят, штурмуют «Аквариум»... Уж какой раз его берут, и все не догадаются занять его прочно.

Вообще распоряжение — нелепое. Теперь генерал-губернатор издал какую-то прокламацию и правила для жителей... Никто этого не знает. Расклеено и будет сорвано, а по домам не разнесено. Мне случайно известно от Клавдии, которая бегает по всему городу. Но хорош и управляющий наш (Эренберг): у него дворники уже сколько дней не бывают в полиции. Теперь обещал послать узнать, что за распоряжение.

Третьего, кажется, дня загорелась или зажжена типография Кушнерева (на Селезневке). Говорят, там собрались наборщики печатать № «Известий». Прискакали казаки, потребовали сдаться. Наборщики заперлись. Началась перестрелка. Дом почему-то загорелся или подожжен и будто бы весь выгорел, и люди будто бы погибли.

Пять часов. Орудийная пальба лишь недавно стихла. Говорят, разбивали дом Орлова против «Аквариума».

11 часов ночи. Сгорела типография не Кушнерева, а Сытина. Там заперлись какой-то «Совет» и дружинники. Зажжена гранатою, а народ не допустил пожарных тушить. Говорят, все сгорели.

Сгорели обе типографии, но у Сытина зажгли ее дружинники, чтобы прикрыть отступление, и действительно ушли. А сгорели только бабы и дети из семей наборщиков.

15 декабря.

По городу пальба, но, кажется, уже только от орудийного разрушения домов[1]), наказываемых этим за произведенные в войска выстрелы...

Тактика вообще глупая.

Недурны врачи Екатерининской больницы (Новой, у Страстного бульвара). Они там почти на подбор «красные». Во-первых, потребовали у Попова принимать в больницу только раненых революционеров, а солдат и «черную сотню» не брать. Во-вторых, один врач стре-

[1]) Так в подлиннике.

л я л в войско из-за колонн больницы. Другой хотел стрелять из окна, и только товарищи силой оттащили его, крича: «Что вы делаете? Вы нас погубите!»

Начальник отряда, действительно, заметил стрельбу и сказал: «Смотрите! Если еще попадетесь, то не оставлю камня на камне»...

В Екатерининской больнице всего п я т ь д е с я т (50) раненых. А это одна из наполненных. Это показывает, как мало число пострадавших и как лгут врачи, распуская слухи, будто по Москве ранено и убито 5 000 человек.

Однако система разрушения домов довольно бессмысленна. Она придает вид, будто против правительства восстает М о с к в а, чего нет даже и подобия. Вместо того, чтобы истребить в р а г а, приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем неповинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а р е в о л ю ц и о н е р ы, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом. Глупо!

Сегодня дети видели на Каретной Садовой ряд баррикад, которые Надя зарисовала для меня.

Совершенно ничтожные сооружения, которые моментально могла бы убирать народная милиция, если бы Дубасов догадался или хоть согласился ее организовать из жителей. Но, вероятно, он воображает, что против него не 10 тысяч человек, а все население! Удивительно это безусловное непонимание народа всеми властями. Правительство от этого и гибнет и, по всей вероятности, действительно погибнет в очень скором времени. Ни малейшего национального духа и чутья.

16 д е к а б р я.

Сегодня вышел «Русский листок» с хроникой революционных дней (с 7 по 15 декабря).

Грингмут хочет завтра выпустить и свою газету.

За эти дни я получил письма от сестры, от Дельвига, Новоселова и Суворина. Последнее, по его интересу, заклеиваю.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Представьте себе, что ваше письмо от 16 ноября, в котором вы пишете, между прочим, о городовом, я получил только сегодня, 11 декабря. Вот какое время! Во времена Мамая письма доходили скорее. Что у вас в Москве делается? Судя по телефону, совсем Москва бунтует, и наступают в ней времена раскольнических бунтов и стрелецких. О начальстве военном рассказывают чудеса. Малама, говорят, прячется под кроватью. Вот она, японская война, отчего так была ужасна! Все стало и пахнет мертвечиной, а Витте делает опыты. Год тому он был приверженцем самодержавия и говорил мне, что нет лучшей формы правления

для России. Я убеждал его собрать Земский собор хоть для того, чтобы оглядеться и узнать, что такое представляет собою Россия. «Но ведь в собор пойдет интеллигенция». Он ее боялся, а теперь боится крестьян и полагает надежду на интеллигенцию. Такого невежественного человека в истории русской и европейской трудно себе представить. На экзамене гимназии он едва бы получил 2 с минусом. Русскую жизнь он тоже знает по наслышке, и в нем нет русской души. Во всяком русском революционере, если он достаточно силен разумом, эта душа есть, и она дает ему сил. У Витте, как говорится, и звания ее нет. Он допустил всю эту сумятицу, все митинги, на которых проповедывается открыто убийство царя, все пакостные сатирические листки, где, напр., изображены генералы, душащие царя, или где царь убегает заграницу, и проч. и проч. Он якобы за свободу печати и ни в чем не виноват. Он никогда не виноват. Теперь он представил государю церемониал присяги конституции и самую клятву. Государь принял это, но еще не подписал. Распустив все, он вдруг захотел все остановить крутыми мерами. Я ему говорил: «Не опоздали ли?» Петербург ничего себе, но революционная полиция очень деятельна. Против «Нов. вр.» вражда, бойкот и угрозы. Я спокоен. Я слишком долго живу — мне 71 год и смотрю вперед без боязни. Будь что будет. Очень возможно, что городовой и прав, но у правительства нет силы. Хрусталева Витте арестовал потому, что узнал, что шли приготовления об его, Витте, аресте. Хрусталев — недурная голова, сколько я слышал, но наследники его — мелочь. У нас говорят, что бунт готовится и в Петербурге; московские известия сильно действуют и жалеют «жертвы» и готовятся встать. Живешь день за день или ночь за ночь, — так, я ложусь часов в 8—9 утра и встаю в 5—6 вечера. Без революции настоящей, может быть, и глупой, но гибельной..., дело не обойдется.

Ваш А. Суворин.

11 декабря 1905 г.

Новоселов же на меня возлагает работу о церковном соборе. Уж не знаю, что с ним и делать. Не верится мне в этот собор [1]).

17 декабря.

Сегодня с утра до ночи — грохот орудий с Пресни, а к вечеру зарево пожаров. Там шел страшный бой, в котором убито 17 и ранено 47 семеновцев и ладожцев. Сколько побито революционеров, не знаю. Сгорело 12 домов и четыре фабрики: Шмит, Прохоров, Мамонтов (сургучная) и еще одна. Шмит — сам глава революционеров, на его фабрике был центральный склад взрывчатых веществ, оружия и пулеметов...

Прохоровская же мануфактура — это главная и последняя крепость революционеров. Они дрались отчаянно, и, кажется, их погибло очень много.

---

[1]) После записи 16 декабря в дневнике вклеен рисунок пером, под которым сделана следующая надпись: «Баррикады, зарисованные Надей 15 декабря, на Садовой Каретной, близ Лихова переулка. Это — средний тип. Хорошие были на Пресне и Лесной».

А уж несчастные жители Пресни пережили ужасы, которых не видали и в 1812 году. Очевидец рассказывал, что было м о р е о г н я, а пули сыпались градом, долетая до Новинского бульвара.

18 д е к а б р я.

Вчера революционеры ушли с фабрики Прохорова, говорят, через Москва-реку. Видно, ни петербургское войско, ни московская полиция не знают, что позади фабрики находится Москва-река и что она в декабре замерзши!

Какой был революционный отряд, неизвестно. Слухи и газеты (все это явная ерунда) толкуют о 10 000 человек.

Во всяком случае, могло быть сотни три-четыре. Так блистательно осуществлен военный план — «загнать дружины в одно место и всех сразу уничтожить».

Теперь эти ловкие партизаны снова рассеялись маленькими кучками по Москве и нападают на врагов в розницу.

Революционеры теперь говорят, что они одержали п р а в с т в е н н у ю п о б е д у. Это совершенно справедливо. Правительственные власти снова (в тысячный раз) доказали свое ничтожество справиться с каким бы то ни было врагом.

Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы? А если бы революция победила? Но разве она может иметь победу в М о с к в е?

Или, может быть, правда, как говорят, что заправилы революции имели план выманить из Петербурга войска и затем устроить восстание в Петербурге? Ну, тогда «диверсия» в Москве составляет очень ловкий стратегический прием.

Теперь 7 часов вечера... Уже с пяти часов слышна кое-где пальба. Значит, «генеральное сражение» на Пресне ничего не решило и не порешило...

10 ч а с. н о ч и. Зарево где-то вроде Никитских ворот. Слесарь говорит, что, кажется, фабрика Шмита, тоже столярная, и он полагает, что это тот самый Шмит, что на Пресне. Когда слесарь проходил по Дмитровке, вышел какой-то господин из пивной и громко провозгласил: «Вот Дубасов с компанией упражняются»...

Жаль, что не успеваю записывать. Много рассказов. Вот любопытная случайность. Один господин вышел на улицу с двумя мальчиками-сыновьями. Мать удерживала, говоря, что опасно. Отец ответил: «Происходит великое историческое событие — русская революция. Пусть дети видят ее»... Не успел выйти, как пуля убила одного из детей. — В доме Шик дворник шутил, что он не боится пуль... «Если прилетит

пуля, я ее проглочу»... Когда началась перестрелка, пуля попала ему в горло... Впрочем, остался жив.

Во время боя на Пресне несколько умерших (из числа раненых на баррикадах) отправлены были из Екатерининской больницы на Ваганьковское кладбище. Но по случаю пальбы нельзя было провезти, и пришлось трупы обратно привозить в больницу.

Сегодня розничная продажа «Моск. вед.» часа в 3 дня дошла до 24 000. Это только в Москве, не считая подписки. Ждали, что к вечеру будет 30 000. Никогда небывалые цифры!

19 декабря.

По части революции ничего, кажется, не происходило. О прошлом много рассказов.

Между прочим, слышал в редакции, со слов официального лица, что Войлочников, так поразительно ловко «казненный», погиб, собственно, ни за что. Он сначала служил в охранном отделении, где ничего заметного (а, стало быть, опасного для революционеров) не делал. Но потом решил совсем оставить эту службу: «ну ее, — говорил он, — тут еще подстрелят»... И на этом основании он перешел в сыскное, не политическое, отделение. Здесь он, вероятно, считал себя безопасным, так как уже не касался революции, а имел дело только с жуликами. Но когда Пресня попала в руки революции, — то и он очутился во власти революционеров, ибо он жил там в собственном доме. Зачем его «казнили»? Может быть, и не знали, что он уже не занимается «политикой», а может быть, было слишком соблазнительно для революционной рекламы «казнить» начальника охранного отделения...

25 декабря.

Рождество христово. Первая весть, полученная утром из газеты, что Новороссийск — в руках революционеров и шаек имеретин и мингрельцев, которые «хозяйничают» в нем.

Город очень пуст. Народу совсем мало. Куда-то попрятались. Масса войска. Конки и электрички ходят. Извозчиков крайне мало. Вообще — пустынность бросается в глаза. И это — Рождество.

Что значит эта страшная пустынность Москвы? Должно быть, масса народа разбежалась. Но почему остальные сидят по закоулкам? Должно быть, никому не весело... Ах, плохой это праздник!

27 декабря.

Сегодня репортер Барсов сказал, что по всем больницам 1 300 раненых да есть в участках. Всего, пожалуй, наберется до 2 000...

А сколько у б и т ы х, это неизвестно. Хоронили наскоро, в разных участках, разбирали и хоронили родные. Общего счета нет, а теперь уже и не может быть.

Значит, если считать по-военному, то на 2 000 раненых можно предположить до 1 000 убитых.

Военных судов не было, и казней не было. Но расстреливают семеновцы довольно усердно. Сегодня говорили, будто на Ходынке расстреляли 150 человек. Репортер говорит: «Ну, не 100, а поменьше». Сколько? — Не знает.

По Казанской дороге больше всего, там уж, во всяком случае, н е с к о л ь к о с о т.

31 д е к а б р я.

10 ч а с о в н о ч и. Ну, два часа осталось. Нехорош был год. Еще хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян еще худших бедствий.

1906 ГОД.

1 я н в а р я.

Ох, плохое начало года, плохое будущее! Тяжело на старости лет.

Написал сегодня для «Колокола» статью о бюджете.

Очень поздно получил самое сердечное приветствие от Скворцова и всей редакции «Колокола». Скворцов прибавляет, что в с е п о л у ч и л и п и ш е т п и с ь м о.

Это все очень приятно.

2 я н в а р я.

Вечером были преосв. Никон и арх. Анастасий. Первый, по обыкновению, читал свою статью (в «Церк. вед.»), второй имел специальную цель — затащить меня в Комиссию чтений для рабочих. Оказывается, что Дубасов хочет сохранить и поддержать Комиссию.

Ну, это хорошо, а от участия, конечно, отказался.

6 я н в а р я.

Получил письмо от Киреева. Характерно, хотя натурально. Жалкие попытки «помощи»! И где же взять бо́льшую? Я ему ответил, что сотни рублей мне не помогут. Но признак (какой бы то ни было) в н и м а н и я свыше может быть полезен именно для нахождения м е с т а. Что касается р а з р е ш е н и я редакторства, то не только

министры, но и царь не могут этого сделать, раз издан этот нелепый закон.

В 1877/78 годах суд по делу 193-х меня осудил за такие пустяки, о которых нынче и дел не возбуждают. Суд ходатайствовал о внесении в наказание предварительного заключения (четыре года, три месяца и семь дней!). Но я не оправдан, а посему не имею ни прав избирателя, ни права редакторства. Это было 30 лет назад, но давность отвергнута законом Николая II. В 1887 г. имп. Александр III повелел «предать забвению» мои политические грехи. Но Николай II вспомнил их, и его закон объявил, что ни высочайшие манифесты, ни повеления не восстановляют этих прав, хотя я раньше имел их. Закон Николая II обратным действием лишил меня моих прав. Что же может сделать теперь министр или царь?

Итак, ответил я в заключение, мне нельзя помочь иначе, как отыскав место служебное.

Господи, что это за несчастный царь! Меня просто до боли огорчает, что он только делает. Сам лишает себя самодержавия и в то же время издает законы с обратным действием! Горько видеть, что подобные невообразимые законы издаются им, и это для обеспечения свободы и прав!

За что он меня уничтожил? Ну, сам себя уничтожает — его воля. А меня-то? За что? Просто руками разводишь. И он хочет перестроить всю Россию, замыслил «великое дело»!..

Вот какими словами и размышлениями приходится заканчивать праздники 1906 года. Ни луча света не проникает ко мне ниоткуда, и черный мрак все гуще окутывает и удушает меня.

7 января.

Получил письмо от Скворцова. Просит приехать и сообщает, что сам 10-го едет сюда. Ответил телеграммой.

Николай Викторович, наконец, объявил свою резолюцию: у меня отнимается 1 200 руб. в год! Награда за усердную службу! Сверх того, теперь, конечно, будет еще меньше передовых.

Гринмут сегодня имел со мной продолжительный разговор, прося меня поискать способов его выручить через пособие каких-либо людей, ценящих «Моск. вед.». Он уверяет, что разорен.

30 января.

Заходил ко мне бывший эмигрант Бурцев, после двух писем, которые заклеиваю.

25 января 1906 г.

Лев Александрович!

Сегодня вечером я выезжаю из Питера в Москву, — и мне очень хотелось бы побеседовать с вами о «Былом», — тут бы нашлось у меня многое, многое, насчет чего я хотел бы попросить у вас сведений и разъяснений.

Наш журнал одной из своих целей ставит изучение движения за 1879—1882 гг., как вы это можете видеть из только что вышедшего 1-го № «Былого».

Я остановлюсь в Москве в меблированных комнатах Мамонтова (близ Кремля, Раушская набережная).

Если вы сочтете возможным побеседовать со мной, прошу назначить мне свидание — где вам угодно: или у меня, или у вас, или где-нибудь в ином месте.

Если будете писать, прошу известить меня з а к а з н ы м письмом.

В Москве я пробуду очень недолго, — и потому я прошу вас дать мне ответ н е м е д л е н н о.

Готовый к вашим услугам В л а д. Б у р ц е в.

28 января 1906 г.

Лев Александрович!

Я приехал в Москву и был очень рад получить от вас ответ на мое письмо.

Мне бы очень хотелось поговорить с вами о «Былом». В понедельник с 5—6 ч. вечера я свободен. Прошу известить меня заказным письмом или телеграммой.

Готовый в вашим услугам В л. Б у р ц е в.

P. S. На воскресенье до понедельника я уезжаю в провинцию.

В Москве я остановился в Мамонтовских номерах на Раушевской набережной.

Просит оказать содействие его изданию посильными сведениями. Кажется, очень увлечен своей идей. Что же! Дело полезное. Все же не маловажная страница истории.

Только мне некогда этим заниматься, да притом — если важен и возможен сбор м а т е р и а л а, то очень трудно его опубликование. Это я ему и высказал. Впрочем, в мелочах не отказываю в содействии.

Он рассказал немало интересного о старых товарищах, теперь выпущенных из Шлиссельбурга. Они живут однако под очень строгим надзором.

5 ф е в р а л я.

Сегодня (воскресенье) пошел, было, в церковь, а по дороге перехватил посланный от Владимира Андреевича: зовет к себе. Ну, и целых 1½ часа подробно рассказывал свои питерские похождения, совершенно по-товарищески...

Ну, тем лучше! Между прочим, оказывается, что я ему подготовил почву очень недурно. С Дурново они сошлись хорошо, а раньше даже не были знакомы.

Н о ч ь. Вечером заходил опять Бурцев на возвратном пути в Петербург. Он, кажется, всецело занят своим изданием «Былое», и от политики (активной) отказался. А может быть, и врет, конечно, но мне это все равно.

7 ф е в р а л я.

Сегодня Грингмут уезжает в Петербург. У них там четырехдневный конгресс «Русского собрания» с союзниками. Монархические демонстрации. Вчера грингмутовская «Монархическая партия» в Историческом музее — свыше 800 человек. А теперь в Петербург.

Забыл я записать насчет Петербурга. Оказывается, что я, может быть, спас Грингмута от большой опасности. Дня через два после моей «аудиенции» у Дурново Витте собрал своих министров и жаловался на Грингмута за то, что он «нас поносит». В наказание предлагал о т н я т ь у н е г о к а з е н н ы е о б ъ я в л е н и я ... Это было бы ему прямо смерть... Но министры, о с о б е н н о Д у р н о в о, воспротивились, и предложение премьера провалилось.

Еще рассказывал Грингмут, что в Царском Селе он случайно попал к Ломану (первый раз познакомился), и оказалось, что как раз в этот день к Ломанам приехал служить молебен о. Иоанн Кронштадтский... Грингмут ему жаловался на свою судьбу...

О. Иоанн много молился о нем. Вспомнил и о б о м н е, тоже молился и поручил передать мне его благословение... Добрый он. Спасибо. А нужна его молитва очень.

10 ф е в р а л я.

Сегодня я подал в городскую управу свою избирательную карту с разъяснениями на пункт II (нет ли ограничений по статье с е д ь м о й «Положен. о выборах в Госуд. думу»).

14 ф е в р а л я.

Письмо Суворина [1]). Есть слух, что он перебирается в Москву и основывает здесь новую газету.

---

[1]) Вклеено след. письмо А. С. Суворина:

«Да, Лев Александрович, «вот тебе и освободительное движение»! А что делать? Потеряли кампанию. Вот в чем беда! Куропаткина заменили Линевичем, который и сапог куропаткинских не стоит, хотя Куропаткин не стоит скобелевских сапог. Откуда эта бездарность? Ведь и в освободительном движении нет никого. Ведь это — продолжение японской войны внутри России. Это как бы японцы, подходящие к Москве и пославшие туда авангард свой. Хорошо, что их вздули тут, и не была оставлена Москва неприятелю, как было в 12-м году. Жить очень трудно и очень скверно. Мне очень жаль, что я с вами не увиделся. Поеду

23 февраля.

Письмо от Киреева: «Я вам переслал (не заказным) уведомление (меня) Бельгарда о том, что, по собранным сведениям (в деп. полиции) никаких препятствий к изданию и редакции вами газеты не оказывается. Это письмо я вам переслал в оригинале, надписав карандашем: «Вот ваша Magna charta». Это письмо — все, что мною по этому делу получено. Кажется, я на конверте прибавил «Экстренно» (??). Справьтесь в почтамте, — может быть, письмо мое попало в перлюстрацию. Ваш А. К.»

Чепуха эта «перлюстрация»! Кому нужны эти сведения? Хотя и странно, что пропало именно это письмо.

Но неужели Бельгард действительно писал только такую пустопорожность? Вероятно, Киреев просто не понял.

Был сегодня портной Жарков, и рассказывал о своей жизни во время беспорядков. Говорит, что теперь по трактирам шибко толкуют о новых восстаниях, в марте.

Есть слухи, что извозчики готовят забастовку, потому что недовольны строгостью полиции.

А положение такое, что начни хоть кто-нибудь «забунтовки», как они же сами выражаются, так и пойдет чесать революция.

Ходим на вулкане, и не поручишься ни за день, ни за час.

И вот потом будут писать о неизбежных внутренних причинах русской великой революции, будут подводить всякие глубокомысленные причины крушения старого строя. Будут говорить, что дело не в личностях, а в условиях... А вот современнику этой великой революции ясно, как $2\times2=4$, что не умри так рано Александр III, не разбейся так странно Георгий — никаких бы революций не было. Это — fait historique acquis!

Я и сам знаю, что строй политический был очень мерзок. Это я еще при Александре III говорил. И всетаки не было бы революции,

---

в Москву, зайду к вам. «Колокол» недостаточно жив. Теперь спокойно — рассудительное совсем не приемлется. Жалею, что мне 71, а не 61. Мои годы — годы отступления к могиле, и меня хватает только на минутные вспышки и на сожаления о том, что нет дарований. Ведь совсем нет. Куда подевались русские таланты? Все пока старики. А необходима не реставрация, а возрождение. Чем же возрождаться, когда нет талантов? Ведь это все равно, что — войско есть, а нет ни офицеров, ни генералов. Россия будет разбита и в эту кампанию, и победителями будут тогда японцы, да еще немцы, одни с востока, другие с запада. Пикнуть нам не дадут. Один расчет на какой-нибудь необыкновенный случай. Будьте здоровы.

Ваш А. Суворин.

12 февраля 1906 г.

и Россия м и р н о преобразовалась бы постепенно на истинные монархические, свободные начала.

Велико значение личности! Дайте и т е п е р ь, при всей нашей революции, крупную, сильную личность, хоть бы не крупнее Рузвельта или Вильгельма, и все было бы устроено хорошо и мирно.

Велико значение личности. Но есть еще нечто более великое: таинственная сторона истории, которую нынче не хотят признавать.

Почему в самом деле Александр III умер так невероятно рано? Почему разбился, получил горячку и умер способнейший Георгий? Почему его болезнь сделала невозможным отречение Николая от престола, которого он не желал? Почему в это самое время в Японии происходит национальное воскресенье и изумительный Муцихито царствует в самом цвете своей политической мудрости?

Ведь все эти условия не имеют никакого отношения к внутренним русским условиям, а между тем они делают в с е. От них рухнет монархия, а через ее жалкое падение Россия будет осуждена на внутреннюю резню лет 20, если не погибнет совсем.

Рука божия. Карающая рука. Оставил нас бог. А почему оставил. Как же не видать этого, если хоть чуть-чуть в бога веришь?

24 ф е в р а л я.

Послал запрос Бельгарду — о чем он писал Кирееву. Послал письмо Ширинскому с запросом, не уничтожает ли ст. 60 (об обратном действии закона) ограничений, возникающих по избирательным правилам.

25 ф е в р а л я.

В «М о с к. в е д.» напечатано сегодня (52 №): «Петербург, 24 февраля. Вышло правительственное распоряжение о том, что депутации представляются только с ведома и согласия председателя Совета министров».

Итак Витте прямо взял царя под своего рода арест. Дело в следующем.

Еще после дупутации «Союза русского народа» (где Никольский ругал Витте перед государем) Витте сказал, что «ну, с этими депутациями нужно покончить»...

Но когда прибыла депутация от Иванова-Вознесенка, она обратилась не к Витте, разумеется, а к Дурново, и тот исхлопотал ей прием. Витте в это время был занят какими-то экстренными делами, в Царском Селе не был и ничего не знал. В прежнее время, во время приема депутаций от московского «Всенародного союза», Витте, неведомо для депутаций, стоял в с о с е д н е й к о м н а т е и все слу-

шал. Как ни настойчиво спрашивали государя Чемодуров и Шарапов, сохранит ли он свое самодержавие, государь колебался, молчал и, наконец, произнес только: «Благодарю вас за верную службу»... О самодержавии так и не ответил...

Но на этот раз Витте, ничего не зная об иваново-вознесенцах, не был в Царском Селе. И вот, на запрос депутатов, государь ответил:

«Самодержавие же мое и неограниченность власти такие же, как были встарь»...

Это сообщил Грингмут нам в тот же день, прибавив, что слово «неограниченность» не будет напечатано! Действительно, в газетах явилось только слово «самодержавие», а «неограниченность» была выброшена из речи царя цензурою Витте.

Так вот теперь, для предупреждения подобных случаев, он и постановил не допускать к царю депутаций без своего позволения.

Как понять это? Можно ли допускать, чтобы государь был до такой степени в безвольном ему подчинении? Или скорее думать, что император сам не хочет, чтобы его вынуждали на такие ответы? И в защиту себя он принимает опеку Витте? По правде сказать, что ни предположи, а печально. Очень печально. И положение получается самое неблаговидное из всех. Уж прямо бы лучше сказать, что царского самодержавия больше не существует, чем держать несчастную Россию в борьбе партий. Одни говорят: «царь самодержавен», другие говорят: «царь ограничен во власти», и спорят, будто это вопрос о египетских иероглифах, которые одни ученые переводят так, другие иначе...

Что же может сильнее компрометировать власть, как такие споры? И есть ли на свете президент республики, который бы не смог принять народной депутации без разрешения премьера кабинета? Положение высоко невероятное, соблазнительное, создающее смуту.

С другой стороны ясно, что теперь отношения между Витте и Дурново должны стать еще более «на ножах», чем прежде...

И это — безвыходно! С самого начала царствования нет ни одного момента, когда бы не было двух борющихся министров. Словно нарочно, да, может быть, и в правду нарочно,—для того, чтобы не подпасть под влияние одного кого-нибудь... Увы, в результате — расстройство правления, доведение страны до анархии, а монархия уже почти до края гибели.

26 февраля.

Сильные слухи о новом предстоящем восстании. Планы революционеров — развернуть свои силы (более прежнего) и овладеть

сразу управой, госуд. банком и Николаевской железной дорогой. Говорят, что власти также принимают свои меры. Начало назначачалось, по слухам, на сегодня и ближайшие дни.

27 февраля.

Получил отказ от внесения меня в списки избирателей.

28 февраля.

Послал прошение в губернскую комиссию о внесении меня в списки. Послал письмо Бабушкину.

1 марта.

Ну, наступил март — месяц, в который назначено возобновление революции. Говорят, что начало назначено 5 числа...

5 марта.

Отправлено, через Н. Д. Кузнецова, князю Шаховскому для доставления министру внутренних дел прошение (о выдаче копий) с приложением объяснительного письма.

Сегодня, по приглашению Клавдия Петровича Степанова, был на редакционном его совещании. Там были — К. П. Степанов, Кожевников, Мансуров, Елишев, Корнилов, — ну и я. Названия для своей газеты они еще не придумали. За кулисами этой затеи находятся Д. Хомяков и Ф. Самарин, однако, не выступающие гласно.

Просили меня сотрудничать.

6 марта.

Ночь. Однако революционеры исполняют свое обещание. Сегодня сейчас, выйдя на двор, увидел наряд городовых с ружьями. Что такое? Рассказывают, что на Трубе была какая-то толпа и что на завтра начнутся забастовки и новое вооруженное восстание... Неужели же они хотят насильно помешать созыву Думы, которая как никак — все же состоит из народных представителей?

7 марта.

Кажется, никаких восстаний не было. Но зато ограблен Московский Купеческий банк взаимного кредита! 15 вооруженных человек явились в 6 часов дня и захватили 800 000 рублей! Недурно. Это называется «чрезвычайная охрана»! Дела!

10 марта.

Отправил в сенат (1-й департамент) прошение-обжалование отказа московской губернской комиссии внести меня в списки избирателей. Отказ комиссии получил вчера 9 марта.

11 марта.

Получил от канцелярии императорского двора уведомление (от 8 марта), что государь император жалует мне за поднесение «Монархической государственности» серебряную чернильницу. «Удостоверение» на эту чернильницу (за № 3125) приложено при сем же. Но второе приложение (т. е. самая чернильница) не получена доселе, хотя об ее высылке и сказано в извещении.

Искренняя благодарность моя государю за милостивое пожалование. Все мои домашние очень обрадованы.

12 марта.

Получена моя чернильница. Ничего себе — красивая. Пожалуй, рублей 50 может стоить [1]). Впрочем, конечно, тут цена не имеет значения.

Плохие вести слыхал от репортера. Говорит, что на 17, 18, 19 марта будет такая революция, что не выдержать ее! Напрасно Дубасов думает, что справится. В самих войсках брожение... Революционеры решили, во что бы то ни стало сорвать Государственную думу... В какой мере все это основательно, конечно, покажут только сами события. Но мне кажется, что тут много верного.

14 марта.

В академии служили панихиду по Шмидте! Евдоким отсутствовал, был на службе в лавре. Инспектор сбежал... Академические попы сами отслужили. — В гимназии (VII) подбивают (и пятый класс) к забастовке в честь Шмидта...

16 марта.

Вечером меня опять гложет тоска. Всетаки — бездельная, бессмысленная жизнь. И все проклятое положение необеспеченного «пролетария»!.. Это ужасный гнет.

Все связано с Грингмутом, а он сам — кто его знает, что с ним будет! Вчера было известие, рисующее интриги Витте против него. Государь получил два предложения, есть две партии. Одна (Тол-

[1]) Она обозначена стоимостью, будто бы, 200 рублей!

стой — Витте) докладывали, что у Грингмута должно о т н я т ь с у б с и д и ю... Никакой «субсидии» и нет, а есть казенные объявления, но эти господа, значит, подразумевали их, а государю называли слово «субсидия»... Это, значит, отнять объявления по высочайшему повелению... Ловко! К счастью, государь начал здесь ч а с т н о наводить справки, какую субсидию получает Грингмут. Уж не знаю, что из этого выйдет...

Кто-то другой, напротив, представлял государю, что Грингмуту нужно д а т ь с у б с и д и ю...

Вот положение царя! Разбирайся в этих интригах...

Но Грингмут, положим, не пропадет, а вот я-то — иная статья. С «Колоколом» дела совсем разлаживаются. Они даже не печатают моих статей. Ну, тут я думаю, несомненно подличанье Скворцова перед Оболенским, который п р о т и в м е н я будто бы из-за того, что я сотрудник «Московских ведомостей»... Из-за этого будто бы не пригласил меня и в предсоборную комиссию.... Вот мерзавец, повидимому, чистой крови! За своего Витте все старается. Но я думаю, что тут дело не в одних «Московских ведомостях», а, без сомнения, Витте знает, что я его терпеть не могу. Я это прямо говорил митрополиту Антонию, виттевскому прислужнику, да, без сомнения, и другими путями знает...

Но что Витте в том, люблю я его или не терплю? Ведь я ничего ему не могу сделать Но вот. видно, плоховато его положение, если уже начинает давить даже и самых «мизерных» врагов.

А легче ли мне? Вот жизнь-то, вот положение, когда всякий тебя может раздавить, а ты нигде не имеешь опоры! Прямо живешь и не знаешь, что с тобой завтра будет. А у меня семья — не пристроен н и к т о, все только мною живут...

Ужасно тяжкое положение!

Получены кое от кого поздравления с высочайшею милостью...

Пожалуй, эта высочайшая милость будет иметь только те последствия, что Оболенский с К° постараются получше раздавить меня — кто их разберет?

23 м а р т а.

Сегодня получил ответ Бельгарда. По справке в деп. полиции, император Александр III, по докладу министра внутр. дел, 10 ноября 1888 г. «в с е м и л о с т и в е й ш е п о в е л е т ь с о и з в о л и л: д а р о в а т ь Т и х о м и р о в у п о л н о е п о м и л о в а н и е». Так цитирует Бельгард. Отсюда вывод: полное помилование есть восстановление во всех правах. Следовательно, и в тех, которые мог ограничить суд...

Вот это правильно. Но ведь в законе (избирательном) сказано: «если не оправдан», хотя бы был избавлен от наказания силою всемилостивейшего повеления.

Глупейшая формула закона. Ну, все-таки, нельзя ли так толковать, что я не избавлен от наказания, а вполне помилован? Вот напишут ерунду, а потом и пускаются в казуистику! Самое же печальное, что моя казуистика (или Бельгарда) не имеет никакого значения. Вопрос о том, как понимает смысл закона сенат. А он, вероятно, также откажет мне... в избирательных правах, а следовательно, и в редакторстве. Это связано неразрывно.

Интересно, что сделает (и сделает ли что-нибудь) министр внутр. дел. По словам Шаховского, мое прошение ему доставлено было 8 марта. Бельгард мне пишет от 21 марта (за № 2576), в ответ на письмо мое от 24 февраля. Почему так медленно? Не имел ли он совещания с министром внутр. дел? Все загадки.

25 марта.

В Петербурге «кадеты» одержали полную победу: все 160 человек выборщиков оказались кадеты.

Завтра того же ожидают в Москве. Ловкие, энергичные и безусловно беззастенчивые люди, единственно усвоившие европейскую тактику выборов. Комедия! Но, конечно, и система выборов, у нас выдуманная, как будто нарочно приспособлена для успеха интриганов.

Замечательно бездарное правительство.

Я так и остался устранен от выборов. От сената не имею никаких известий на мою жалобу. Впрочем, для меня несомненен отказ сената.

27 марта.

«Кадеты» взяли все места выборщиков. Все партии побиты на голову — Гучков, Рябушинский, Шмаков (монархист) провалились.

Эта жалкая комедия, конечно, приведет в ужас младенчествующий Петербург. Теперь, небось, уже пишут какую-нибудь «конституцию». Ну — господь с ними!..

Написал Ширинскому просьбу разузнать в сенате о моей жалобе. Был сегодня у Шаховского, не застал, а потом он ко мне приехал. Уверяет, что Замятин сказал ему, что передал прошение министру внутр. дел. Но сам не имел любезности побывать у министра и спросить...

Оказывается, что Ник. Влад. Шаховской принимал деятельное участие в сочинении всей этой ерунды — «Положения о выборах» и «Временных правил о повременных изданиях»... Ну, я ему долго

разъяснял невежественную нелепость этого законодательства 1905 года. Да что теперь толку?

Какая обида, что я принужден заниматься журналистикой!

Теперь только и стоило бы махнуть рукой на все практические дела этих несовершеннолетних людей, заняться чисто теоретическими работами. Но вот теперь на месте «ученых» сидят политиканы и газетчики, а ученые по природе должны быть борзописцами за хлеб насущный.

Это страшная участь, когда человек развился дальше своих современников, и даже пользы для них от этого нет. Все равно — не только понимать, да и сбвинять их за это нельзя. Теперь они, как дети, играют в политику, а потом будут играть в гильотину и республику, и ничто этому не поможет, кроме возраста страны в лета совершеннолетия. Но до тех пор она уже растеряет свои лучшие чувства, на которых м о ж н о б ы б ы л о строить ее теперь, если бы только в ней были сознательные элементы. Но увы! И выходит, что живешь абсолютно бесполезно.

28 м а р т а.

Все толкуют о «победе» конституционалистов. Это любопытный образчик того, до какой степени выборы ничего не обозначают. В Москве получили права избирателей 56 000 человек по общим правилам да 68 000 человек по рабочим правам. Всего 118 000 человек [1]) м о г л и выразить волю Москвы. Из них за монархию оказалось 2 000! Ну, конечно, это только с м е ш н о, каррикатурная несоответственность с действительностью.

30 м а р т а.

Послал следующее письмо В. Л. Бурцеву.

30 марта 1906 г. Москва, Страстной б., д. 78.

Владимир Львович,

Давно собираюсь писать, но все ждал, что, быть может, вы сами будете в Москве. Но вас все нет, а между тем мне нужно выяснить себе следующее обстоятельство.

Вы пишете, что я, прочитав заявление «Шлиссельбургского комитета» пойму его цели. Прошу вас сказать, правильно ли я их понял.

Мне кажется, что он имеет две цели, для меня весьма различные, но для него слитые воедино: прославление революционного движения в России и помощь выжившим и освобожденным шлиссельбургским узникам. Так ли это?

Если так, то вот мое мнение.

Вам хорошо известно, что я осуждаю самый п р и н ц и п революции. Ее успехи совершенно ничего не могут изменить в этой оценке моей совести, моего

[1]) Так в подлиннике.

рассуждения и моих знаний. Побеждена революция или торжествует — она не может быть м н о ю прославляема.

Эта сторона жизни шлиссельбургских узников, в том числе моих прежних друзей и товарищей, подвергается моему осуждению совершенно так же, как она мною осуждается в с е б е с а м о м.

Я уважаю и люблю в них (как и в своем прошлом) только честное убеждение и готовность на самоотвержение. Сверх того, у меня есть в отношении их чисто личное чувство привязанности, как к родным, чувство, которое не уничтожается (во мне) никакими политическими или социальными соображениями.

Итак у меня распадается на две совершенно различные части то, что у «Шлиссельбургского комитета», мне кажется, слито в одну задачу.

Есть ли возможность разделить практически эти две стороны дела? Вот этого-то я и не вижу. Напротив, повидимому, у комитета установлено единство кассы, так что деньги, посланные для чисто личной поддержки освобожденным узникам, могут пойти на разную политику — хотя бы в форме прославления революции. Ошибаюсь я или нет, прошу мне разъяснить.

Затем прошу мне сказать: лично вы связаны ли неразрывно с комитетом или имеете право действовать помимо его, сами от себя?

Если вы можете действовать от себя, то я бы предпочел иметь дело только с вами вот в чем.

Мне тяжело думать, что такие личные товарищи, очень хорошие по сердцу люди, как, например, Михаил Фроленко или Михаил Попов и т. д. на старости лет, растратив жизненную силу, нуждаются материально. Есть кое-кто, о которых, я уверен, что они имеют поддержку родных, и некоторые имеют гораздо больше средств, чем я. Но есть такие, о которых я предполагаю, что им живется очень плохо (если нет помощи извне). Я бы хотел, по возможности, помочь таким. Как же это сделать? Можете ли вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они, без сомнения, такие же непримиримые революционеры, как прежде. Им негде было проверить свои взгляды. Это самая ужасная сторона тюрьмы, что знаю по себе. Четыре года тюрьмы были для меня совершенно потерянным временем для развития. А следующие четыре года свободы дали мне тысячи различных драгоценнейших наблюдений себя, людей и законов жизни...

Так, говорю я, они, может быть, и не захотели бы принять помощи от человека, совершенно отрицающего их идеи. Бог с ними, это все равно. Вы можете дать анонимно.

Если вы согласитесь оказать мне эту услугу, то прошу вас: пришлите мне список уцелевших. И на нем, пожалуйста, отметьте тех, которые не имеют семейных средств к жизни или случайной работы... Я ведь знаю иных из старых товарищей, которые заняли великолепное положение, превосходные места, о каких я и мечтать не могу. Затем заметьте, что я вообще человек без средств, так что с меня пользы немного, и — кто его знает — сегодня живу, а завтра могу быть вполне на улице. Я ведь не продаю своих убеждений никому. Ну, а таким людям денег нигде не дают [1]). Так что большой пользы от меня нельзя иметь. Но мне лично было бы очень приятно, пока могу и сколько могу, помочь старым товарищам в нужде. Так что вы не им окажете услугу, а скорее, мне. Но и им всетаки будет «не из дома, а в дом».

Так вот об этом предмете и желал бы иметь ответ ваш.

Всего хорошего.

Л. Т и х о м и р о в.

---

[1]) Кто хочет быть свободным и честным, тот н е и з б е ж н о страдает.

Получил крайне неприятное известие от Ширинского: 1-й департамент сената 28 марта о т в е р г мои права. Много спорили, разделились почти на две равные части, и меня провалили большинством одного голоса.

Их всех там, по календарю, 13 человек... Значит, 6 з а меня и 7 против.

Но один или не один голос, а всетаки провален, а фатальность правительства та, что у него решительно во всяком деле всегда найдется хоть на одного дурака больше, чем умных.

Несчастная какая-то власть! Мое дело — это прямо позор для нее. И, как нарочно, тут же государь жалует чернильницу.

Редкое пожалование за политическое сочинение... и в то же время всякая дрянь может быть редактором, а я — нет... ибо, если я не могу быть избирателем, то по тому же закону не могу быть и редактором.

И этот осел-сенатор, давший своим голосом большинство против м е н я, заклеймил правительство одной из самых невероятных нелепостей. Понимал ли этот дурак, что делает? Глупость это или желание оскандалить власть, издающую такой закон?

Я прямо не знаю, что делать.

Написал Ширинскому, не посоветует ли какого-нибудь плана. Я думал подавать прошение на высочайшее имя, но что, если эти господа устроют и там отказ и тем набросят тень уже на самого государя?

9 а п р е л я.

За это время начался и до сих пор тянется «Всероссийский съезд русских людей».

Я на него получил приглашение, как ч а с т н о е лицо, вне организаций, и принял приглашение, чтобы представить доклад о созыве собора русской церкви. В Питере его оттягивают очень подозрительно, и я хотел бы подогнать дело, предложив ходатайство к государю и митрополитам о созыве собора не позже лета. О т д е л (церковный) принял резолюцию, только прибавил время «не позже первых осенних месяцев».

Вообще доклад мой имел успех, но Кузнецов (Ник. Дмитр.) возражал упорно и бесконечно, всячески стараясь провалить или оттянуть резолюцию. К сожалению, я до сих пор не уверен в успехе, потому что резолюция о т д е л а должна еще пройти д в е и н с т а н ц и и съезда, пока будет вполне утверждена. А Кузнецов, конечно, будет работать прямо с яростью, чтобы провалить дело... Он доходит до неприличия в этих стараниях, подавая письменное заявление,

будто бы моя резолюция идет против высочайшей воли, а потому неуместна... Прямо доносчицкие приемы!

Ну, я свое дело сделал, а там что бог даст.

Но вообще мой доклад возбудил большое внимание, и публика, мне казалось, за меня. Газетные отчеты («Русский листок», т. е. «Голос», «Московский листок», «Новое время» и т. п.) все более или менее переврали, а в «Русском голосе» тенденциозно — за Кузнецова. Какой-нибудь приятель Кузнецова, вероятно.

Завтра, в понедельник, должен быть еще мой доклад по государственному отделу: «Причины избирательной победы конституционалистов над монархистами». Ну, этот, вероятно, не понравится по духу своему, хотя написан хорошо.

Если бы хоть часть публики одобрила его, то и это уже будет большой успех.

Вообще эта масса монархистов — человек до 400, с разных концов России и разных сословий — производит на меня двойственное впечатление. Дух религиозный и церковный у них очень силен и ясен. Сильно напряжение национального чувства. Но понимание политическое — узко, боюсь — даже очень узко. Мой доклад будет резкой пробой: понимают ли монархию или не понимают?

Вл. Андр. Грингмут — любимый оратор. Громы одобрений и рукоплесканий стоят облаком над его речами, и его аудитория битком набита. А между тем он говорит высоко вульгарно, с криками, аффектацией, жестикуляцией, со страшными преувеличениями. Мне было неприятно видеть и слушать все это кривлянье. Но сотни слушателей неистовствуют от восторга.

Прекрасный оратор — протоиерей Восторгов: умный, толковый, искренний, с чувством и хорошими голосовыми средствами. Его тоже слушают охотно, но нет и сравнения с Грингмутом.

Очень тонкий и блестящий оратор — Борис Владимирович Никольский. Ну, этот тоже покоряет публику.

11 апреля.

Сегодня имел доклад на съезде «О причинах победы конституционалистов над монархистами». Публика была, человек сотня, но свои друзья отсутствовали поголовно. Доклад, пожалуй, имел успех.

По крайней мере, из публики раздавались голоса, что это нужно напечатать... Но мне грустно. Именно те, которые, казалось бы, могли понимать, отсутствовали не «тенденциозно», но искренне пренебрежительно. Новоселов, Клавдий Степанов... Это такая проба им, печальная проба. Мой доклад мог быть и хорош и плох... Но по теме

его чуткий человек непременно должен был притти. Позднее Новоселов пришел на съезд с частными пустячками: показать корректуру своей статьи, довольно неважной... Вот это для него я с н о... А коренной вопрос государственности — пустячен! Что же выйдет из их «Московского голоса»?

Просидел на съезде с 11 часов утра до половины 6-го вечера.

Утомился, простудился, измучился. Но нужно было ждать доклада р е з о л ю ц и й собрания делегатов. Кузнецов пришел, чтобы «провалить» мою резолюцию, и мне страшно было оставить ее без защиты. Однако собрание п р и н я л о р е з о л ю ц и ю.

После того начались бесконечные дебаты по поводу резолюции самого Кузнецова. Долго я сидел, мучился, наконец, не выдержал и ушел. Не знаю, чем у них кончилось. Я вообще не проронил ни слова, слава богу, не было надобности.

14 а п р е л я.

Был Шечков, рассказывал о выборах в Госуд. думу в Курской губ. Выбраны сплошь революционеры, а из крестьян некоторые прямо разбойники. Настроение, по его словам, прямо ужасное. Все обезумело.

Тут тоже, повидимому, начинается революционная заварушка. В Петербурге безработные требуют общественных работ, их поддерживают уже и рабочие по фабрикам. У нас уже не ходят электрические дороги, забастовали. Говорят, что готовится «политическая забастовка» с террором.

Вообще дело идет к развязке.

15 а п р е л я.

А сегодня уже бастовала часть конок. Говорят об о б щ е й забастовке послезавтра (18-го—1-е мая)... Это называется «праздник рабочих»... Грустное время.

Идет, говорят, усиленная революционная агитация, но в каких целях? Неужто может быть в чьих-либо интересах расстроить Думу? Конечно, трудно судить непосвященному, но, со стороны, — тактика странная.

17 а п р е л я.

Завтра заграничное 1 мая. Ждут забастовки и даже разных насилий почему-то в течение 9 дней. Это выходит — до самого созыва думы.

Между конституционалистами-демократами, говорят, взяла верх фракция решительного нападения на правительство. Другая фракция считала лучшим постепенный, осторожный образ действий. Крайние

же говорят, что с т а к и м правительством все возможно сделать натиском, а потому незачем терять трех лет на то, что можно сделать в три недели. Это, мне кажется, верный расчет... Итак они думают тотчас по созыве думы заявить самые крайние требования и поддержать их демонстрациями и восстаниями по всей России. Если правительство захочет разогнать думу, то она должна собраться в Выборге, где уже намечены для нее залы ратуши, а финляндская «Красная гвардия» должна охранять ее.

Что касается правительства и императорской фамилии, там, говорят, находятся только в страхе перед грядущим, но не имеют никакого плана действий, не знают даже сами, будут ли бороться или уступать. Очевидно — созрели к гибели!

Утверждают, что к созыву думы Витте и Дурново уйдут. Кто на их место? Ничего ясного. Вообще, повидимому, жалчайшее падение...

Насколько я понимаю, Витте не увольняется, а уходит по собственному желанию. Действительно, если начнется уничтожение монархии, то ему нет смысла быть министром, а удобнее выступить потом, с какой-нибудь партией.

— Вообще видится впереди некоторая liquidation générale.

...Зачем господь бог дал мне прожить до крушения всего, во что я верил н а з е м л е? Да будет его святая воля, и да пошлет он мне хоть силы для этой страшной годины испытания!

В России весь народ переживает какой-то глубочайший перелом. Он, повидимому, теряет даже свою религиозную веру. Испытание превыше сил. Замечательно, что даже у Троицы-Сергия совсем нет богомольцев. Лавра и посад опустели. Вот хвалились-то: «Русь святая», «Народ-богоносец» и т. п.!.. Неужто этого ничего и н е б ы л о? Не могло же так быстро и з м е н и т ь с я.

И где же такую ничтожную душу сравнить с евреями? Те выносили вдесятеро более страшные испытания, не отпадая от бога.

18 а п р е л я (1 мая).

Сегодня день прошел, безусловно, спокойно. Никаких забастовок не было.

Арестована какая-то компания студентов и курсисток, изготовлявшая бомбы для покушения на Дубасова 27 апреля, некоторым образом в честь открытия думы.

19 а п р е л я.

В Москве открыты полицией мастерские бомб. Говорят, что есть еще и другие, и что у революционеров есть план террористических действий к созыву думы.

Дела, повидимому, идут к развязке. Говорят, что Витте решительно у х о д и т. Но уже давно слышно было, что он уйдет перед решительной попыткой революции, чтобы падение монархии произошло без него, а потом выступит уже на новой почве. Странно, что теперь все это позабыто, и все толкуют, будто Витте у в о л ь н я ю т, тогда как, без сомнения, он сам уходит.

Повидимому, Япония намерена возобновить войну. Все слухи единогласно это подтверждают. Очевидно, она хочет вполне использовать жалкое состояние гнилого гиганта. Теперь, должно быть, заберет в с е, до Иркутска... Амур может отдать Китаю. Ах, бедная, жалкая Россия! Мыслимо ли было ожидать такого крушения? И — ни людей, ни чести, ни смысла!

21 а п р е л я.

Получил извещение Моск. губернской комиссии, что сенат оставил мою жалобу без последствий.

Витте ушел — официально.

Все полно толками о думе. Как начнется она? Нужно сказать, что роль правительства рисуется мизерною. Если оно, с таким слабым духом и разумением, не падет, то не его вина будет.

23 а п р е л я.

Утром я получил письмо от Н. А. Павлова и не мог отказать. Заперся, и писал несколько часов; как раз в это время произошло покушение на Дубасова, но мне не сказали домашние, видя, что работаю, так что я узнал лишь часа через 1½.

Вот что написал я. Но что выйдет пользы? При переписке набело я кое-что исправил, но не успел снять для себя копии. Впрочем, это очень близко к тексту, данному мной Павлову.

Получено 23 апр. около 12 ч. утра.

Дорогой Лев Александрович.

Бывают часы, когда н а д о сделать. Помогите царскому делу. Напишите до вечера короткую тронную речь. Я заеду вечером. Усильтесь, сделайте!!!

Преданный вам П. П а в л о в.

Между нами это.

Надо постараться включить что-нибудь вроде «ошибались или нас вводили в заблуждение».

[ПРОЕКТ ТРОННОЙ РЕЧИ ПРИ ОТКРЫТИИ ГОСУД. ДУМЫ.]

Выборные люди великой русской земли, богом вверенной попечениям моей верховной власти!

Настал желанный час, когда я вас вижу перед собою. Впервые после державной прабабки нашей, премудрой Екатерины, русский царь созывает выборных людей от своих верных подданных для непосредственного служения предначертаниям своей верховной самодержавной, неограниченной власти по устроению нам всем дорогого отечества.

Я рад вас видеть, рад, что это великое дело суждено было осуществить мне, несмотря на множество препятствий. Да пребудет же на сем деле благословение божие. Да послужит оно началом умирения карающего нас гнева божия.

Я встречаю вас в тяжелое время, когда страна моя сочится ранами бедствий, нанесенных извнутри и извне, множеством греха, падением веры, упадком чести, забвением долга, недосмотрами правления, злоупотреблением моим доверием, тяжкими смутами, внутренним кровопролитием и внешней войной. Кто виновники сих бедствий? Взор не может охватить их рядов... Перед вами, богом мне врученными людьми, я не хочу скрывать, сколько тяжких дум передумал и я сам, взвешивая свой ответ перед богом за все, в чем не был в силах досмотреть за злоупотреблением моим доверием. Но за свой грех в этом я дам ответ перед всемогущим, не по моему хотению, а по воле своей возложившим на меня тяжкое бремя царской власти. Вам же, верным моим подданным, я — царь ваш — напоминаю, что бесчисленны виновники бедствий отечества во всех слоях народа, из которых вы изошли. Всенародный грех давно готовил нам возмездие, и постигшими нас тяжкими испытаниями господь бог всех нас призывает к покаянию и к совершению дел, достойных покаяния.

Если бы я захотел теперь карать виновных, породивших бедствия моей страны, то она покрылась бы озерами крови, и где бы я нашел человека, которому мог бы сказать: «Ты, как невиновный — брось первый камень в виновных»? И перед лицом бесчисленных всенародных грехов я вспоминаю слово божие: «Мне отмщение, аз воздам», и в моей царской заботе о спасении богом врученных мне людей я за благо рассудил устремить силы не на отмщение, а на исправление того, что облегчало злу распространяться по земле русской. Я вознамерился открыть дорогу свободному действию добра. С этой целью я даровал своим подданным, без различия племен и вероисповеданий, права и вольности, свободу веры, слова и печати, свободу соединяться в союзы. Я рассудил за благо привлечь излюбленных людей моих верных подданных к помощи мне в делах государственного строения.

Видит господь, и вся Россия, и весь мир, что я открыл широкую дорогу для свободного действия всех добрых сил и для их содействия мне в трудах моих по излечению язв, разъедавших доселе нашу страну. Призываю же все добрые силы русской земли воспрянуть духом, покаяться в прежних грехах, проникнуться любовью к правде и начать новую жизнь правды, добра, чести, долга, умиротворения и устроения.

Простирая до крайних пределов мое милосердие, я не карал в достаточной мере виновников наших бедствий, злоупотреблений, смуты и кровопролитий. Ныне открыв пути к мирному благоустроению нашей страны, я своим царским приказом призываю всех к долгу верноподданных. Бог вручил мне власть на поощрение делающих добро и на усмирение делающих злое. Я все сделал для открытия пути добру, и я сумею в корне пресечь преступные деяния зла.

Итак, выборные люди моего народа, приступайте без опасений и с уверенностью к исполнению возложенных мною на вас трудов.

В разъяснение возложенных на вас задач присовокупляю еще несколько указаний.

Во время ваших выборов к моему народу являлись различные партии, призывавшие выбирать своих членов в Государственную думу, мною учрежденную. Знайте, что я призываю к себе не партии, а своих подданных.

Я даровал всем право свободного убеждения и союзов и никому не возбраняю принадлежать к партиям, законами дозволенным. Но на мое царское дело, на совет мне, на помощь моим трудам я призываю не партии, а честных, умных и знающих людей, моих верных подданных.

Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я остаюсь тою же верховною самодержавною, неограниченною властью, какую унаследовал от предков и какую передам потомкам моим. Во имя этой власти я дал моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а мне и отечеству, со мною неразделимому.

Призвавши вас в Государственную думу, я, для удобнейшего действия вашего, дал сему учреждению соответственные уставы. Следуйте точно сим уставам. Если в них окажутся несовершенства, они будут исправлены законным порядком. Но знайте также, что я готов выслушать и каждого из вас непосредственно, если к сему является нужда. Как царь, как власть верховная, я желаю знать правду от народа своего и постараюсь найти время выслушать непосредственно каждого из его избранников.

Выборные люди моего возлюбленного народа, приступайте же к трудам служения вашего, на которое вы мною призваны. Призовем на начинаемое дело благословение божие, и да даст господь, чтобы с сего дня началась для отечества нашего новая жизнь, которая на место смут и неурядиц принесет мирное благомыслие, устроение, верность долгу и законность! Будьте уверены, что во мне вы всегда найдете защитника дарованных мною вам прав. Приложите же старания, чтобы со своей стороны оправдать мое доверие и народа, облекшего вас, по призыву моему, своим доверием на сие великое служение.

Да поможет всемогущий господь предстоящим трудам вашим.

В правительстве ждут думы с трепетом. «Кадеты», человек 200 думских, образовали в Техническом училище вроде клуба, постоянно заседают и готовятся напасть на правительство. Родичев готовит ответ на тронную речь, хотя ответа и не дозволили.

За уходом Витте, всевластным человеком остался Трепов, который однако растерялся и совершенно не знает, что ему делать. Государь точно также находится в полной нерешительности относительно грядущих на-днях событий.

24 апреля.

Нехорошее время. Тяжелое испытание. И — самое ужасное — ничего хорошего совершенно не может быть. Не могу себе представить никакого хорошего исхода нынешней революции... Может быть, конечно, лет через 20, после всякой резни, и сложится новый строй, если только Россия не будет «разобрана» по рукам соседей.

Но м о й-то век, во всяком случае, кончится при тоске, безобразии и ужасе, при всеобщем разгроме и падении нравственном и политическом.

25 а п р е л я.

Слава богу и слава государю! «По всеподданнейшему докладу мин. внутр. дел государь император в 13-й день апреля 1906 года, всемилостивейше повелеть соизволил: не считать дворянину Льву Александровичу Тихомирову судимости его в 1877 году особым присутствием Правительствующего сената препятствием к пользованию всеми правами, предоставленными общими узаконениями русским подданным, обладающим общею гражданскою правоспособностью, а в том числе и правом участия в выборах в Государственную думу, равно и правом быть ответственным редактором повременного издания»; «о таковом высочайшем повелении названным министром сообщено министру юстиции».

О сем московский градоначальник в объявлении № 4463 от 22 апреля 1906 г. уведомил меня через пристава III участка Тверской части (пометка пристава — 24 апреля, № 67).

...Через два часа... Не успел обрадоваться царскому акту, как вдруг получается телеграмма с высочайшим указом: у т в е р ж д а е т с я м и н и с т е р с к и й п р о е к т о с н о в н ы х з а к о н о в, к о т о р о г о н е в е р о я т н о с т ь я р а з б и р а л в «Колоколе». От создания мира не было ни одного закона, равного этому по отсутствию мысли государственной. И он-то утвержден! Это — конец империи. Это полное у н и ч т о ж е н и е с т а р о г о с т р о я, б е з к а к о г о б ы т о н и б ы л о н о в о г о: неизбежная гражданская война для создания нового строя.

Вечер. Случайно столкнулся на улице с Никольским. «Откуда вы взялись?» Оказывается, приехал на съезд дворянского кружка. Начал его расспрашивать о Петербурге. Он уверяет, что мы находимся накануне страшных событий, так как революционеры (с «кадетами») решили н е м е д л е н н о начать борьбу против царя — в думе и по всей стране, в союзе с террористами; что будут повсюду террористические покушения, восстания, а дума превратит себя в правительство, с низвержением царского... Он думает, что это вызовет открытую борьбу со стороны защитников существующего строя и что Россия на много лет погрузится в кровавую междуусобицу... Что тут верного? Конечно, он не называет источников своих сведений, но говорит с полной уверенностью. Конец апреля и начало мая будет, по его убеждению, ужасно. Покушение на Дубасова и Желтоновского (Екатеринослав) — это начало общей системы террора.

А в думе революционеры хотят сразу выдвинуть требования резкие и оскорбительные — вроде уменьшения содержания императорской фамилии и т. п.

Ну, кто доживет — увидит.

Завтра 150-летний юбилей «Московских ведомостей». Готовится торжество. Не будет ли и демонстраций враждебных? Это очень вероятно, если только рассказы Никольского обоснованы. Кстати, сам он думает присутствовать на юбилее.

26 апреля.

Отправил благодарственное письмо бывшему министру внутренних дел Дурново за его доклад императору о восстановлении моих нарушенных прав.

28 апреля.

Ну, вот открытие Государственной думы совершилось; совершенно спокойно. Страхи были ошибочны. «Кадеты» умнее, чем хотелось бы консерваторам.

Сегодня (по совету Ширинского) отправил прошение министру юстиции о сообщении сенату высочайшего повеления 13 апреля, для принятия мер к зачислению меня в избирательные списки.

Рабочие в Петербурге и в Москве игнорировали думу. Хотя их хотели уволить от работы в этот день, рабочие не приняли праздника, сами, без фабричных гудков, повсюду явились на работу и говорили: «Это не наша дума, мы не имеем в ней представителей». Но зато, повидимому, они намереваются задать праздничного трезвона 1 мая. Наборщики уже получают приглашение не работать, а Кушнеревская типография, говорят, намеревается произвести демонстративные процессии.

Да, забыл отметить. Тронная речь императора довольно бледна и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в Петербурге, но никакой силы и влияния не имеют.

В штабе адм. Е. И. Алексеева.

(Из дневника Е. А. Плисова.)

Царская политика на Дальнем Востоке в начале XX века представляет собой определенный этап англо-русской борьбы, развернувшейся первоначально на берегах Средиземного и Черного морей. Всем хорошо известные факты из эпопеи русской активной политики на Дальнем Востоке — создание Владивостокского порта, как опорной базы на Тихом океане, организация подъезного пути к нему посредством проведения Сибирской железной дороги, исправление амурской дуги в манчжурскую хорду, экспансия в сторону Кореи, военная оккупация Манчжурии, замена прежней замерзающей морской базы новой, незамерзающей, — все перечисленные факты дают уже достаточно конкретный материал для объяснения того, как англо-русский конфликт принял формы конфликта России с Японией, за которой стоял англо-американский капитал.

Относящиеся к рассматриваемому времени изменения в международной конъюнктуре можно считать в основных чертах выясненными: поворот Англии от политики изоляции к решительному сближению с Францией, нарастание англо-германских антагонизмов, наконец, создающееся для России положение на Дальнем Востоке, которое можно определить, как положение между английским молотом и германской наковальней, одинаково заинтересованных в ослаблении русской военной мощи. И однако здесь остается еще не мало вопросов, ждущих дальнейшего выяснения.

Укажем хотя бы на то, что политика американского капитала, предлагавшего еще в 1896 г. России свое участие в манчжурском железнодорожном строительстве [1]), не получила до сих пор в литературе подробной обрисовки, и последняя ограничивается часто ссылкой на заявление Рузвельта о готовности Америки выступить в защиту Японии или на факт заключенного Японией займа в Америке. Укажем на то, как мало до сих пор обследован факт приезда маркиза Ито в Петербург, факт, совпадающий по времени с заключением англо-японского союза и получивший далеко неправильное освещение в «Воспоминаниях» Витте [2]).

---

[1]) См. «Красный архив», т. 28, стр. 183.

[2]) С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. I, изд. 1923 г., стр. 183—185.

Хотя политика Вильгельма, стремившегося увлечь Николая II к берегам Тихого океана, получила яркое документальное освещение [1]), об получавшейся воинствующей безобразовской кликой поддержке из Берлина приходится строить только догадки [2]).

Внутренними движущими силами русской дальневосточной политики являлись переплетавшиеся между собой интересы торгового капитала, с одной стороны,— и промышленного, с другой, если последний в поисках питательных соков для развития тяжелой индустрии стремится к усилению железнодорожного строительства и военных заказов, первый ищет прежде всего рынка для сбыта товаров и путем территориальных захватов стремится к созданию резервного земельного фонда для растущего населения деревни и перестраховке тем самым помещичьего землевладения; в этой связи приобретает особое значение документально доказанный факт личной заинтересованности царской семьи в частных концессионных предприятиях на Дальнем Востоке; знаменитое изречение Плеве о необходимости «маленькой победоносной войны» [3]), чтобы удержать революцию, свидетельствует об особой заинтересованности дворянско-феодальной монархии в войне, как средстве для укрепления своего господства, заколебавшегося в условиях обострения классовых противоречий.

Имеющийся в этой области в печати мемуарный и документальный материал [4]) приходится признать однако также совершенно недостаточным для разрешения целого ряда попутно встающих проблем. Известно, что рост рабочего и крестьянского движения в период 1901—1904 гг. приводит к расколу буржуазно-феодального и правительственного блока: возникающая в правительственной верхушке борьба получает свое отражение и в вопросе русской дальневосточной политики. Позиция Витте, как руководителя дальневосточной политики, явственно вырисовывается, как позиция представителя промышленной буржуазии, политический курс которой в дальневосточном вопросе, в условиях империалистических антагонизмов, объективно должен был стать курсом на войну, но с господствовавшим в ту пору курсом безобразовской группы имел слишком много точек расхождения. Это явствует не только из апологетических «Воспоминаний» Витте. В своем частном письме к Куропаткину от 19/VIII 1904 г. Витте говорит о «несчастной» войне, ибо не видит «в ее результате, как бы война для нас ни была победоносна, никаких благ для России. Без преувеличения можно сказать, что, пожалуй, победоносная война даст еще худшие результаты, нежели средний успех». Глава «тройственного министерского союза» (Витте — Куропаткин — Ламздорф), он выступает здесь антиподом Плеве, которого он считает «душою банды квантунцев».

---

[1]) «Переписка Вильгельма II с Николаем II», Центрархив, 1923 г.

[2]) Б. Романов, «Россия в Манчжурии», 1928 г., стр. 18—19.

[3]) Витте, op. cit., стр. 239.

[4]) См. «Письма Витте к Куропаткину» — «Красный архив», т. 19; «Письма Витте к Сипягину» — там же, т. 18; «Безобразовский кружок летом 1904 г.» — там же, т. 17; «Русско-японская война» (из дневника Куропаткина), изд. Центрархива, 1925 г.

Еще в известной записке Вонлярлярского 1898 г. с достаточной выпуклостью определялись основные цели, преследовавшиеся безобразовской группировкой: 1) захват рынков для торгового капитала и 2) организация колонизационного фонда. Тот министерский триумвират, который был в значительной мере проводником политики крупной промышленной буржуазии, являлся для безобразовцев «паршивым триумвиратом патентованных подлецов». Развернуть свои дальневосточные достижения во всероссийском масштабе, побороть «ноздрю» [1]), как вдохновителя и организатора «интриги», направленной лично против «хозяина» [2]), упрочить «хозяйскую власть» по рецепту Плеве, ограничить доступ в университеты, содержать в стране армию, достаточно сильную для того, чтобы подавить могущую вспыхнуть революцию, — таковы элементы политической программы безобразовцев, поскольку они нашли свое отражение на страницах их писем [3]).

И однако содержание всех тех бесед, которые в течение долгих часов вел Безобразов с Николаем II, остались до сих пор невыясненными.

Участие Плеве в безобразовских предприятиях теперь несомненно: «Очень боюсь, что лопнет все дело» — писал Абаза своей жене по поводу убийства Плеве. И однако роль в дальневосточных делах Плеве, как руководителя могущественного ведомства, заслуживает более подробного освещения. Равным образом, до сих пор не получили достаточного документального освещения германофильские тенденции безобразовской группы.

Расстановка социальных сил в борьбе, завязавшейся в правительственных верхах в связи с дальневосточной политикой, на основании всех имеющихся материалов намечается с достаточной явственностью, но в определении роли их составных элементов, их взаимодействия, конкретизации их политических планов и политической практики до сих пор существует слишком много пробелов.

Особенно крупный пробел ощущается в нашей литературе в вопросе о выяснении роли наместничества на Дальнем Востоке. Первая победа безобразовской группы обозначилась, как известно, осенью 1902 г. в отстранении Витте от ведания делом торгового мореплавания и в образовании особого для того главного управления во главе с личными врагами Витте — в. кн. Александром Михайловичем и адм. Абазою (двоюродным братом Безобразова).

Принципиальное решение по вопросу об учреждении наместничества на Дальнем Востоке (о чем Витте и Ламздорф узнали из газет) явилось крупнейшей победой безобразовского кружка; оно относится к маю 1903 г., к тому моменту (заседание Особого совещания от 7 мая), когда Николай II принял решение об отказе от постановлений совещания 27/III 1903 г. и от политики «уступок», когда «полупомешанный», по выражению Витте, Безобразов впервые появился на заседании Особого совещания в звании статс-секретаря, когда он впервые собственноручно вел журнал заседания, словом, когда безобразовщина хлынула в административный аппарат. «Со дня утверждения

[1]) Конспиративная кличка, данная безобразовцами Витте.

[2]) Условное обозначение Николая II, употреблявшееся безобразовцами.

[3]) См. «Красн. арх.», т. 17.

наместничества», — отмечает Витте в своих «Воспоминаниях» [1]), — «я уже считал дело Дальнего Востока проигранным и был уверен, что все это поведет к войне, а потому поставил на этом деле крест».

Наместник подчинялся непосредственно императору, министры устранялись от управления окраиной, все дипломатические сношения шли также через наместника, который получал указания непосредственно от царя. Несомненно, что наместничество имело своим назначением служить прямою агентурою безобразовской группы на Дальнем Востоке и в условиях назревающего конфликта должно было играть первостепенную роль.

Действительная функциональная роль наместничества получает свое освещение почти исключительно в мемуарных данных его принципиальных противников — Витте и Куропаткина. Документация, изданная в 1904 г. Особой канцелярией по делам Дальнего Востока, носит чисто официальный характер, и ее значение не выходит за пределы значения цветных книг. Переписка самих безобразовцев дает по данному вопросу весьма незначительный материал.

Остановимся на нескольких моментах из истории наместничества, поскольку это возможно сделать на основании опубликованных материалов. Персональный выбор пал, как известно, на главного начальника Квантунской области. И недаром: он заслужил доверие той поддержкой, какую оказывал корейским предприятиям, и той «двуличной ролью», по выражению Куропаткина [2]), которая помешала триумвирату победить безобразовщину; он заслужил доверие своим противодействием выполнению договора 26/III 1902 г. об эвакуации Манчжурии; он заслужил доверие, когда, в связи с приездом Безобразова на Дальний Восток, приостановил очищение Манчжурии от войск, вновь занял Мукден и выдвинул войска на Ялу. Автор «Воспоминаний» дает крайне резкую характеристику представителю царского самодержавия на Дальнем Востоке: «мелкий и нечестный торгаш, а не государственный дипломат» [3]), с карьерою чисто анекдотического происхождения. Обращает на себя внимание тот факт, что безобразовцы, не без основания считая Алексеева своим, не полагались на него вполне. В своем письме к жене от 21/VI 1904 г. [4]) Абаза, сообщая о необходимости информировать Алексеева о делах путем посылки частного письма, отмечает, что письмо это должно быть составлено так, чтобы «не могло служить документом против меня в случае, если бы он хотел меня подвести. К сожалению, он не такой человек, которому можно довериться вполне. Всегда будет соблюдать свою собственную выгоду». Когда в октябре 1903 г. от безобразовской группы к Алексееву приехал ген. Вогак, Алексеев неоднократно жалуется, что ему «очень тяжело», что он «теряет силы». Очевидно, жалобы эти основывались на том, что Алексеев, зная расшатанность финансовых дел «Лесопромышленного товарищества», учитывал зыбкость почвы, на которой стоял безобразовский кружок, и вместе с тем не мог себе уяснить точно, чего на самом деле хочет в данную минуту Николай II [5]).

---

[1]) Витте, op. cit., стр. 196.
[2]) См. «Русско-японская война», стр. 6—7.
[3]) См. С. Витте, op. cit., стр. 229, 239—240.
[4]) См. «Красный архив», т. 17, стр. 78.
[5]) Б. Романов, op. cit., стр. 454—458.

Известно, что в ноябре у наместника гостит Балашов, составляющий «смелый», но запоздалый проект об открытом присоединении Манчжурии и Монголии, об уничтожении китайской администрации в Манчжурии, о передаче «Лесопромышленному товариществу» лесной монополии на Ялу и соляного откупа в Манчжурии.

К сожалению, никаких указаний на отношение наместника к этому, разработанному у него во дворце, проекту мы нигде не имеем. Недостаточно освещенными остаются обстоятельства, при которых последовало назначение Алексеева сперва на должность наместника, а затем накануне войны на должность главнокомандующего. Витте по этому поводу замечает: «Он мог быть таким же главнокомандующим, как и я, никогда воином не бывал, дел с сухопутными войсками не имел и сделал свою морскую карьеру более своею дипломатичностью, нежели морскою службою». Он «не может ездить верхом» и даже «боится лошади», — добавлял при этом Витте [1]).

Немудрено, что в последующие военные месяцы работа такого представителя царского самодержавия на Дальнем Востоке должна была дать определенный политический эффект. «Наместник, — писал Витте Куропаткину 19/IV 1904 г. [2]), — хотя в общественном мнении заслужил только презрение, тем не менее поддерживается, как флаг той системы или тех идей, которые привели к этой, по меньшей мере, неуместной войне. Очевидно, что этот флаг будет долго поддерживаем, ибо государю флаг спустить, если не невозможно, то трудно». «О наместнике или не говорят или относятся с презрением»,— писал Витте Куропаткину в июле того же года [3]). В письмах его иначе не называют, как «порт-артурский», «главнотелеграфирующий», «вредный подонок», «карьерист».

А так как войну приходилось вести всерьез и ограничиться фикцией главнокомандования было невозможно, была создана дополнительная должность командующего армиями, на которую, как известно, был назначен ген. Куропаткин. Организация такого двуначалия, неслыханного в области военного дела, представляла собою продолжение той двойственности, какая наблюдалась в делах дальневосточной политики и в довоенное время. И, поскольку до последнего времени романовско-безобразовская дипломатия главенствовала над дипломатией официальной, постольку и здесь, в течение всей первой половины войны старый «флаг» продолжает развеваться, и Куропаткина мы видим подчиненным Алексееву.

О взаимоотношениях, существовавших между этими двумя военными лагерями, кое-что мы знаем уже и от Витте и от Куропаткина. Мы знаем, в частности, о том совете, какой Витте давал Куропаткину по вопросу об урегулировании этих взаимоотношений: он советовал ему арестовать главнокомандующего и под арестом отправить его в Петербург.

Но до сих пор мы не слышали никаких голосов из лагеря самого наместника, не знали о его планах, военных и политических, не знали о том, что происходило во время войны в пределах его «сатрапии».

Публикуемые ниже материалы являются именно такого рода голосом, раздающимся из вооруженного лагеря безобразовской группы. Они не дают, разумеется, ответа на

[1]) Витте, op. cit., стр. 239—240.
[2]) «Красный архив», т. 19, стр. 66—81.
[3]) См. там же.

затронутые выше вопросы, но в накопленный запас историографических данных они принесят нечто существенно новое. Связанный служебным происхождением с министерством Ламздорфа, а служебною практикой не только периода войны, но и довоенного периода [1]) с главным представителем безобразовской клики на Дальнем Востоке, автор дневников несет на себе несомненные следы влияния этой последней. Свою роль в предшествующих войне русско-японских дипломатических переговорах он проводит в строго безобразовских тонах, лишь смягчая их навыками старой дипломатической школы. Тот же строго выдержанный стиль в вопросе о японских домогательствах, в оценке положения России на Дальнем Востоке, в вопросах о соотношении международных сил и определении реальных возможностей. Те же заботы о судьбах корейского императора и упорное непонимание смысла американских настояний в манчжурском вопросе.

Любопытно, что русский дипломат боится больше всего именно американцев: возможность устройства последними в Инкоу международного управления страшит его больше, чем захват Инкоу японцами. Роль американцев вообще интересует ставку наместника (об англичанах речи почти нет), и там всерьез обсуждается вопрос об организации борьбы с особенно опасным Рузвельтом во время предстоящих президентских выборов.

Плансон выступает перед нами не только солидаризирующимся с основными линиями алексеевской политики, не только вторящим ему, но и прямо благоговеющим перед ним; некоторые его изречения, несмотря на всю их убогость, он наивно записывает, как «пророчества», идеализируя его, как желанного «настоящего правителя для России».

Дневник получает, таким образом, интерес в двух отношениях: во-первых, как заключающий в себе апологию наместника и во-вторых, как направляющий острие критики против его антагонистов, и, прежде всего, против командующего армиями.

Этот последний вырисовывается неоднократно в чертах сугубо-комических: везущим на фронт образки, плачущим во время речи священника, разрушающим без всякой надобности нужную железнодорожную ветку в панике перед фактом высадки небольших японских отрядов, уклоняющимся от поддержки Порт-Артура из боязни уронить свою репутацию, бессмысленно окружающим себя в Ляояне окопами и ямами в надежде, что японцы сами придут в эти ямы, не организующим своевременного отпора японцам во время их высадки в Бицзыво и после поражения представляющим к наградам негодных генералов.

Отрицательное отношение автора дневника к Куропаткину — несомненно, отношение к последнему самого Алексеева, тяготящегося двоевластием и придерживающегося вполне определенного взгляда: «Куропаткина повесить надо».

---

[1]) В 1903/04 г. Г. А. де-Плансон состоял в должности чиновника по дипломатической части при гл. начальнике Квантунской области. В рассматриваемое время Плансон занимал должность начальника походной канцелярии при наместнике.

В совершенно ином свете, разумеется, хочет обрисовать автор дневников портрет Алексеева, который является центральной фигурой всех записей, и если портрет последнего, как «идеального» правителя дальневосточной окраины, несмотря на все старания автора, получается своеобразным, тем ценнее для нас его показания.

Мы отмечали выше колеблющуюся позицию Алексеева накануне войны. В первые месяцы войны дневник никаких колебаний у него не констатирует: наместник тверд и решителен, как и подобает быть представителю воинствующей клики. 25 января он благодарит бога и поздравляет Плансона с войной: «Дай бог поколотить им [японцам] хорошенько морду! Это — все-таки лучше, чем вести бесконечную канитель».

Он уверен в победе над японцами. Мало того, он не довольствуется этой перспективой и хочет попутно спровоцировать на войну китайцев, чтобы разбить и их. Уверенный в силе своей власти, он «разносит» директора Русско-китайского банка и не хочет принимать его до тех пор, пока тот не придумает средства к поднятию безудержно падающего русского рубля. С внутренними врагами и, прежде всего, с Витте он готов расправиться чисто по-безобразовски — «посадить в тележку и отвезти...»

В вопросе о конечных целях войны он обнаруживает тот же полет духа: не соглашаясь с условиями мира, по которым за Россией была бы признана Манчжурия, а за Японией — южная часть Кореи, он говорит: «Ну, нет, подавайте нам Мозампо, меньше я не хочу, или же Цусиму».

В дальнейшем (когда определяется безнадежность положения на театре военных действий и обнаруживаются «успехи» Куропаткина на «внутреннем» фронте), энергия его начинает заметно падать. Когда читаешь дневник, трудно определить, какой из этих двух факторов играл большую роль в появлении у главнокомандующего депрессивных настроений. Уже в мае он жалуется на невозможность работать в условиях «троевластия» [1]) и посылает в Петербург телеграмму с просьбой об отставке. Разочарование в своих силах, в готовности России к войне наступает еще раньше. Чуть не на другой день после объявления войны от него приходится слышать истерическое признание: «Если бы готовились воевать, то давно усилились бы здесь. А теперь мы ведь едва держимся. Где уж там наступать в Корее! Дай бог удержаться как-нибудь».

Говоря так, Алексеев соглашался со своим собеседником, что воевать приходится по фаталистической формуле: «Никто как бог».

Бросив «смелую» мысль относительно войны с китайцами, наместник через два дня отказывается от нее, признавая, что приступать к осуществлению этой меры преждевременно: «Кто их знает — китайцев. А что если они вдруг перейдут в наступление? Мы не готовы». «Мы не готовы» — становится в дальнейшем лейт-мотивом его речей. Недовольный медлительностью и нерешительностью Куропаткина, настаивая на более решительных действиях, он однако все более проникается полным неверием в свои силы и готовностью предать сожжению то, чему он раньше служил и поклонялся. «Как мы не подготовлены к войне!—говорит он Плансону 6 сентября,—как японцы нас опередили...,

[1]) Алексеев — Куропаткин — Скрыдлов.

как заблуждались Безобразов и Балашов, когда уверяли, что можно показать японцам кулак и этим удержать от войны!» Признав авантюрный характер русской дальневосточной политики, Алексеев предается мрачному самобичеванию («Все у нас плохо! мы—говняки»), и спешит со своим окончательным политическим самоупразднением. Оставляя пост «опереточного» главнокомандования, в середине октября он едет в Петербург. Авантюра заканчивается. Наступает затяжной период ее ликвидации.

Обращает на себя внимание запоздалая телеграмма из Петербурга, приходящая 10 октября, т. е. к моменту спуска занавеса. В ней речь шла о необходимости присоединения Манчжурии, как гарантии получения контрибуции с Японии, о целесообразности нарушения китайского нейтралитета и о желательности немедленного смещения китайской администрации в Манчжурии. Телеграмма эта принадлежала перу «меднолобого» Абазы и в данных условиях звучала просто насмешкой.

Вырисовывая характерную для эпохи борьбу в правящих кругах царской России, борьбу, со всею своею остротой перенесшуюся в действующую армию, вырисовывая крушение политической карьеры официального проводника активной русской политики на Дальнем Востоке, совершающееся на фоне систематических прорывов на фронте и административного развала в тылу, дневник Плансона дает яркий кусок истории русско-японской войны, наглядно обнаруживая авантюрный «в квадрате» характер царской политики на Дальнем Востоке, ее стремительно-катастрофическое банкротство и показывая картину загнивания всего бюрократического аппарата дворянско-феодальной монархии.

Дневник Плансона воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Центр. Исторического Архива. Дневник представляет собой две «общих тетради» в клеенчатых обложках, содержащие записи за период 1904—1905 гг., в которых зафиксированы пребывание автора на Дальнем Востоке в качестве начальника дипломатической канцелярии наместника и затем участие его в мирной делегации в Портсмуте по заключению мира с Японией.

А. Попов.

1904 ГОД.

1 января. Порт-Артур.

Встреча нового года в гарнизонном собрании, куда в ³/₄ 12-го приехал наместник. В 10 часов парад в 9-м полку. Адмирал [1]) читает телеграмму государя перед войсками: «От души благодарю войска, моряков, гражданских чинов и население областей Дальнего Востока за поздравления и выраженные чувства. Да благословит господь Россию миром и благоденствием в наступающем году!»

Потом в городе многие меня спрашивали: правда ли, что наместник прочел телеграмму с объявлением о мире? Пришлось разъяс-

---

[1]) Алексеев, Евг. Ив., ген.-ад., адмирал, наместник на Дальнем Востоке.

нять, что это было пожелание государя, но что решение вопроса: война или мир — зависит от того, как повернутся события и переговоры с Японией.

2 января.

Наконец, получен ответ Японии. Наше последнее сообщение было, очевидно, понято вроде насмешки, потому что в нем не заключалось просимых уступок, а напротив условия были несколько более тяжелые.

Теперь японцы мстят: предъявляют требования, которых, очевидно, нельзя принять, так как они гораздо хуже прежних.

Японцы требуют:

1) Исключения первой части ст. 5 русских контр-предложений, т. е. слов: не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегических целей (т. е. Япония желает укреплять стратегические позиции в Корее).

2) Исключения всей статьи 6-й касательно нейтральной зоны (следовательно, она хочет вводить войска повсюду до самого севера и до границ Манчжурии).

3) Русское предложение касательно Манчжурии м о ж е т б ы т ь п р и н я т о (!) со следующими изменениями: а) признание Японией Манчжурии и ее побережья находящимися вне сферы ее интересов и обязательства со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Манчжурии (т. е. отдай им Корею да еще не смей трогать Манчжурию); б) Россия в пределах Манчжурии не будет препятствовать Японии, а равно и другим державам, пользоваться правами и привилегиями, приобретенными ими по существующим трактатам с Китаем (в том числе правом устройства сетльментов); в) признание Россией Кореи с ее побережьем, находящимся вне ее сферы интересов.

4) Прибавление дополнительной статьи следующего содержания: признание Японией специальных интересов России в Манчжурии и права России принимать меры для защиты этих интересов.

Японское правительство не считает нужным повторять объяснения оснований этих поправок. Надеется, что русское правительство согласится на новое обсуждение (reconsideration). Оговорка о недопущении сетльментов пропущена, потому что она противоречит постановлениям нового торгового договора между Японией и Китаем.

«Заявление в русском ответе, что Япония уже согласилась ранее на первоначальную редакцию ст. 5 русских предложений (о неукреплении стратегических пунктов в Корее), ошибочно, так как подобного согласия японское правительство никогда не высказывало». (Это

неправда. В проекте маркиза Ито прямо сказано: «Ст. 2 — взаимное обязательство не пользоваться никакою частью корейской территории для стратегических друг против друга целей»).

Далее японцы надеются, что японские поправки, которые сделаны «в примирительном духе» (?), будут приняты в том же духе русским правительством, и надеются на скорый ответ имп. правительства, так как «дальнейшая отсрочка в разрешении вопроса будет крайне невыгодна для некоторых государств».

(Какая-то неясная, нахальная угроза).

В другой телеграмме от 1 января бар. Розен передает текст телеграммы, отправленной французским посланником в Париж:

«Японское правительство ответило вчера на последние русские предложения. Оно настаивает на своих прежних требованиях и объявляет, что этот ответ должен быть окончательным, не принимая, следовательно, ни оговорок касательно сетльментов в Манчжурии, ни нейтральной зоны до 39 параллели в Корее и настаивая на своей претензии, чтобы Россия объявила, что Манчжурия составляет интегральную часть Китая. Эти сведения мне дал сэр Клод Макдональд, который получил их от барона Комура и передал своему правительству. Он извещен по телеграфу, что лорд Лансдоун, получив русский циркуляр, ответил, что необходимо, чтобы Россия сделала «что-нибудь» и чтобы она оставила взимание пошлин в Ючжуане.

Мой английский коллега считает положение более серьезным, чем когда-нибудь; он полагает, что война неизбежна, если Россия не сделает решительного шага назад». (Это говорит французский посланник Арман).

(Розен:) «С своей стороны считаю долгом присовокупить, что высказанное английским посланником предположение, очевидно, соответствует впечатлению, которое японское правительство желает распространить в видах давления на решение России. Это подтверждается и тоном переданного мне вчера Японией заявления. Необходимо однако иметь в виду, что на приготовления к войне Япония издержала столько, что следует ожидать в ближайшем будущем каких-нибудь решительных действий Японии в Корее».

Одновременно получено от Павлова известие, что флигель-адъютант корейского императора Хиен-сан-чен вручил императору письмо государя; корейский император успокоен милостивыми словами и, уверенный теперь, что независимость Кореи при помощи России обеспечена, очень ободрился и решил сделать державам по телеграфу формальное заявление, что в случае войны между Россией и Японией Корея будет соблюдать строжайший нейтралитет.

2 января утром адмирал меня требует.

«Давно мы не беседовали с вами о делах. Ну, что вы скажете обо всем этом?»

Я высказал, что японские предложения становятся все более и более назойливыми и бесцеремонными. «Этот обмен проектов и контрпроектов недостоин России. Надо встряхнуть весь вопрос в совокупности и тогда решить, что дальше делать и как ответить японцам. Для всего этого вам прежде всего надо ехать в Петербург, теперь момент удобный, японцы, очевидно, подождут ответа. Они ждут пять месяцев. Надо доложить государю лично о положении дел. Вы пропустили предыдущие два момента, когда можно было ехать. Теперь опять настал благоприятный момент, надо им пользоваться и прямо доложить государю: признавая настоящий момент удобным для отъезда, так как японцы до получения ответа ничего не предпримут, и считая положение серьезным и требующим всестороннего обсуждения при моем участии, прошу всемилостивейшего разрешения прибыть».

Адмирал сначала возражал и сердился: «Опять вы в Петербург хотите! А здесь, вы думаете, мне нечего делать? Как я могу отлучиться? Надо делать распоряжения по мобилизации здесь и в Приамурском крае».

— «Ваше высокопревосходительство, разве вы не можете делать распоряжения из Петербурга? Телеграмма отсюда в Хабаровск идет столько же времени, сколько из Петербурга. Напротив, теперь важно, чтобы решения принимались не без вашего участия. А ведь надо сознаться, что решения принимаются не здесь, а в Петербурге. Там и надо вам быть. Мне лично все равно. Оставьте меня здесь или возьмите с собою, как угодно, но для вас безусловно необходимо во всех отношениях ехать. Теперь или никогда. Если пропустить настоящий момент, то потом уже будет поздно. Из Петербурга пришлют или слабый ответ, полную уступку по всем пунктам, — чего нельзя допустить, — или ответ достойный — и тогда может начаться война. Предупредить это можно только, если вы лично объясните положение и достигнете прекращения переговоров».

После долгих объяснений адмирал согласился послать государю телеграмму о необходимости пересмотра и одновременно адм. Абазе — о необходимости для обсуждения прибыть в Петербург.

Поручил мне составить проекты подобных телеграмм.

Я радостно вышел из кабинета.

3 января.

Вчера во время жаркого спора адмирал, между прочим, говорил, что «вы — дипломат. Все ваши писания ничего не стоят. Я бы просто

объявил японцам войну за их нахальство. Их необходимо проучить. Все равно войны мы не избежим» (и много еще в этом духе. Напр.: «Надо бы вызвать тень императора Александра III, он показал бы им!»)

Государю отправлена следующая телеграмма:

«Переданные в телеграмме бар. Розена от 31 декабря ответные предложения Японии по существу своему и по тону японского сообщения еще более притязательны и самоуверены, чем прежние. Продолжение переговоров в этом направлении, повидимому, не только не может привести к примирению обоюдных интересов и, следовательно, к достижению той цели, ради которой они были начаты, но, напротив, ведет в постепенному обострению отношений и к более вероятному разрыву. Ввиду сего и сознавая настоятельность изыскать меры к устранению подобной случайности, осмеливаюсь вновь повергнуть на всемилостивейшее благовоззрение в. и. в. мнение, что, прежде принятия какого-либо решения касательно ответа Японии, казалось бы необходимым всесторонне обсудить корейский вопрос в связи с общим политическим положением на Дальнем Востоке. Г.-ад. А л е к с е е в».

Адмирал ни за что опять не хотел прибавить, что момент теперь подходящий, японцы дождутся ответа, «прошу разрешения ехать в Петербург для личного доклада».

Он согласился высказать это в телеграмме на имя к.-адм. Абазы, ввиду чего я представил такой проект:

«Ввиду того, что японское правительство само просит нас вновь обсудить вопрос о соглашении и, следовательно, будет ждать нашего ответа, признаю настоящее время наиболее удобным для прибытия в Петербург, дабы принять участие в обсуждении ответа, который при настоящих политических обстоятельствах может иметь решающее значение на весь дальнейший ход здешних событий».

Адмирал взял этот проект к себе с тем, чтобы дать зашифровать «безобразовским» шифром, но вечером еще телеграмма не была отправлена. Возможно, что адмирал раздумает. Жаль будет!

4 января.

Поздно вечером я узнал, что телеграмма Абазе отправлена, но— увы! адмирал совершенно переделал ее. Начинается с того, что «ввиду серьезности положения я телеграфировал государю о необходимости обсуждения. Считал бы приезд свой в Петербург для принятия участия в совещаниях полезным, но он возможен только в том случае, если будет признано возможным отложить сообщение ответа Японии на несколько недель».

Трудно ожидать, чтобы после этой телеграммы вызвали. Там нет решимости, в Петербурге адмирал должен бы взять на себя ответственность, сказать, что «я признаю то или другое», а не «если вы признаете».

5 января.

Принимал корреспондентов — Ferd. Mc. Cormik (Reuter's telegram Company) и Norris Newman — корр. «Daily Mail».

6 января.

Крещение. Парад. Адмирал нездоров, горло болит.

7 января.

Из Петербурга все нет ответа.

Пришла «Hansa» из Кореи. Привезла, между прочим, пакет для Чифу, заключающий телеграммы державам от корейского императора о соблюдении нейтралитета в случае столкновения России с Японией.

Корейский император, получив милостивое письмо государя императора, привезенное ему корейским офицером Хиен-сан-ченом, набрался храбрости и решил оповестить все державы, что в случае столкновения он будет соблюдать нейтралитет.

Чтобы японцы не узнали о таком смелом шаге, император передал телеграммы к державам через французского поверенного в делах Fontenay — Павлову, который прислал их мне с просьбой переслать консулу в Чифу Тидеману для вручения французскому консулу Герену, состоящему также корейским консулом.

Таким образом, телеграммы императора корейского о нейтралитете были отправлены всем представителям держав без ведома Японии. Японский посланник потом допытывался у Павлова, неизвестно ли ему, каким образом посланы телеграммы, и не причастна ли к делу французская миссия? Павлов ответил полным незнанием.

Инцидент с корреспондентами. Один из них, Нюман (якобы из «Daily Mail»), уверял меня в дружбе его к России, восхвалял образ действий России в Манчжурии, порицал действия Японии и претензию американского правительства внедриться в Манчжурию. Я, конечно, не отрицал, потому что японцы и американцы, заключив с Китаем договор о консулах в Манчжурии в то время, как она занята Россией и даже не сообщив об этом России, поступили, конечно, по-свински. Но я сказал только корреспонденту, что нам его дружба не нужна, а желательна лишь правда.

Он послал телеграмму в Вашингтон, что Плансон заявил, что факт заключения договора есть неприязненный шаг и что Россия не допустит консулов в Манчжурию. Телеграмма эта встревожила Хея, который запросил гр. Кассини; этот в свою очередь запросил гр. Ламздорфа, который телеграфирует адмиралу 9 января: «Северо-американское правительство сбратило внимание российского посла в Вашингтоне...»

23 января.

С утра — спешка: получено 4 шифрованных телеграммы от гр. Ламздорфа с надписью «Весьма экстренно»; усердно разбираем. Это ответ России на японские последние предложения. Они передаются наместнику для передачи бар. Розену (передаточная инстанция). Предлагается, положим, если он «по местным условиям» находит нужным сделать изменения, сообщить об этом возможно скорее. Адмирал с негодованием отверг мое предложение сказать свое мнение. «Мое мнение я высказал. Больше повторять не стану. Они все равно делают по-своему, перекраивают проект соглашения, как тришкин кафтан. Что ж я буду, как паяц, кланяться на одну сторону и на другую? Я высказал государю еще третьего дня мое мнение в длинной телеграмме по военной части о том, что нам необходимо готовиться к войне, хотя бы для того, чтобы этим путем образумить японцев и тем устранить войну».

Все телеграммы передаются Розену с указанием необходимости сохранения статьи о нейтральной зоне, которую министерство ин. дел готово в крайности выпустить.

В общем, все это, видимо, производит на адмирала тяжелое впечатление. Он мрачен, говорит мне опять, что после этого не останется больше. «Надо вас выдвинуть, а я уйду. Вы можете быть посланником в Корее». — Я возражаю, что нельзя теперь уходить, дела много. Теперь, когда нет твердости, нужны именно люди энергичные, чтобы поддерживать.

Адмирал говорит: «Я свое дело сделал, писал государю и министру, я исполнил свой долг перед совестью, перед государем и перед историей, а затем пусть другие работают».

(Приехал кореец Куок-куан-хы с поручением от императора к наместнику.)

25 января.

Началось! Вот как начинается война!

23 января, т. е. два дня тому назад, послано бар. Розену три телеграммы, передающие ответ русского правительства. В нем заключалась еще одна уступка, а именно согласие выпустить ст. 6-ю о ней-

тральной зоне, хотя и было сказано, что Розен должен прежде попытаться всеми средствами склонить японское правительство к принятию условия о нейтральной зоне, хотя бы в виде отдельной секретной статьи.

Но бар. Розен, очевидно, еще не успел передать русский ответ.

Сегодня рано утром получено две телеграммы от гр. Ламздорфа. Одна шифрованная, другая открытая, что японский посланник в Петербурге отозван и что государь император повелел Розену со всем составом миссии выехать в Порт-Артур. Прибавлено, что такой образ действий Японии, не дождавшейся даже ответа, возлагает на нее всемогущие произойти последствия.

Адмирал сейчас позвал меня. «Ну, поздравляю вас с войной. Вот результат вашей дипломатии, замазывания. Ну, слава богу (он перекрестился)! Дай бог поколотить им хорошенько морду. Это все-таки лучше, чем вести бесконечную канитель». Пригласил меня завтракать. Был Флуг и Моллас. Спрашивал меня, есть ли у меня шашка, высокие сапоги; был в хорошем расположении духа. До завтрака принимал корейца Куок-куан-хы, который привез письмо министра двора и просил совета, как поступать Корее, чтобы соблюдать нейтралитет. Адмирал ответил: «Мы будем соблюдать нейтралитет Кореи, но японцы не будут, и положение корейского императора будет очень трудное. Но, во всяком случае, он не должен ничего предпринимать, не посоветовавшись с Павловым». Адмирал советовал Куоку устроиться с ведома Павлова, потому что он все-равно узнает, и тогда будет неприятность.

Я потом советовал Куоку уехать, устроиться, просить у Павлова рекомендательных писем и тогда явиться в Артур и жить здесь, причем переписываться со своим правительством может и помимо Павлова.

Он собирается ехать. Я ему выхлопотал разрешение ехать на «Забияке», которая отходит после-завтра, 27 января, чтобы отвезти военного агента в Корее Нечволодова.

Все японцы Порт-Артура собираются ехать отсюда.

Тидеман телеграфирует, что сегодня выезжает в Артур японский консул Мидрумо, чтобы забрать здесь всех японцев.

26 января.

Памятный день! — Начало войны.

В 10 ч. утра ко мне явился в мундире японский консул Мидрумо, в мундире с орденами, в сопровождении секретаря во фраке и цилиндре — Симидзу. Консул говорил по-английски, секретарь по-русски. Приехал оказать покровительство, взять на свой пароход желающих. Остальным просит оказать содействие. Я уверяю, что им бояться

нечего, что наместник уже обещал свое покровительство, и японцы могут быть совершенно спокойны. Мидрумо рассказывал мне, что едет в Дальний, что там есть старшина японцев (foreman и vice foreman), что он вернется сегодня вечером или завтра утром, чтобы отплыть обратно в Чифу и Шанхай. — От меня зашел к наместнику, не был принят, но и не настаивал, сказав, что хотел только засвидетельствовать почтение.

У нас эскарда вся вышла на рейд. Более двадцати вымпелов, не считая миноносцев. После спуска флага никого не отпускают на берег.

Адм. Старк встретился в сумерки. Идет домой обедать (жена именинница), говорит мне, что «контрабандой». Спрашивает: «Ну что, господа дипломаты, как дела?» Я отвечаю: «Наше дело кончено, теперь начинается ваша роль».

Вечером ложусь спать, около половины 12-го заснул ненадолго. Слышу выстрелы. Но здесь это так часто, что привыкаешь (по ночам работают над доком, взрывают скалы или бывают учения), решаю спать. Не спится. Выстрелы громче, чаще, резкий металлический звук. Ну, значит, дело серьезное. Одеваюсь, иду на пристань вместе с Вульфом и Мулюкиным, которые зашли ко мне. Встречается Ник. Ник. Савинский, который едет на извозчике из порта. «Что такое?» Савинский отвечает: «Атака японцев, у нас три броненосца взорвано: «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада»!» Мы все в ужасе бежим в порт. Пальба продолжается. Там собирается публика. Катера ходят от Адмиральской пристани к эскадре и обратно. На эскадру ездил адм. Витгефт, возвращается, едет докладывать наместнику, другие офицеры еще раньше ездили. Из их кратких ответов выясняется, что у «Цесаревича» сломан винт. «У Ретвизана» и «Паллады» несколько более серьезные повреждения. Первые два приткнулись к мели в самом входе на внутренний рейд. Никто пройти не может, и «Ретвизан» не может войти.

Японское нападение было полным сюрпризом для всех. Вообще никто не ожидал такого нахальства: посланники еще не выехали — японский из Петербурга, наш из Токио. Кроме того, в этот вечер, действительно, было учение — отражение нападающих миноносцев. Должно быть, японцы знали это, потому что, как только учение было кончено и эскадра успокоилась и предалась отдыху, вдруг летят мины. Первая ударила в «Ретвизан». Там не поняли, откуда сие. Произошла паника — первую минуту, конечно. Потом сообразили и воспрянули духом. Сторожевым миноносцем командовал Цимерман. Он видел 4 японских миноносца, но принял их за своих, думал, что продолжается учение. Пользуясь этим недоразумением, японцы успели пустить

около 12 мин, из коих некоторые не разорвались, одна застряла посреди прохода во внутренний рейд, но потом была выловлена.

Адмирал мне рассказывал на другой день, что он проснулся от выстрелов, спросил вестового: «Что такое?» Тот отвечает: «Это завсегда вечером рвут камни». — «Врешь! поди узнай!» Пошел узнать. В это время Крутский, возвращаясь от Престиных и слыша пальбу, зашел в адъютантскую комнату, чтобы оттуда по телефону спросить штаб: «Что такое?» Ответили: «Учебная стрельба, отражение миноносцев». И только позже обнаружилась истина, когда краса и гордость нашей эскадры — «Цесаревич» — получил пробоину.

Пробыв часа два на пристани, я отправился в адъютантскую. Весь дом наместника был освещен. У него сидел Флуг и обсуждал с наместником дальнейшие мероприятия и текст телеграммы на высочайшее имя. Приезжал и уезжал начальник морского штаба Витгефт. Адмирал собирался ехать на эскадру. Экипаж и конвой казачий простояли до утра у ворот, но адмирал не поехал, все время делал распоряжения. Я через адъютанта просил разрешения послать телеграмму в министерство. Ответил, что просит — прежде чем посылать — дать прочесть, для чего явиться в 8 час. утра. Был уже шестой час утра. Мы в канцелярии с моим помощником нашифровали телеграмму, отправили телеграмму Розену с повторением clair'ом высочайшего повеления выехать в Артур, так как он, повидимому, не получил телеграммы от 25-го.

Так прошла ночь. Я лег в половине 7-го поспать полчаса, до семи часов, а в 8 явился к адмиралу.

Памятная ночь!

27 января.

В 8 часов я был в адъютантской. Там все было так, как я оставил два часа тому назад. Никто не ложился спать. Адмирал тоже. Он меня принял довольно сухо. «Ну, дипломат, ваше дело кончено». Одним словом, дал понять, что нечего больше шляться сюда. Я сделал скромный вид. «Слушаю, ваше высокопревосходительство, но я должен послать телеграмму министру и не хотел без вашего ведома». Он прочитал. Но прежде воскликнул: «Зачем так длинно? Я государю послал короче». — «Здесь прибавлено о японском консуле, что мне казалось необходимым, чтобы оттенить неожиданность нападения — несколько часов после того, как мы здесь любезно встречали консула». Адмирал вполне одобрил. Потом одобрил проект телеграммы Розену. Разошелся, разговорился, стал любезен, рассказал мне, как он ночью проснулся от пальбы и т. д. Потом показал мне по секрету телеграмму государя, полученную вчера, 26 января. Государь говорит о миро-

любии: «Если должно произойти столкновение, то пусть инициатива принадлежит японцам» (я читаю громко и при этих словах замечаю: «Как японцы точно выполнили высочайшее повеление!»). Далее говорится, что если японцы высадятся в Корее, то надо не отвечать на это военным действием, и только если они двинутся к северу и перейдут 38 параллель, то его величество разрешает наместнику напасть на японцев.

— «Вот видите, какое заблуждение там существует! По крайней мере, теперь государь убедится, как его обманывают. Я все время говорил: надо прямо посмотреть в глаза возможности войны, а не убаюкивать себя надеждой на мирный исход. И если бы это было твердо поставлено с самого начала, то и войны бы не было. Вот результат. После такого сюрприза японцев государь убедится, надеюсь, что его обманывают. Александр III прямо сказал бы: «Дурак!» и выгнал бы вон. Если бы готовились воевать, то давно усилились бы здесь. А теперь мы ведь едва держимся. Где уж там наступать в Корее! Дай бог удержаться как-нибудь». Я ответил: «Никто как бог». Адмирал повторил: «Да, никто как бог», перекрестился и опять сказал: «По крайней мере, будет какой-нибудь конец неопределенности». Между прочим я спросил: «Как вы себя чувствуете? Вы не ложились спать?» Адмирал ответил: «Нет, не ложился, и не хочется спать. В такие минуты является подъем духа, я отлично себя чувствую».

Адмирал просил поторопиться переводом на китайский язык объявления населению Манчжурии и отпустил меня очень милостиво и доброжелательно.

Тем временем в адъютантской ожидал Флуг. Витгефт приезжал и уезжал. Около 10 час. с Золотой горы дали знать, что показались японские суда, говорили: п я т ь. Идут от бухты Торнтон на S. W., т. е. по направлению от Квантуна в Чифу (значит, они ночью прошли к Торнтону незамеченными). В бухте Торнтон стоят «Силач» и «Всадник». Может быть, японцы с ними покончили и потом идут оттуда.

В 11 часов вдруг раздается грохот — знакомый уже по сегодняшней ночи, но еще ужаснее. Очевидно, загрохотали наши громадные крепостные орудия, от которых окна разлетаются вдребезги на дачных местах. Потом какой-то небывалый свист, вроде звука сирены, но быстрее. Я понял, что нас бомбардируют. Действительно, от времени до времени над головой пролетали с жалобным свистом — вуу!! снаряды и разрывались. Один недалеко от нас, другой — в воздухе и осыпал осколками, третий — в бассейне и, взорвавшись, поднял столб воды. Говорят, много было в бассейн... Один ударил в транспорт «Казань», стоящую на внутреннем рейде. Там начался пожар. Больше всех разрушения причинил снаряд, пролетевший вдоль набережной:

все стекла побиты. Особенно лесопромышленное товарищество, где окна буквально разбиты вдребезги. Снаряд упал в кучу ящиков с товарами, разметал их, вырыл глубокую яму и отскочил в сад к Тифонтаю, где лежит неразорвавшись. Я видел его, — порядочная штука, с аршин длиною.

Когда началась пальба, адмирал поехал на Золотую гору. Я верхом помчался на дачные места, чтобы видеть поближе. К сожалению, представление уже кончалось. Раздавался отдаленный грохот. Местность усыпана осколками бомб («японские сухари»).

Оказалось потом, что 12 японских судов приблизились на выстрел к нашей эскадре и преспокойно открыли огонь. Их встретили с честью и скоро заставили замолчать. Говорят, один броненосец (яп.) потонул, другой поврежден, повели на буксире. У нас пострадал немножко «Новик», который рвался в бой (Эссен), и «Аскольд», у которого мачту сломало, а серьезных повреждений нет.

В 12 час. канонада прекратилась. Остальная часть дня прошла сравнительно спокойно. Раздавались только какие-то отдаленные выстрелы по направлению к Голубиной бухте. Высказывались опасения, что японцы высадятся там, или, подойдя к одному из тех мест, где железная дорога проходит близь моря, станут разрушать ее.

Как только началась бомбардировка, китайцы Артура пустились бежать. Куда — неизвестно, просто, как бараны, инстинктивно, бегут от шума. Магазины все закрыты. Город имеет мрачный вид. Вечером не зажигали ни одного фонаря на улицах, и запрещено было освещать дома, сбращенные окнами к морю.

28 января.

Сегодня только предполагается отъезд Курино из Петербурга. (Может быть, он уехал и раньше ввиду начала военных действий.)

Розен выезжает только в пятницу 30 января на французском пароходе «Yarra» в Шанхай, а оттуда, если можно будет, — в Артур.

Весь день прошел спокойно. Некоторые китайцы вернулись. Эскадра входит на внутренний рейд для отдыха. Все возмущены, что не знали об объявлении войны и не ждали нападения. Если бы знали, что дипломатические сношения прерваны, то изготовились бы, не стояли бы ночью с огнями.

Японцы не показываются. Говорят, чинятся в Чифу. Тидеман ничего не доносит. Посылаю ему телеграмму. Рассылаю всем консулам циркулярные телеграммы о положении дел.

Кабель с Кореей не действует. Он идет на Чифу, Шанхай, Нагасаки, Фузан, Сеул; линии исправны, но телеграммы не доходят. Павлов не отвечает. Между прочим, ему была послана телеграмма выс-

лать «Корейца» и «Варяга». Он не ответил. Теперь из Чифу сообщают, что «Варяг» и «Кореец» взяты японцами.

Говорят, из японской эскадры одно судно потоплено, другое сильно повреждено и, быть может, даже затонуло вследствие лопнувшей машины, видели какой-то столб воды и проч., но это — слухи.

29 января.

Бернер жалуется, что Линевич прекратил прием телеграмм во Владивостоке. Я докладываю, что запрещение основано на ст. 8 телеграфной конвенции. Но необходимо, чтобы министерство ин. дел сообщило державам.

Адмирал получил очень милостивую телеграмму от государя. Государь возмущен вероломством Японии. Адмирал сообщил, что через 8 дней идет в поход; я прикомандирован с двумя секретарями. Разрешает мне самостоятельно распоряжаться, где можно, или докладывать телеграммы вместе с моим мнением.

30 января.

Все тихо. Японцы чинятся. Тем временем масса слухов. Говорят, «Варяг» и «Кореец», стоявшие в Чемульпо, взяты японцами или взорвались после боя.

Приезжает Эттинген, по поручению Гроссе, возбудить вопрос, что будет с Инкоу. Если японцы явятся, что делать? Сдаться или уйти? Пишу по этому поводу доклад, где возбуждаю вопрос, как рассматривать Инкоу: как нейтральный treaty port или как русский порт? Японцы, очевидно, будут смотреть, как на русский порт и объект военных действий. Это вытекает из того, что они отозвали оттуда своего консула.

Адмирал делает недовольный вид. «Что вы с Гроссе труса порете? Какие там японцы, когда Инкоу замерз (т. е. вход в Ляо-хе)?» Я доказываю, что они могут высадиться южнее, где не замерзло, и пройти сухим путем. Адмирал все-таки сейчас делает распоряжение о передвижении в Инкоу 11-го стрелкового полка с артиллерией.

Вечером из Инкоу телеграфируют, что в море видны огоньки. Предполагают, что японская эскадра.

Эттинген доволен, что его поручение исполнено.

31 января.

Еду в казначейство получать деньги. Надо готовиться к отъезду. Адмирал переносит свой штаб в Мукден.

2 февраля.

Американское правительство предложило обеспечить нейтралитет Китая. Министр иностр. дел, передавая американское предложение, спрашивал наместника, в каких пределах предполагается оккупация Манчжурии и театр войны. Отвечает, что кроме занятой части Манчжурии необходимо выставить небольшие части за Ляо-хе. От Гоубанцзы до Ляо-хе по жел. дороге, оттуда к границе Монголии. Вне этих пределов мы признаем нейтральную территорию, на которую не могут входить войска воюющих держав, но это только в том случае, если Китай будет соблюдать нейтралитет и не допустит Японию нарушать его. (В сущности адмирал доволен, если можно сузить предел театра войны, потому что у нас очень мало войск.)

4 февраля.

Формируется полевой штаб и при нем дипломатическая канцелярия. Составляем штаты.

Получено известие, что 600 человек с «Варяга» и «Корейца» спаслось и привезено на французском крейсере «Гадон» в Шанхай. Получена телеграмма от Розена из Шанхая, что план Японии — высадить целую армию на Ляодун и одновременно двигаться по Корее к Ялу и к северу.

Розен и спасенные будут отправлены на нейтральном пароходе в Европу.

8 февраля. Воскресенье.

Уже со вчерашнего вечера поезд наместника готов... Некоторые из едущих забрались с вечера. Еду сегодня рано утром.

Ровно в 9 часов утра поезд тронулся. Адмирала провожали все городские власти. Свита адмирала — около 50 чел.

9 февраля.

В 4 часа приезжаем в Мукден.

Встречают Квецинский, Колоколов и Фуин — вместо самого цзяньцзюня. Фуин Тин-цзе, недавно назначенный, ставленник Юаншикая, высокого роста, с бородой, хитрые плутовские глаза. Цзяньцзунь не выехал к адмиралу. Обойдя войска, адмирал вошел в комнату на станции, где было приготовлено угощение. Здесь его приветствовал Тин-цзе от имени цзяньцзюня. Адмирал высказал надежду, что войскам будет оказано содействие в покупке провианта, фуража и проч. Фуин сказал, что указом богдыхана запрещено продавать что-либо, потому что Китай решил соблюдать нейтралитет. Адмирал

разъяснял, что нейтралитет касается остальных частей Китая, но не Манчжурии, что отказ в содействии в приобретении самого необходимого будет не нейтральным, а враждебным актом. Вслед за тем адмирал поручил мне еще раз разъяснить все сказанное Фуину, что я и сделал в присутствии полк. Квецинского и Колоколова. Колоколов и Квецинский были приглашены к адмиральскому столу в вагоне. После обеда я поехал к Колоколову и вернулся на его лошадях.

11 февраля.

С утра являются Чжан-доатай с переводчиком. Просят разрешить содержание в городах незначительной стражи — всего 200 чел. на уезд, обещают послать телеграмму в Пекин с просьбой разъяснений, как применять в Манчжурии правила о нейтралитете. В 3 часа едем с Флугом с визитом к цзяньцзюню.

12 февраля.

Разнос начальства. Адмирал вообще не в духе. Я написал проект телеграммы относительно Инкоу и уехал к Колоколову поговорить об организации газеты на китайском языке. Как раз в это время меня потребовал адмирал и страшно сердился. Что поделаешь!

В этот день приехал Дмитриев-Мамонов, директор Русско-китайского банка, вызванный адмиралом. Адмирал велел сказать, что не примет его до тех пор, пока он не придумает средства поднять курс русского рубля.

Мы с Флугом едем делать визит цзяньцзюню. Он принимает, наконец, после продолжительной болезни (притворной).

13 февраля.

Цзяньцзюнь все твердит, что не может оказывать содействие войскам в покупке провианта и фуража, так как из Пекина приказано соблюдать нейтралитет. Я разъяснил посланным от цзяньцзюня, что нейтралитет не касается Манчжурии. Притом нейтралитет не воспрещает продолжать торговые отношения.

То же повторяет и Колоколов.

Китайцы соглашаются смотреть сквозь пальцы: не оказывать содействия и не мешать.

14 февраля.

Приехали Гроссе, ген. Кондратович и адмирал Лощинский. Совещание у наместника с Флугом относительно обороны Инкоу; решено минировать вход в реку, вооружить форт, придвинуть [?] к Инкоу, по всему побережью до Кай-юан-сяня.

21 февраля.

В Мукден приехал адм. Макаров со своим флаг-капитаном Васильевым. Он встретил меня, как знакомого. Мы встречались в Географическом обществе, когда он делал сообщения, и, между прочим, в Мраморном дворце на его сообщении о льдах перед отправлением к северному полюсу. Адм. Макаров долго беседовал с наместником.

25 февраля.

Адмирал на докладе поручает мне составить телеграмму в том смысле, что Китай продолжает вооружаться и двигает войска к северу, очевидно, чтобы в удобный момент двинуть их против нас, когда мы будем заняты на Ялу; поэтому необходимо поставить вопрос ребром: желает ли Китай оставаться действительно нейтральным, тогда пусть уберет войска, — если нет, то разбить их сейчас, пока японцы не надвинулись из Кореи.

Целый день ждали ген. Жилинского, назначенного начальником штаба. Приехал в 10 час. вечера.

26 февраля.

Обед у адмирала с шампанским в честь Жилинского, за обедом разговор о возможных движениях японцев. Адмирал жалеет, что суда, которые уже были на пути, в Красном море, вернулись. Жилинский уверяет, что это лучше, флот нужен под конец; когда японцы будут разбиты на суше, то тогда надо будет топить их в море. На представлении его Марии Федоровне разговор шел о событиях на французском языке. «Quel malheur», сказала императрица. «Rien n'est perdu, — ответил Жилинский, — ce sont les étrangers qui exagérent le succès japonais». — «Oui, mais les étrangers ça ne vous regarde pas. Чорт с ними».

Наследник, который присутствовал, рассмеялся.

Адмирал сообщает известие: японцы бомбардировали сегодня утром Артур в течение 5 часов.

28 февраля.

Получено от Лессара 4 телеграммы; сущность в том, что китайское правительство отказывается внять нашим требованиям и приостановить посылку войск на север. Отвечать на это какими-либо решительными мерами опасно, можно натолкнуть Китай на опрометчивый шаг, но что-нибудь предпринять надо. Я высказываю мнение, что надо занять синминтинскую железную дорогу, тем более, что она, хотя номи-

нально — китайская, но была построена англичанами в пику нам, в то самое время, когда велись переговоры (Базили) с Скоттом в Петербурге о разделении сфер железнодорожных концессий. Адмирал говорит: «Это не штатское дело. Завтра здесь будет ген. Линевич, мы обсудим: какие именно меры надо будет принять».

29 февраля.

После совещания с Линевичем адмирал мне сказал, что решено ничего не предпринимать. Теперь нет средств, надо продолжать воздействовать на китайцев дипломатическим путем, пока не будет закончено сосредоточение войск. По секрету он показал мне карту с обозначением расположения войск и объяснил, что все готово, чтобы взять в руки синмингинскую железную дорогу, но приступать к осуществлению этой меры он считает преждевременным, потому что «кто их знает — китайцев! А что, если они вдруг перейдут в наступление? Мы не готовы».

5 марта.

Еду к Колокодову принимать цзяньцзюня и Фуина. Повторяют уверение, что можно покупать провиант и проч., но не надо требовать официального содействия, подобно сторожу у ворот, который заснул. Иди, но нельзя будить сторожа и требовать разрешения на пропуск. Между тем Квецинский требует содействия, угрожает в случае убытков взыскать с самого цзяньцзюня и принять «соответствующие меры». Я советую ответить вежливо и обещаю постараться, чтобы Квецинский не писал подобных бумаг. Я привел доказательства, что Манчжурия не может быть нейтральною: кн. Цин издал распоряжение, воспрещающее вывоз контрабанды в государства воюющие и в Манчжурию, — следовательно, Манчжурия не признается нейтральною. Я пояснил, что японцев бояться нечего, они приходили и раньше и уходили. «Теперь также придут и уйдут, тогда как Россия и Китай — давнишние, всегдашние соседи, мы никуда не уйдем, останемся здесь. Например, вы, цзяньцзюнь, сидели у меня в гостях; вдруг приходят во двор чужие люди, японцы. Первое дело — нам с вами соединиться и общими силами прогнать врага. А потом уже мы между собою посчитаемся». — Доложил адмиралу. Прибавил, что китайцы не верят, что мы здесь остаемся. Колоколов объяснил им, что мы живем в поезде потому, что комфорта больше. Они отвечают: «А зачем локомотив стоит по близости и дымится?» Адмирал говорит: «Что ж цзяньцзюнь не предложил мне свой дворец?»

Вот мысль! Надо через Колоколова постараться устроить, чтобы цзяньцзюнь пригласил адмирала во дворец.

8 марта.

Адмирал невесел. Он представлял Стесселя государю как командира корпуса. Тогда Семенов был назначен комендантом. Сегодня получена телеграмма государя оставить Стесселя комендантом Артура. В сущности, это хорошо. Он хорошо знает каждый уголок города и подтягивает всех, ободряя, вместе с тем, своими приказами à la Ростопчин.

Адмирал мне говорит: «Что, любезнейший Е. А., надо мне уходить!» Я, конечно, уверяю, что теперь нельзя уходить. Надо руководить действиями сухопутного и морского командиров, довести войну до конца и тогда уходить.

— «А как вы думаете, как долго продлится война?» — «Думаю около года. Дольше не выдержат, а меньше нельзя довершить дела до конца».

Адмирал показывает мне карту, где расположены наши войска, через несколько дней их будет 100 тысяч. Я высказываю мнение, что японцев в действительности гораздо меньше, чем они уверяют. Но нет сведений. Адмирал говорит: «Нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы завязать сношения с Японией?» Я даю мысль: Распопов или бар. Гинзбург. Телеграфирую в Шанхай, чтобы узнать, где они.

11 марта.

Адмирал спрашивает меня, что я думаю о японцах. Я отвечаю, что, повидимому, они ошиблись в расчетах и несколько растерялись, притом у них в Корее, очевидно, гораздо меньше войск, чем они распространяют.

Адмирал высказал пророчество и просил записать, что не пройдет трех месяцев, — если только судьба нам будет благоприятствовать,— как японцы попросят мира. «И я нисколько не удивлюсь,— прибавил адмирал, — если при свойственной вашему министру мягкотелости и добродушии государя на это будет изъявлено согласие, и я получу приказание приостановить военные действия. Но, конечно, я всеми силами буду бороться против этого. Надо прогнать японцев из Кореи и тогда только заключить мир».

13 марта.

Указ, объявляющий Инкоу на военном положении, подписан. Дополнительный указ, содержащий правила, тоже. Правила эти: 1) военное положение распространяется на всех жителей независимо от подданства; 2) наблюдение за входящими судами; 3) воспрещается ввоз

оружия и боевых припасов; 4) воспрещается вывоз контабанды в порты Японии и Кореи; 5) залог при вывозе в нейтральные порты; 6) действие маяка и..... [1]) знаков приостанавливается; 7) касательно контрабанды руководствоваться высоч. утв. 14 февраля 1904 г. правилами.

Адмирал очень озабочен возможностью высадки японцев близь Инкоу.

Завтра ожидается приезд Куропаткина. Будет выставлен почетный караул. Но мы встречать не будем. Адмирал опечален приездом. Я утешаю: Куропаткин — человек покладистый, надо только держать в решпекте.

14 марта.

В 3 часа приехал Куропаткин.

Он обедал у адмирала, рассказывал, как его всюду чествовали. Как он чуть не расплакался первый раз в Москве в Дворянском собрании, другой раз в Сибири, когда говорил какой-то священник простую речь. Рассказывал про образок, который ему дала вел. кн. Ольга Александровна, как он его потерял, испугался, поставил на ноги полицию, обещал награду тому, кто найдет, и накануне отъезда нашли. Рассказывал, что 23 января был бал. Он ухаживал за м-те Курино. Он стоял зеленый, видимо, у него был уже в кармане приказ о разрыве дипломатических сношений. Пела Литвин; его вызвали экстренно: оказывается, — разрыв. Просидел 2 часа у адмирала, выказывая полную покорность и подчиненность. Начальнику штаба, Жилинскому, сказал, что не будет ему представляться, потому что поздно. (В случае отсутствия наместника его замещает начальник штаба. Куропаткин хотел сказать, что понимает, что он ему подчинен косвенно. Но все-таки не пошел к нему.)

Я Куропаткина так и не видел.

Куропаткин привез адмиралу собственноручное письмо государя и образок от государыни Александры Федоровны.

15 марта.

Приехал в. кн. Борис Владимирович. Его встретил Жилинский с адъютантом. Он сейчас поехал с визитом к адмиралу. Просидел час (7—8 веч.), передал письмо Владимира Александровича. Повидимому, хочет остаться в Мукдене. Поезд его поставлен на нашу ветку. Куропаткин, говорят, встретил его холодно и вообще не хочет иметь его у себя.

---

[1]) Не разобрано.

16 марта.

На докладе адмирал жаловался, что наехало столько бесполезных офицеров — обуза для войск и для дела. Приехал Карагеоргиевич, брат сербского короля. Адмирал спрашивал меня, как его титуловать. Я ответил: «Altesse, высочество, но обращаться с ним все-таки по команде, как с офицером подчиненным». Они оба с Борисом Владимировичем уехали в Артур на несколько времени, а потом опять вернутся. Приехал Алексеев — племянник.

17 марта.

Адмирал вздумал съездить в Артур с небольшой свитой.

Выехали в 9 час. вечера. В Ляояне назначено — 11 час.; получается телеграмма, что Куропаткин будет встречать. Ульянов говорит, что сами виноваты, зачем назначать 20 минут остановки. Поезд пришел позднее, Куропаткин не вышел встречать.

18 марта. На пути из Мукдена в Артур.

В 9½ час. утра адмирал потребовал к докладу. Я сказал, что ничего нет. Все дела текущие исполнены, новые телеграммы будут распечатываться в Мукдене.

Адмирал читает телеграмму Лессара (опровержение сведений гр. Кассини, что японцы переодеваются и пр.), высказывает, что нельзя не согласиться с Лессаром. Вообще во время нынешних военных обстоятельств он действует правильно. «Я все время стоял на том, что Китай должен соблюдать нейтралитет. Меня старались сбить с этой дороги в ту и другую сторону (вероятно, намек на Квецинского, который хотел бы поскорее присоединить Манчжурию), но я остался на своей точке зрения, и Лессар в этом отношении вполне поддерживает, я ни в чем не могу упрекнуть его. Что вы на это скажете, любезнейший Е. А.?» — «Я совершенно такого же мнения, но есть вопрос, в котором вы можете упрекнуть Лессара — именно о разоружении в Шанхае лодки «Манчжур». Лессар мог бы отстоять». — «Да, вы теперь это говорите, отчего вы мне не говорили своевременно? Вы прочли статью «Нового времени» и теперь говорите то же самое. Другой раз напишите мне доклад, тогда не будет сомнения. Если бы вы хорошенько обосновали юридически, то, быть может, я принял бы это. С другой стороны, был момент, когда надо было разоружить «Манчжура», чтобы успокоить японцев и, главное, Китай, который был встревожен угрозами Японии. А потом, если одержим победу, то можно опять вооружить «Манчжура».

Адмирал закончил тем, что «Лессар понял, что теперь нельзя итти наперекор. Я, конечно, не допустил бы этого и написал бы государю, что его надо убрать. Но он не дает повода».

Я докладываю, что в «Echo de Chine» есть статья, что японцы после первых уроков образумятся и пойдут на переговоры, и тогда за Россией будет признана Манчжурия, а за Японией южная часть Кореи.

«Ну, нет, подавайте нам Мосампо, меньше я не хочу, или же Цусиму. Мосампо — прекрасная гавань, — сколько я исследовал, описывая эту гавань. Лишь бы вы не ослабели».

Я ответил: «За себя ручаюсь, а вот как министерство, как государь?»

«А вот что государь про это думает», — сказал адмирал, вынув пакет, привезенный ему Куропаткиным. На конверте надпись собственной рукою: «Генерал-адъютанту Алексееву» и больше ничего. Письмо написано на плотной почтовой бумаге большого формата, сложенной пополам: Наверху посредине первой страницы рельефная с красками корона с флагами. Начинается просто: «Евгений Иванович», без всяких прилагательных. Первые строчки я сам видел, что-то в роде: «Поручаю Куропаткину отвезти письмо»...

Адмирал прочел мне только конец: государь в очень твердых выражениях желает силы довести дело, не нами начатое, до конца и продиктовать условия мира Японии.

Адмирал еще прибавил, что Куропаткин — хотя, может быть, умный в некоторых отношениях, но не дальновиден, то-же Ламздорф, но душа заговора против государя — это Витте, и когда-нибудь будут они посажены в тележку и отвезены...

Вместо Ламздорфа следовало бы назначить Нелидова.

Прибыли в Артур в 2 часа. Встречали Стессель, Смирнов, Макаров, Ухтомский и пр. Едем на «Петропавловск». Снимаю группу офицеров с в. к. Кириллом Владимировичем и Стесселем. Наместник едет к в. к. Борису Владимировичу.

16 апреля.

Военные и моряки возмущаются оборотом, который приняло дело «Манчжура». Павлов был в Шанхае и мог бы содействовать, но Лессар отстранил его и отстранил Огородникова. Когда началась война, не мог скрыть радости: «Вот я говорил — Алексеев устроит войну!».

Лессар никого не видит, никуда не ходит, не может иметь никаких сведений. Говорит только с Лянфаном à quatre yeux. Других министров не видит и говорит без свидетелей, а потом в телеграммах

пишет что угодно. Троевластие (Алексеев, Куропаткин, Скрыдлов). Министерство спрашивает Лессара, какие признаки движения китайцев.—Никаких, трудно набрать.

22 апреля.

Японцы высаживаются у Бицзыво. Оттуда 30 верст до Пуландяна; еще ничего не подозревая, еду с Рошевским на Золотую Гору снимать рейд с торчащими мачтами брандеров.

Спешный отъезд из Артура. Опаздываю на поезд. Еду с Ногаевым, Коншиным и Яковлевым. Опасение японцев. Решимость прорваться Пуландян — Вафандян — Лединг; благополучно приезжаем в Ляоян, где, оказывается, адмиральский поезд стоит. Адмирал беседует с Куропаткиным. Пользуюсь этим, чтобы пересесть в адмиральский поезд; приезжаем вместе в Мукден.

Встреча цзяньцзюня. Я участвую во встрече и беседе с цзяньцзюнем в вагоне. Адмирал, проходя мимо меня, говорит: «А, беглец!»

Посылаю телеграмму Балашову, что китайское правительство разрешило русским и китайским госпитальным судам заходить в китайские порты. Говорят, что японцы захватили телеграф и пропускают только то, что им выгодно. Такую телеграмму они, наверное, пропустили бы. Но, по распоряжению Куропаткина, телеграф не принял — удивительно! Как важно было бы в Артуре знать, что госпитальное судно может итти в Китай! Оно может везти корреспонденцию и пассажиров под видом больных.

Постараюсь отправить эту телеграмму другим путем (устроено, что китаец будет ходить пешком и носить мелко написанные записочки).

24 апреля.

Адмирал высказывает сожаление, что не остался в Порт-Артуре. «Как главнокомандующий я не могу там быть, но как адмирал по характеру я остался бы».

Ульянов только теперь мне сказал, что адмирал еще 20 числа получил от государя телеграмму, что «ввиду невозможности ныне для флота принимать активное участие в военных действиях, прошу вас выехать в центр армии».

Вот почему, когда получилось известие о высадке японцев в Бицзыво, адмирал мог тотчас выехать.

Еду по поручению адмирала отвезти его карточку цзяньцзюню. Объясняю, что война еще не началась. Что мы — миролюбивый народ, так же, как и китайцы. На нас так же, как на них в 1894 г., напали. Мы пока решили ничего не предпринимать, но когда соберем достаточно войск, то прогоним японцев.

25 апреля.

Открытие госпиталя Красного креста в монгольском храме.

Ходят слухи, что в Бицзыво высадилось всего 200 японцев, что мы напрасно струсили, сами по приказу Куропаткина разрушили железную дорогу на пространстве 15 верст и сами испортили телеграф. В подтверждение этих слухов служит страшнейший ураган с юга, который свирепствует уже двое суток; хочется надеяться, что ураган разогнал японские транспорты.

Одновременно возмутительные сведения, что в Инкоу по приказанию Куропаткина разрушили форт, сооруженный с такими трудами, разоружили лодку «Сивуч» и пр.

А что если это не понадобится, какой скандал!

26 апреля.

Происходят сборы к отъезду в Харбин. Но ничего определенного еще не решено. Получена телеграмма от министерства иностр. дел, что, по сведениям консула Бологовского из Гонконга, японцы собираются соединенно флотом и войсками пройти вверх по Амуру и Сунгари до Харбина, чтобы зайти в тыл.

Захар Яковлевич говорит, что по этому поводу адмирал уехал бы на север, чтобы распорядиться, но опасается, что сейчас на его место придет Куропаткин в Мукден.

28 апреля.

Идет вопрос об Инкоу. Оказывается, форт уничтожили, лодку «Сивуч» разоружили. Адмирал приказал вооружить, телеграфирую Гроссе, чтобы держался до последней минуты. А потом не передавать китайским властям, дабы не создавать прецедента, а просто расформировать градоначальство и уйти. Ему же, как консулу в нейтральном китайском порту, остаться до прихода неприятеля и руководствоваться указаниями министерства ин. дел о времени и способе оставления своего поста. Джоночную таможню закрыть. Джонки все и катера отогнать к Давану, где наши войска. Запасы уничтожить по получении на то специального приказания.

Иностранцы хотят прислать свои канонерские лодки. Какой позор! То мы объявляем город на военном положении— все подчинились в надежде, что мы зато защитим, и поэтому согласились убрать свои лодки, — и вдруг мы бессильны их защитить, — они опять посылают лодки.

29 апреля.

Читаю адмиралу письмо жены, как Куропаткин рекламировал себя заранее, и даже молитва составлена для него, и что в Петербурге всевозможные сплетни; адмирал отвечает, что не обращает на это никакого внимания и будет продолжать делать свои дела без рекламы.

С Порт-Артуром сообщение восстановлено. Получена телеграмма из Вафандяна от Поликарпова. Едет.

30 апреля.

Сегодня приехал из Артура в Мукден кан. 2 р. Поликарпов, с бумагами, первым поездом, отправленным экстренно после перерыва. Путь восстановлен, но на станциях Саншилипу, Пуландян и Вафандян, а также на соответствующей части линии картина полного разрушения. Станции, мастерские, склады, пакгаузы, казармы сожжены, телеграфные столбы повалены, полотно взорвано. Особенно пострадала большая складочная станция Вафандян на границе Квантуна и нейтральной зоны, где убытки оцениваются в полтора миллиона. Около 80 верст поезд шел наудачу без телеграфа, без стрелочников, мимо пустынных разоренных станций при полной неизвестности, что его ожидает впереди. К счастью, поезд прошел благополучно.

Все описанные разрушения произведены не японцами, а нашими военными властями, по распоряжению командующего манчжурской армией.

2 мая.

Бирюков просит переслать Павлову в Шанхай телеграмму о высылке ему денег, хочет организовать разведки в Корее посредством учеников корейцев.

Японцы заняли уже Фын-хуан-чен, отряд их есть в Синцзинтине, в 150 верстах к востоку от Мукдена. Мы повсюду отступаем без боя. Ген. Жилинский первый раз после болезни докладывает адмиралу. Заболел 20 апреля.

3 мая.

Адмирал в инструкции градоначальнику Гроссе высказал, что он в качестве консула мог бы остаться после ухода войск до самого вступления японцев, чтобы не передавать ни китайцам, ни иностранцам, ни оставлять на произвол судьбы. В телеграмме я выразился: «в качестве консула в китайском нейтральном порту» (надо было сказать — трактатном порту). Лессар сейчас подцепил

и пространно стал доказывать, что «настаивать на нейтралитете» не надо и вредно. Пришлось разъяснить ему, в чем дело.

Гроссе высказывается против сжигания запасов. Это произведет панику, восстановит против нас и лишит его возможности выступить потом в качестве консула. Делает сношения с Куропаткиным о покупке запасов интендантством.

Адмирал сообщает мне, что японцы высаживаются в Сии-ючене. Мы, не оказывая никакого сопротивления, уходим из Инкоу.

4 мая.

Говорят, что японские разъезды появились в 15 верстах от Мукдена. Вокруг поезда наместника хотели строить забор (комендант полк. Воронов). Адмирал не согласился. Поставили лагерем батальон солдат невдалеке от поезда. Вчера вечером комендант даже распорядился, чтобы огни были погашены в поезде или шторы спущены.

Получена телеграмма от Григоровича из Артура. Телеграфом от Ляояна, куда, вероятно, доставлена китайцем.

Высадившиеся японцы идут пока на юг, к Инкоу не подходят. Видимо, они решили во что бы то ни стало взять Артур. А Куропаткин на выручку не пойдет.

Григорович телеграфирует, что мяса осталось на 2 недели.

6 мая.

Доклад. Адмирал говорит, что японцы далее Фын-хуан-чена не идут, укрепляются. Хотят, видимо, чтобы их брали. Притом караулят нашу армию, чтобы она не шла на выручку Артура, и все свои силы употребляют на то, чтобы двигаться к Артуру.

«В случае, если бы им удалось взять Артур, это был бы такой удар, который никакими победами нельзя было бы потом поправить». Я говорю: «Неужели Куропаткин не может отделить отряд и послать на юг?» — «Куропаткин нерешителен, слишком боится за свою репутацию».

7 мая.

Вечером З. Я. Ульянов конфиденциально показал мне телеграммы, коими обменялся адмирал с государем в апреле. 4 апреля наместник телеграфирует государю (привожу на память): «Назначение Куропаткина, старшего меня по службе, было для меня нравственным ударом. Новое назначение вице-адмирала Скрыдлова, с которым я не могу совместно служить, заставляет меня просить в. и. в. заменить меня другим лицом. Смею надеяться, что ввиду моей более чем сорокалетней

службы и тяжелых пятилетних трудов на Дальнем Востоке в. и. в. милостиво отнесетесь к моей всеподданнейшей просьбе».

На это государь ответил 7 апреля: «В многосложных трудах ваших вы более чем оправдали мои ожидания; с особенною яркостью выразились ваши дарования со времени начала военных действий и, высоко ценя вашу службу, не могу согласиться на замену вас другим лицом. Куропаткин и Скрыдлов подчинены вам, как моему наместнику и главнокомандующему».

8 апреля наместник телеграфирует: «Преклоняясь пред высочайшим повелением, приложу все старания, чтобы оправдать высокое доверие в. и. в. и незаслуженно милостивую оценку моих трудов».

Около этого времени (5 апреля) государь послал Куропаткину телеграмму, в которой напоминал, что он подчинен наместнику. Куропаткин тогда прислал наместнику письмо с изъявлением своих чувств преданности. Письмо это было получено на «Севастополе».

8 мая.

Получена телеграмма Гроссе, что американский консул Миллер назначен генеральным консулом там же. Одновременно американская эскадра вся сосредоточилась в Чифу. Очевидно, они ждут удобного случая, как только мы двинемся из Инкоу, чтобы захватить там власть. Докладываю адмиралу, что надо всеми силами этого избегнуть, укрепить опять Инкоу, не отступать оттуда ни под каким видом. Адмирал говорит, что при предложенном движении на юг имеется в виду и защита Инкоу. Но не соглашается со мною относительно значения американцев. «Мы всегда признавали этот порт трактатным портом. Первое, что я сделал, — это объявление, что мы будем признавать права иностранцев, вот почему все обошлось хорошо». — Я замечаю, что участие иностранцев было не вредно, когда мы только начинали, чтобы не испугать их сразу, но теперь, после четырехлетней оккупации, когда мы шаг за шагом добились положения, объявили военное положение, — нельзя отступать, надо, чтобы военное положение послужило переходом к присоединению, а для этого необходимо, чтобы не было промежутка между нашим господством и нашим возвращением. Этим промежутком непременно воспользовались бы американцы, устроили бы нечто вроде международного управления, и тогда с ними считаться очень трудно. Лучше прямо передать японцам. Их потом можно без церемонии выгнать, мы с ними в войне. А попробуйте выгнать американцев. Надо им тогда объявить войну.

Адмирал остался при том мнении, что американцы лучше.

9 мая.

Убеждаю адмирала послать телеграмму в Петербург и Пекин: «Возведение американского консульства в Инкоу в генеральное и предположение прислать стационера указывают на желание активного вмешательства в местные дела, как только представится удобный случай. Считаю долгом ныне же заявить, что если бы мы и очистили временно Инкоу по военным обстоятельствам, то это отнюдь не должно быть истолковано, как отказ наш от прав, приобретенных завоеванием и четырехлетним управлением. Как только будет решено вернуться, мы восстановим прежнее положение и никакие случайно водворившиеся перемены не будут нами признаны».

Телеграмма эта отправлена.

10 мая.

Разнос адмирала, что не представляю записок по политическим вопросам. Советует взять еще секретаря. Указывает на необходимость подготовить переговоры с Японией. Передает присланные Лессаром по почте телеграммы о политическом положении.

Жилинский уехал в Ляоян убеждать Куропаткина в необходимости выручать Артур.

11 мая.

Жилинский, кажется, не убедил Куропаткина; он решил сидеть на месте и не двигаться ни на выручку Артура, ни к Инкоу. Говорят, что о японцах у него нет сведений. А что если они идут на Мукден?

Слухи ходят о кровопролитном сражении близ Цзинчжоу. Будто бы 15 тысяч японцев убито и полторы тысячи наших.

Адмирал на докладе раскудахтался на тему, что у нас не умеют держать секретов. Министерство иностр. дел — это ярмарка хуже вайвубу.

12 мая.

Утром в 8½ часов приехал кн. Хилков, Алекс. Алекс. Палтов, Корольков. Завтракали у наместника. Сообщили последнее изречение ген. Драгомирова: «Макаки ведут войну с кое-какими».

14 мая.

В 2 часа узнаем, что в 4 часа приезжает Куропаткин. Мы с Ульяновым решаем, что это он по высочайшему повелению вызван в Мукден, чтобы выслушать указания наместника; что, следовательно,

есть надежда на то, что мы двинемся на юг на выручку Артура. Стыдно, имея 100-тысячную армию, сидеть спокойно в то время, когда японцы подвигаются к Артуру. Сейчас отдаю в канцелярию записку перепечатать красиво, чтобы успеть послать наместнику для вручения Куропаткину. Авось, он хоть относительно Инкоу образумится.

В 4 часа Куропаткин приезжает с большой свитой — целый поезд, в котором они все живут.

В 5 часов джигитовка.

За обедом Куропаткин рассказывал, как он молодым офицером бродил по Сахаре с провожатым зуавом, как местные племена ненавидят французов и чуть не убили его два раза, подозревая в нем француза; как он в Туркестане охотился на кабанов (удачно) и на тигров (неудачно), — первый раз заснул на крыше жидкой постройки из камыша с двумя другими. Все трое заснули; были разбужены криком тигра, так испугались, что совершенно растерялись, а тигр ушел. Второй раз сидели в яме; козел ходил вокруг, привязанный за веревку. Появился тигр, козел так испугался, что оборвал веревку и бросился в яму, где сидели охотники. Общий переполох.

Далее Куропаткин рассказывал, что в Ляояне окружил себя рядом укреплений, окопов и ям, которые роют за 1 рубль китайцы. На 50 верст в окружности обеспечены от вторжения. Наместник спрашивает: «А придут ли японцы?» Куропаткин отвечает: «Вот в этом вся штука. Мы очень хотели бы, чтобы они пришли». (Я про себя подумал: «Зачем они придут в ваши ямы? Они сделают обходное движение на север — возьмут Мукден. На юге возьмут Артур, — а ты сиди в своих ямах, дожидайся, пока они придут в ямы»).

Далее Куропаткин рассказывал, что весь материал для железной дороги на Сюянь готов; когда настанет время итти в Корею, то ветка будет очень скоро построена и облегчит движение. К тому времени речки замерзнут, р. Ялу замерзнет — отлично. Вот только японцы укрепили Пингянь, трудно будет брать. Мы пойдем не торопясь, как медведь, но наколотим их.

Он впрочем отзывался очень хорошо о японских внутренних качествах.

Я не понимал, шутит ли он, чтобы не выдавать за обедом истинных своих намерений, или он, действительно, спокойно обдумывает зимний поход в Корею, совершенно оставляя на произвол судьбы Квантунь с Порт-Артуром.

15 мая.

На докладе высказываю свои сомнения адмиралу относительно искренности слов Куропаткина.

Адмирал говорит, что, конечно, за столом он не мог говорить вполне серьезно. «Мы с ним вот здесь за этим столом работали серьезно три часа. Но, в общем, его слова верно отражают его мысль. Он и в Петербурге говорил, что не надо торопиться и ждать скорых успехов, и государь одобрил этот план сосредоточения».

Я замечаю, что взгляд может быть хорош в теории. Но я не могу понять, как можно спокойно выжидать, когда под боком берут неприступную цзинчжоускую позицию, сейчас будут брать Артур. Это — такие удары, которых потом ничем не смыть, как пощечину, не говоря уже о том, что вновь брать назад эти позиции — вторая Плевна.

Адмирал делал вид, что спорит со мною, но в душе соглашался.

«Да, конечно, командующий армией, имеющей 100 батальонов, мог бы быть решительнее. Я вот уже недели три уговариваю Куропаткина. А теперь посылаю ему телеграмму, которая одновременно посылается государю, о необходимости двинуть корпус на юг, на защиту Артура». Адмирал читает мне черновик телеграммы, который весь написан его рукой. В ней указывается, что взятие Артура было бы ничем не вознаградимым ударом и что надо, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому.

Я высказываю радость по поводу телеграммы, но вместе с тем сожаление, что раньше не воспрепятствовали высадке. Вот где надо было бить японцев. Английские газеты удивляются, что русские даже не попытались помешать высадке, когда японцам приходилось 5 миль итти вброд по воде.

Адмирал возражает стереотипной фразой, что никогда еще не удавалось помешать никакой высадке. Если бы мы отражали их в Бицзыво, они пошли бы высаживаться в Дагушань или другое место, что вообще наше положение очень трудное: войск все-таки мало.

17 мая.

Кроме тяжести политического положения и громадной ответственности, лежащей на наместнике, его изводят булавочными уколами: в «Новом времени» Сыромятников пишет, что одной из причин войны было учреждение наместничества. Японцы будто бы обиделись, что их заставили вести переговоры с наместником. Очевидная нелепость. Всегда ведутся переговоры через посла, посланника, в данном случае — через наместника. Это такой же царский слуга, как и другой, и чем он влиятельней, тем лучше будет достигнута цель переговоров. Докладываю в этом смысле. Адмирал говорит: «Наместничество учреждено по собственной инициативе государя императора и едва ли уместно

критиковать и приписывать этой мере причину войны. Притом, вы знаете, я не просил и не искал наместничества. Я исполнял то, что мне приказывали, и меня нисколько не смущает то, что пишут».

19 мая.

Адмирал невесел. Видимо, с Куропаткиным нелады: не слушается. Копает ямы.

Разнес меня за телеграмму министру вн. дел о необходимости обуздать прессу. Сам говорил, что нельзя в печати критиковать учреждение наместничества, так как — по инициативе государя, а когда я упомянул в телеграмме: «Как вы могли — серьезный человек?»

Вообще ему не хочется посылать такую телеграмму. «Не люблю эти каверзы».

20 мая.

Приехал начальник штаба Куропаткина Сахаров. Видимо, Куропаткин не согласен исполнить вполне приказание государя итти на юг. Посылает Сахарова поторговаться. Впрочем все хранится в глубочайшей тайне.

21 мая.

Адмирал развивает мысли, что эта война, независимо от прямых результатов, будет полезна тем, что встряхнет весь наш внутренний строй. У нас столько неумелости, халатности, недоделанности, что мы не можем долее так существовать. «Смотрите, как японцы опередили нас во всем. Надо нас встряхнуть, а то мы совсем тиной покрылись».

Декларация министерства о том, что другие державы не будут допущены к переговорам, оказывается, внушена Нелидовым.

Получена литография его донесения. Я докладываю ее. Адмирал говорит: «Вот видите, это мой кандидат в министры. Это чисто русский человек, имеющий свои воззрения и твердые взгляды».

Жилинский опять поехал в Ляоян (как журавль с цаплей по болоту).

22 мая.

Адмирал пишет что-то спешное. Я спрашиваю, как дела. Идут ли на выручку Артура? «Да вот я стараюсь...»

Для меня очевидно, что мы пропустили момент. Когда японцы стали высаживаться в Бицзыво, надо было им помешать или сейчас двинуть на них корпус, пока они не успели развернуться и устроиться

в боевой порядок. Тогда достаточно было дивизии. Стыдно сказать, что тут же под боком у Сын-ю-чена у нас был расположен корпус Ренненкампфа и ничего не предпринял. Куропаткин говорил: «Пусть высаживаются побольше». Они спокойно недели две высаживались, перевезли осадные орудия. «Times» удивляется, что эта трудная операция, где надо было итти пять миль по воде, совершена без всякого препятствия со стороны русских; японцы двинулись на юг, приступили к осаде цзинчжоуской позиции. Куропаткин все не двигался. Наконец, они берут цзинчжоускую позицию. Ген. Фок отчаянно отстаивает ее три дня. А корпус Ренненкампфа стоит неподвижно. Тогда наместник предпринимает энергичные меры (начатые тотчас после высадки у Бицзыво); меры состоят в стараниях убедить Куропаткина, что необходимо итти на выручку: взятие Цзинчжоу, а тем более Артура — непоправимые удары.

Наконец, теперь, когда цзинчжоуская позиция укреплена японцами, решено, кажется, двинуть корпус на юг. Но теперь уже надо три корпуса. Брать неприступную цзинчжоускую позицию — это П л е в н а. Мы сами укрепили ее против себя. Японцев было 50—60 тысяч против Фока с одной дивизией. А теперь обратная пропорция.

4 и ю н я.

Получено еще вчера вечером известие о бое при Вафандяне. Мы отступили, масса раненых, убитых. Сегодня привезли один поезд раненых в Мукден, около 400 человек. Рассказывают опять, что был полный беспорядок. Никто не знал, куда итти, в какую сторону стрелять. Командир корпуса ген. Штакельберг совсем не был на поле битвы, а сидел в своем вагоне с женой. У него свой экстренный поезд, в котором он первый удрал. Санитарному поезду необходимо было подойти к платформе, чтобы принять раненых; просили разрешения Штакельберга отодвинуть его поезд, чтобы санитарный мог подойти, он не позволил. Рассказывают, будто санитары второпях положили раненых вместе с мертвыми. Доктор обратил внимание Штакельберга. Он ответил: «Это не мое дело разбирать раненых от мертвых». Все возмущены вообще поведением этого генерала, затмившего собою Засулича.

7 и ю н я.

Составляем телеграмму о Монголии министру иностр. дел:

«При настоящем положении дел на Дальнем Востоке нахожу своевременным и необходимым обратить серьезное внимание на монгольский вопрос, изучить на месте положение дел и настроение в связи

с текущими событиями в Манчжурии и Тибете. Этой необходимости придаю значение в особенности потому, что за последние два-три года японцы своими происками стараются уронить наше положение и нанести ущерб русским интересам. Не подлежит сомнению, что при разработке условий мира и условий порядка на Дальнем Востоке вопрос о Монголии не может остаться вне обсуждения. Ввиду всех этих соображений, предполагаю поручить военному коменданту в Ц. подп. Богданову посетить некоторые районы Монголии для ознакомления с положением дел, но прежде принятия такого решения прошу ваше сиятельство не отказать в заключении и сообщить имеющиеся сведения. Также нахожу полезным, чтобы в работах принял участие чиновник министерства иностр. дел, знакомый с местными условиями».

(Телеграмма отправлена 9 июня 1904 г.)

8 июня.

Начальник штаба Жилинский таинственно уезжает сегодня вечером на юг, под большим секретом. З. Я. мне сказал, что получена телеграмма от государя императора, чтобы командировать его в Вафангоу расследовать образ действий Штакельберга в сражении.

11 июня.

На телеграмму адмирала о Монголии министерство ответило, что вполне сознает важность изучения Монголии, вследствие чего назначен генеральным консулом Люба, которому предписывается немедленно приступить к объезду некоторых районов Монголии. Причем к совместной поездке с подп. Богдановым препятствий не встречается.

(Я предложу, чтобы ехали две разные экспедиции по общей программе.)

13 июня.

Приехали два офицера из Артура: Македонский и Назаревский. Македонский вышел 10 июня на шаланде. Накануне его отъезда наша эскадра выходила в море. Шаланда его наткнулась на мину, взорвалась, погиб стрелок. Он ухватился за боченок, продержался до прихода другой проходящей шаланды. Пакеты погибли. Телеграммы привез. Между прочим, привез известие, что эскадра вышла, встретила японскую из 3 броненосцев (у нас 6), но зато 6 крейсеров и 20 миноносцев. У нас 5 крейсеров и около 8 миноносцев.

Адмирал был очень обрадован известием.

«Пускай пишут про наш флот в «Новом времени», а флот наш все-таки сделает свое великое дело, без громких фраз и реклам. Что Макаров и другие герои «Нов. времени»! Если бы был жив Макаров, он до сего времени погубил бы флот, а мы его сохранили.

Но вообще эта война раскрыла все наши слабые стороны — полная неподготовленность: Куропаткин 7 лет был военным министром, а что он сделал? Он ничего не делал на Востоке, все указывая, что самое важное — западные границы. Между тем я теперь ясно вижу, что там мы так же слабы и неподготовлены, как здесь. И если здесь нас бьют японцы — новички в военном деле, то что было бы на западе? Нас разбили бы, как старый горшок! Куропаткина повесить надо. Он обманывал государя».

Я заметил, что следовало бы сказать правду государю.

«А, вы думаете, я скрою или постесняюсь? Конечно, как только приведется быть в Петербурге, я все доложу государю со всею откровенностью. Когда идут мелкие интриги личного свойства, я презираю их и молчу. Но в государственном деле я не буду молчать. Дай бог только окончить благополучно эту войну — и тогда Россия воспрянет. Нельзя так продолжать».

Адмирал сильно расчувствовался, когда говорил это.

17 июня.

Насколько адмирал радовался, что флот вышел в море, настолько был опечален полученным сегодня известием, что флот вернулся в Порт-Артур. Известие это долго не приходило. Бой был 11-го. Сегодня утром приехал кн. Урусов, привез подлинные донесения Витгефта. Он вышел в море, но увидев 17 вымпелов, не считая миноносцев, вернулся; было поздно входить в порт, остановились на рейде. В это время японские миноносцы девять раз бросаются в атаку. К счастью, повреждение получил только «Севастополь».

Адмирал страшно недоволен Витгефтом и огорчен. Он должен был итти в бой с японской эскадрой и пробиваться во Владивосток, а не возвращаться, несолоно хлебавши [1]). Я старался утешить тем, что все-таки и то слава богу, что не потоплено ни одно судно. Могло быть хуже. Агентские телеграммы говорили, что потоплен «Пересвет» или «Цесаревич».

Адмирал сейчас после моего доклада сел писать разнос Витгефту.

---

[1]) Адмирал мне сказал, что некого назначить, кн. Ухтомский еще хуже. А то он сейчас сместил бы Витгефта.

13 июля.

Сегодня произошло событие, которого мы все с ужасом ожидали давно, так как оно входило в планы Куропаткина, и хотя делали все возможное, чтобы доказать ему опасность такого шага, но знали, что он настоит на своем, а именно: Инкоу очищен русскими войсками и властями и передан без боя японцам. Произошел бой у Ташичао — судя по телеграммам — удачный. А затем наши в порядке отошли. Был отдан приказ очистить Инкоу — Гроссе предложил всем служащим банка и артельщикам с кассовою наличностью, а также военным, состоявшим при градоначальстве, выехать на север, сам остался в качестве консула, водрузил консульский флаг на градоначальстве. Японский разъезд поместился против здания градоначальства, арестовал двух полицейских, которых потом обещали Гроссе отпустить. Японцы взяли на свою службу милицию из китайцев. — Гроссе, видя, что он бесполезен для русского дела, выехал в Пекин.

Какой позор!

14 июля.

Лессар телеграфирует, что занятие японцами Инкоу производит сильное впечатление в Китае, что военная партия в Китае усиливается и что правительству трудно с нею справляться. Еще новый успех Японии — и нейтралитет будет нарушен.

На 14 июля был назначен отъезд адмирала во Владивосток. Но ввиду взятия Инкоу и слухов среди китайцев, что наместник уходит от японцев, наместник отложил отъезд на неопределенное время.

В Мукдене заметно падение курса русского рубля под влиянием эвакуации Инкоу. В магазинах ничего не хотят продавать.

18 июля. Воскресенье.

Наконец, сегодня в 12 час. наместник отправился в поездку в Харбин, Владивосток, Хабаровск и т. д.

Наместник предполагал остаться в Харбине два дня, понедельник и вторник. Но в понедельник днем получил какие-то известия из Ляояна (Келлер убит) и, кажется, письмо государя и приказал изготовиться к отъезду обратно в Мукден. Выезжаем в 9 часов вечера, в понедельник 19-го. Перед отъездом обед у наместника с участием Хорвата, Надарова, Иваненко, Долгорукова и др.

20 июля.

В 2 часа мы вернулись в Мукден. Встреча, парад.

21 июля.

В 6 час. утра едем в Ляоян для объяснений с Куропаткиным. Он откуда-то (из Ансянцзяна) приехал в Ляоян в 8 час. утра, наместник в $8^1/_4$, стоим в Ляояне до 11. Едем обратно.

29 июля.

Получена телеграмма Тидемана, что пришел миноносец «Решительный», привез депеши из Артура, что командующий эскадрой приказал ему в Чифу разоружиться, и что эскадра вышла из Артура, чтобы вступить в бой с японцами. Адмирал в восторге — крестится: «Дай бог им успеха! Невозможно было оставаться в Артуре и гибнуть во внутренней гавани. Пусть идут с богом во Владивосток!» Относительно разоружения адмирал послал телеграмму Тидеману, что этого не надо, что желательно, чтобы «Решительный» ушел, и телеграмму Лессару, чтобы поддержал в этом смысле и обеспечил доброжелательное отношение китайцев к выходу «Решительного» обратно в море.

«Решительный» привез телеграмму Григоровича, что эскадра выходит, чтобы итти во Владивосток.

Скрыдлову послана телеграмма, чтобы немедленно выходил навстречу артурской эскадре. Вместе с тем адмирал решает безотлагательно ехать во Владивосток. Отъезд назначен в ночь на 31 июля, субботу, с тем, чтобы, проехав безостановочно через Харбин, прибыть во Владивосток в понедельник 2 августа рано утром.

Дорогой получаются ужасные подробности. «Решительный» в Чифу разоружился до получения телеграммы адмирала. — Японцы знали об этом, между тем ночью два японских миноносца вошли в порт, напали на «Решительного». Командир, офицеры и команда спаслись вплавь, по ним японцы стреляли. Покидая, миноносец взорвали, но не затонул. Японцы увели.

В Цинтао пришел «Цесаревич», на нем адм. Витгефт убит и 10 офицеров. «Новик» (Шульц) зашел в Цинтао, запасся углем и ушел пробиваться во Владивосток, вокруг Японии. В Шанхай пришел «Аскольд», с адм. Рейценштейном и команд. Граматчиковым. Сильно поврежден. Надо две недели для починки. Туда же пришел «Грозовой» (Бровцын).

2 августа.

Ночью проходим Никольск-Уссурийский, утром едем часа полтора вдоль Амурского залива. В 8 час. подъезжаем к Владивостоку. Торжественная встреча: Линевич, Холщевников, Самойлов,

Воронец (коменд.), Скрыдлов со своим штабом — Стеценко, Веселкин и др.

Наместник поздоровался со всеми (с Скрыдловым очень сухо) и поехал прямо к командиру порта, к Линевичу и Скрыдлову. Он взял с собою всех, кроме Скрыдлова, который остался на скамейке на вокзале с Стеценко в самом глупом положении. Я подсел к нему. Он говорил, что эскадра напрасно вышла, что его положение здесь очень затруднительно и т. п. Подробнее и откровеннее высказал то же самое толстый флаг-офицер Веселкин. Он говорил, что Скрыдлов полон добрых намерений действовать по указаниям наместника в полном согласии, но встречает на каждом шагу резкое противодействие. Когда он приехал, хотел ехать в Мукден к наместнику за указаниями, ответили: «Не надо». Теперь из Владивостока все, что он пишет, предлагает, встречается отказом — до мелочей. Теперь к приезду наместника его выселили из дома губернатора, чтобы очистить место наместнику. «На вокзале вы сами видели, какое обращение».

Масса телеграмм. Целый день шифрую с Вульфом. Громадная телеграмма Павлова из Шанхая на 42 листах — передает всеподданнейший доклад Рейценштейна.

3 и 4 августа.

Сидим с Вульфом целые дни, расшифровываем массы телеграмм от Лессара, Павлова, Тидемана и проч.

Владивостокская эскадра вышла навстречу Артурской. Вышли «Россия», «Громобой» и «Рюрик». 3-го вернулись только «Громобой» и «Россия». «Рюрик», видимо, погиб. Камимура доносит, что потопил «Рюрик», причем спас 400 человек.

10 августа.

Узнаю, что в Ляояне в. кн. Борис Владимирович ухаживал за сестрой милосердия княгиней Гагариной. Она дала ему пощечину и пожаловалась Куропаткину. Он призвал его и сделал замечание. Тот обиделся: «Вы забываете, генерал, что вы говорите с великим князем». Куропаткин рассердился: «Молчать, руки по швам!» Тогда вел. князь выстрелил в него из револьвера, ранил в руку легко. Куропаткин запросил государя, как поступить. Государь ответил: по закону. Следовало расстрелять. Составили комиссию — экспертизу умственных способностей. Признали ненормальным, увезли в Россию.

У Штейна — Иессен, адм., жалуется на штабы, которые извели его больше, чем сражения с японцами. Их здесь 11 (т. е. штабов) — это тоже русская особенность.

18 августа.

Вчера адмирал получил плохие вести из Манчжурской армии. Решил перенести главную квартиру в Харбин, потому что японцы наступают, подошли к Ляояну, и адмирал боится, как бы Куропаткин не отступил. «Это будет ужасно», — говорил он вчера, и повторил сегодня. «Это не простая стратегическая позиция, а вопрос политический. Нельзя отходить от Ляояна, надо лечь костьми, но не уходить оттуда».

Я ответил, что совершенно согласен с этим. «Так же, как Инкоу — важный политический пункт, а не только стратегический, но зато это будет испытание Куропаткина. Если он теперь окажется не на высоте, то облегчит вам покончить с этим».

Сегодня он говорит: «Вы знаете ведь, что мы едем в Харбин?» — «Да, знаю, но не совсем разделяю. Что, если бы вы как главнокомандующий появились во главе войск в Ляояне? Это воодушевило бы их к решительному бою». — «Не могу ехать. Куропаткин не признает меня главнокомандующим. Он считает себя главнокомандующим, а меня так просто — наместником». — «Да, но надо приучать его к тому, чтобы он признавал, и надо приучать войска. Как Линевич хорошо это понимает! На празднике 16 августа 29 полка он в речи к войскам с таким уважением выставил главнокомандующего-наместника».— «Линевич — да, но Куропаткин меня не признает».

Сегодня ночью отъезд. В 5 часов все собрались в доме наместника, прощались.

19 августа.

Рано утром в 4 часа выехали из Владивостока.

20 августа.

Наместник вдруг решает ехать в Ляоян в армию.

21 августа.

Утром на докладе наместник распространился о том, что следовало бы разрабатывать Южно-Уссурийский край. Селиться там это лучше, чем служба. «Вот ваш брат инженер мог бы или ваши дети. Вся суть у нас в земле, а не в чиновничестве».

В ½ 2-го подъезжаем к Харбину. Там Надаров, Хорват (только что произведен в генералы), Гроссе, Эльтеков, Базилевский, контролер Михайлов и пр. пр.

Пробыв 2 часа — время, необходимое для поворота поезда, — двинулись дальше в Мукден.

22 августа.

Прибыли в Мукден в 2 часа. Картина разорения главной квартиры, кроме сада наместника.

Узнаем, что от Ляояна отступили. Японцы засыпали его снарядами, пришли и заняли после того, как наши отошли...

Намерение наместника ехать в армию свелось к нулю. Он хотел своим прибытием воодушевить войска, но Куропаткин оказался хитрее. Приехав в Мукден, стали запрашивать, где находится командующий армией. Оттуда ответили, что сейчас неизвестно. Тем временем Ляоян был уже занят японцами. Наши отошли к Янтаю. Результат запросов и переговоров был тот, что Куропаткин назначил время для свидания в 6 час. вечера на станции Шахе. Верховые лошади наместника и свиты оставляются в Мукдене. Едем в Шахе, 24 версты, встречаем обозы без конца, по обеим сторонам дороги. В Шахе — сумерки. Встречает Куропаткин как всегда. Наместник приглашает его в вагон. Беседуют втроем с начальником штаба Жилинским. Обедаем. Куропаткин рассказывает о своих подвигах. «Лишь бы наш добрый царь не заключил мир». (Наместник мне после сказал, что Куропаткин выражался ему: «наш милый царь».)

В 10 час. вечера поезд трогается обратно в Мукден. Это было 23 августа.

24 августа.

Переночевали в Мукдене и в 12 час. дня двинулись в дальнейший путь. Проездом в Телине видели опять Волкова и весь тыл куропаткинской армии.

25 августа.

В 10 час. утра прибыли в Харбин. Встреча, хотя флаги были запрещены.

2 сентября.

На докладе адмирал высказал, что в Америке идет сильная агитация против Рузвельта в пользу Паркера на том основании, что опасаются империалистских замыслов Рузвельта. Адмирал думает, что эта агитация имеет шансы на успех. Я высказываю, что успех сомнителен, когда все увлечены идеями империализма, подогреваемые нашей войной, которая рисует воображению американцев в будущем обширные горизонты господства на обоих берегах Тихого океана. Адмирал говорит: «Вы не знаете американцев. Ловко пущенная агитация против возможности захвата Рузвельтом неограниченной власти

может иметь успех. Агитацию эту нам необходимо поддержать, хотя бы для этого надо было истратить миллион, потому что Рузвельт для нас в высшей степени опасный человек. Если он будет вновь избран на четыре года, то может бог знает чего натворить за это время». Я предложил написать об этом министру иностр. дел. Адмирал не очень склонялся к этому. (Я, может быть, напишу Гартвигу.)

6 сентября.

Наместник высказывает: «Как мы не подготовлены к войне! Как японцы нас опередили! Что, если бы война была на западе? Как немцы раскатали бы нас! Мы привыкли воевать только с варварскими племенами. Теперь несомненно, что японцы во что бы то ни стало хотели войны и сознательно готовились к ней давно. Через несколько лет они еще больше подготовились бы, а мы еще больше отстали бы, так что хорошо еще, что это произошло теперь. Как заблуждались Безобразов и Балашов, когда уверяли, что можно показать японцам кулак и этим удержать от войны!»

Я возражаю, что до известной степени это верно, но кулак надо было показывать давно, 10 лет тому назад, не допускать, чтобы Япония так зазналась, не повторять ошибки, которую мы сделали с Пруссией. Она окрепла при нашем благосклонном покровительстве, а потом нам же угрожает. То же самое мы сделали с Японией.

7 сентября.

Сегодня на докладе наместник опять возвращается к Японии. Поручает мне следить по японским газетам, не проглядывает ли у них желание мира? Я отвечаю, что нет, потому что они умеют скрывать, но что, несомненно, они истощены больше нас.

Наместник говорит, что, посещая госпитали, убеждаешься, что это за ужас война. Сколько жертв, сколько несчастных на всю жизнь! «Как бы было необходимо если не прекратить войну, то приостановить на несколько лет, отдохнуть». Я возражаю, что отдых, несомненно, пойдет в пользу Японии. Она еще больше подготовится, а мы нет. Наместник высказывает предположение, что если бы можно было добиться выгодного мира, то «следовало бы кончить войну, например, чтобы нам получить северную Манчжурию до Харбина и протекторат над южной Манчжурией». Я возразил: 1) японцы на это теперь не согласятся, пока мы их хорошенько не поколотим, 2) если мы даже добьемся этого, то это не будет решение вопроса, а лишь отсрочка. Это будет вторая Турция и второй восточный вопрос, который потребует периодических

войн и периодических жертв. Лучше уж сразу покончить с этим вопросом, а для этого окончательно привести Японию к одному знаменателю. Другого исхода нет.

8 сентября.

Обычный доклад в 10 часов, сейчас после Эбергардта. Намеетник— в мрачном настроении, начинает с того, что «я даже рассердился на Эбергардта, хочет, чтобы мы отказали англичанам (требующим освобождения захваченного Владивостокской эскадрой приза). Куда нам! Англия правильно рассуждает, что мы не можем справиться с Японией, а хотим тоже господствовать на морях, захватываем английские суда. Эбергардт говорит, что Англия нам войны не объявит, — да, но она нам н а г а д и т везде. Нет, мы еще дети. Мы сами не знаем, чего мы хотим, бросаемся со стороны в сторону. Качаемся, как старый рыдван на плохих колесах. Я 40 лет участвую в делах и наблюдаю и могу вам сказать, что мы не можем воевать. Нам надо как-нибудь окончить войну, потому что я не вижу возможности благополучного ее окончания; чем дальше, тем хуже. У нас нет твердого правительства».

Я возражаю: «А Николай I был на что тверд, а между тем Крымская кампания тоже кончилась неудачно». Адмирал говорит: «Николай первый был рыцарь, он верил в благородство держав и людей, и его кругом обманывали, так что, когда он убедился в этом, он отравился».

Я утешаю адмирала, что если наше положение тяжелое, то у японцев дела еще хуже. Мы еще можем терпеть, у нас неисчерпаемые рессурсы, а японцы поставили все на карту. В это время докладываю полученные от Павлова сведения.... [1]) о полном унынии в Японии, тщательно скрываемом правительством, и о желании заключить мир. Тут же приведены условия мира: протекторат Японии над Кореей, отказ России содержать войска в Приамурском крае, удаление из Манчжурии, передача Японии Порт-Артура и т. п. и прибавлено, что военная партия считает эти условия недостаточными, требует взятия в плен Куропаткина и т. д. Адмирал рассердился и, повидимому, несколько успокоился. Глядя на него и слушая его, я подумал: «Вот, кто был бы настоящим правителем для России!»

15 сентября.

Наместник продолжает смотреть мрачно на положение дел.

Получил телеграмму Ламздорфа, что министерство всегда отстаивает достоинство России. — «Ну, вот видите, что с ними говорить,

[1]) Одно слово не разобрано.

когда они так убеждены! Все у нас плохо. И дай бог, чтобы эта несчастная война просветила нас. Если бы я обладал даром слова и пера, я посвятил бы свои труды на то, чтобы разоблачить наши недостатки, чтобы хоть следующие поколения прозрели». Я отвечаю: «Но вы на вашем месте можете больше причести пользы и более авторитетно писать». — «Кому?» Я отвечаю: «Государю». — «Что толку? Я напишу государю, он со мной согласится, а на другой день придет Ламздорф или другой и скажет совсем противоположное. Вот вам назначение кн. Святополк-Мирского министром внутр. дел. Разве это доказывает желание итти вперед, улучшить положение в России? Это — старый, дряхлый человек».

Относительно будущей судьбы Манчжурии наместник высказал, что теперь становится очень трудно сказать, будем ли мы в состоянии присоединить Манчжурию, даже если одолеем Японию. «Ведь надо не поссориться с Китаем. А как это сделать?» Я отвечаю: «Вот тут, может быть, выступит ваш проект отдать Китаю южную Манчжурию, но с тем, чтобы и в Корее японцы не господствовали, а то они сейчас же внедрятся в южную Манчжурию».

Адмирал: «Трудность является со всех сторон. Как быть с Кореей? Как убедить державы и как быть с Китаем?»

Я ответил: «Вот тут-то и нужна хорошая дипломатия. Как у англичан, когда их били в Южной Африке. Они повсюду на земном шаре высоко держат знамя и добивались всего путем настойчивости».

19 сентября.

Наместник озабочен, что мы сделаем с Манчжурией в случае удачного окончания войны и присоединения. Я отвечаю, что выписал себе описание Боснии и Герцоговины. Наместник говорит, что есть записка Куропаткина, которую он подал государю после возвращения из Артура осенью 1903 года. Я отвечаю: «Легко догадаться, что он писал: вероятно, то же, что он говорил на совещаниях, а именно, что нам южной Манчжурии не нужно, а надо присоединить северную до линии железной дороги. Но это невозможно теперь. Это было бы возможно раньше, пока южная Манчжурия была вообще закрыта для всех, но мы показали дорогу. Теперь там будут другие, если мы не пойдем. Надо непременно взять всю Манчжурию и постараться извлекать из нее доход». Адмирал говорит: «На это мы неспособны. У нас нет людей, нет умения, мы просто говняки». Я говорю: «Совершенно верно. Единственный способ, при котором у нас еще кое-как дело делается, это — дать широкие полномочия какому-нибудь одному сильному и умному человеку, как были даны Юговичу. Он завел невозможное положение: государство в государстве, беззаконие, но дорогу выстроил.

Посадите в Манчжурии Покотилова с обязательством извлечь доход и широкими полномочиями в этом отношении. И он извлечет. А потом можно будет все это оформить, упорядочить».

21 сентября.

Поздно вечером полк. Миллер, который помещается рядом со мной в отделении вагона, объявляет, что завтра наместник едет в Мукден и берет с собой только 9 человек, в том числе меня. Посоветовал взять с собой лошадь.

Положение дел такое. Японцы, повидимому, остановились верстах в 25—30 от Мукдена к югу и юго-востоку и дальше не двигаются. Но наместник хочет, чтобы наши войска перешли в наступление. Из телеграмм Куропаткина видно, что он и сам имеет такое намерение, и вот наместник решил поехать.

23 сентября.

В 9 час. утра прибыли в Мукден. Масса войск; все потоптано. Завтрак с Куропаткиным. Сахаров, Харкевич, Остен-Сакен, Хорват, Соболев, Жилинский, Флуг и я. Разговор о предстоящем наступлении войск. Куропаткин говорит: «Пришлем вам 50 тысяч раненых». Наместник возражает: «Есть только 20 тысяч мест по всему Дальнему Востоку». Куропаткин рассказывает о смышленности и способности применяться китайцев. Понадобились халаты — нет. Потом сейчас сообразили и несут множество. Понадобилась звездочка на погоны. Сейчас сообразили и сделали массу. Седла казачьи, вьюки, все это теперь продается во множестве.

Наместник предложил тост Куропаткину: «Не за успех, а только за ваше здоровье, тогда будет успех». Куропаткин был тронут, благодарил за доверие. После завтрака Куропаткин посидел немного у адмирала, а затем уехал верхом на передовые позиции в Эрдагоу. Адмирал сбнял и поцеловал его.

После этого было решено, что, как только мы услышим выстрел или получим известие о начавшемся бое, тотчас поедем на юг до Шахе, а оттуда верхом на позиции.

25 сентября. Мукден.

До сих пор сидим. Никакого выстрела нет, и нет известий от Куропаткина. (Он всетаки не пустил наместника объехать войска перед боем.)

Вечером после обеда меня позвал к себе наместник и, прежде чем перейти к делу (инструкция Богданову, который отправился в Монголию), стал распространяться о взятии Артура. О том, как это все вредно и необдуманно было сделано, — началось со «с п р я м л е н и я»

железной дороги через Манчжурию. Я доказываю, что между этими двумя вопросами нет ничего общего. Спрямление было правильно и мудро, а про движение на юг можно говорить и высказывать разные мнения, но оно не вытекало из «спрямления». Я рассказал историю того и другого, а именно:

О проведении железной дороги через Манчжурию говорили в 70-х годах Копытов и другие, но это потом было забыто. Когда наследник в 1891 г. открывал железную дорогу, она была намечена на Хабаровск по Амуру. В 1895 г. появилась записка какого-то ген.-м. Казанцева о том, что лучше провести через Манчжурию, чем выгадывается 600 верст; за эту мысль ухватился Витте и в 1896 г. во время коронации подписал в этом смысле контракт с Лихунчаном. Подписал также Лобанов.

Наместник говорит: «Как же умные люди не предвидели, что влезть в чужую территорию это поведет к разным недоразумениям; нельзя же сравнивать с Бухарой!»

«Не с Бухарой, а общий политический закон — если провести железную дорогу через чужую территорию, то это ведет к мирному ее завоеванию, что нам и нужно было, чтобы приобрести правый берег Амура и довершить дело Муравьева-Амурского. История Артура такова. Мы считали бухту Киаочоу предоставленною нам для стоянки судов».

Адмирал говорит: «Это — моя идея, которую я провел чрез гр. Кассини, чтобы не быть обязанными держать суда в Японии, а иметь самостоятельную стоянку».

— «Вот гр. Кассини и отстаивал Киаочоу от немецких поползновений. Но был такой момент: в Пекине — М. Н. Гирс, в Петербурге — управляющий министерством Лобанов. Приходит германский поверенный в делах Чирский, указывает, что Германия желала бы занять бухту Киаочоу, но знает, что первое право принадлежит России. Лобанов ответил, что Россия никаких особых прав не имеет. Тогда германский император телеграфировал: «Vu le désinteressement de la Russie, j'ai ordonné à ma flotte d'occuper la Bay de Kiaochoy». Китай обратился к нам за помощью. Мы ответили, что, не имея порта в Желтом море, мы не можем оказать помощи, и попросили разрешения временно занять один из портов на севере Печилийского залива. Тем временем Островерхов проехал на «Отважном» из Чифу в Телянвань и описал бухту, заметив, что если бы нам пришлось иметь порт в Желтом море, то Талянвань наиболее удобен. За эту мысль ухватились, несмотря на настояния морских сфер, указывавших на Кордю, Мосампо, Каргодо. Гартвиг написал записку, которая 11 ноября 1897 г. была представлена министру и, после некоторых колебаний,

государю. Государь созвал совещание, где были Витте, Муравьев, Куропаткин, Тыртов и еще кое-кто, не помню. Тыртов был против. Остальные нерешительно высказывались — и согласились».

Адмирал говорит, что Витте и Куропаткин категорически утверждают, что были против.

Я стою на том, что они это теперь утверждают, а тогда согласились. Если бы они искренно были против, то, наверное, сумели бы убедить государя. Я обещал когда-нибудь, когда буду в Петербурге, доказать документально, что Витте не был решительно и убежденно против приобретения Артура. То же и Куропаткин.

Адмирал говорит, что не мог он разделять мнения о необходимости занятия Артура, если теперь, в ноябре прошлого года, он подал государю записку, где доказывает, что даже теперь, несмотря на сделанные затраты, надо Артур отдать.

Я продолжаю стоять на своем, что они теперь прозрели, но тогда вовсе не были так убеждены в этом, как теперь.

Адмирал высказывает пророчество и говорит: «Запишите у себя, что мы еще и теперь кончим тем, что отдадим Артур. Произойдут у нас внутренние реформы, и потребуют наши, чтобы мы бросили эту затею и убрались совсем с Дальнего Востока».

Это будет очень грустно!

30 сентября.

Все эти дни одно и то же: мы сидим в поезде. Слушаем с утра до вечера канонаду верстах в 20—30 к югу от Мукдена. С жадностью ловим получаемые с передовой линии известия. Бой страшно упорный. С трудом отстаиваем позиции. Временами бросаются в рукопашную, но, большею частью, артиллерийская пальба. Тем временем каждый поезд с юга привозит раненых. Адмирал ходит по вагонам и по госпиталям, раздает знаки отличия. Все это производит на него удручающее впечатление. Он мрачен, не в духе.

1 октября.

Адмирал заговорил о войне, прислушиваясь к раскатам неумолкавшей пальбы. Стал распространяться о том, что у нас нет патриотизма, нет единства в действиях. Командиры корпусов не умеют вселить бодрость войскам, не умеют распорядиться, оттого нас бьют. Единственный кто нас выручает — это несчастный солдат. А командиры — это телепни, какие-то бароны — Штакельберг, Бильдерлинг, Мейендорф. «Всех их надо было давно сменить. Я докладывал государю, а Куропаткин представляет их к наградам. Но этого нельзя докладывать письменно. Надо бы мне съездить в Петербург и лично доложить государю,

вот как я теперь с вами говорю... Да плохо, плохо. Куда нам до японцев! У них всякий офицер знает свое дело, относится к нему с любовью, рвением и патриотизмом. Оттого они и бьют нас».

Завтра в 6 час. утра уезжаем из Мукдена.

2 октября.

Выехали по расписанию в 6 час. утра. Едем довольно тихим ходом весь день; завтра, в воскресенье, утром в 9 часов будем в Харбине.

На докладе адмирал распространяется о том, как плохи командиры корпусов и сам Куропаткин. Я беру смелость сказать, что «если вы признаете полезным ехать в Петербург, то надо ехать. В вашей истории уже есть один пробел, что вы перед войной не поехали в Петербург. Это тоже было необходимо и, если бы не отвратило войны, то открыло бы многим глаза на истинное положение дел здесь на Дальнем Востоке и на неизбежность войны».

Адмирал ответил: «Может быть, все к лучшему. Рано или поздно все убедятся в том, что войну вызвал не Алексеев или другой, а вся совокупность обстоятельств и вся история Японии. Ей надо было воевать или остановить свое развитие. Теперь только Европа поняла, какая это сила и какую опасность для всех представляет Япония. Вот почему нам во что бы то ни стало надо разбить ее. И, может быть, лучше, что война началась теперь, когда Германия не враждебна к нам и в Европе довольно спокойно. А подумайте, что было бы, если бы начались осложнения на Балканском полуострове и т. п., и в это время Япония напала бы на нас? Слава богу, что это теперь! Все равно и через год и через два мы не были бы готовы».

Вечером за обедом адмирал возобновил разговор с Миллером и Хорватом о необходимости построить второй путь, по крайней мере, между Харбином и Мукденом и на этот раз, кажется, энергично принялся за это дело. Он приказал Хорвату сделать особое представление, прибавив: «Я сам доложу государю».

4 октября.

Доклад. Монгольские дела. Богданов, посланный для изучения Монголии, хочет вооружить отряд против китайцев. Наместник поручает сочинить ответ, воспрещающий такую деятельность.

10 октября.

Получено отношение управляющего Комитетом Дальнего Востока с передачей воли государя присоединить Манчжурию: сказано, что государь поручил обратить внимание наместника и запросить соображений по двум вопросам: 1) о портофранко, 2) о присоединении Манчжурии, — ввиду невозможности получить контрибуцию с Японии

и Кореи единственное обеспечение — присоединение Манчжурии [1]). Продление нейтралитета Китая нежелательно, ибо ведет к продолжению неопределенного и вредного положения в Манчжурии. Если несвоевременно во время войны, то все же не надо упускать момент и сейчас. Сместить цзяньцзюней, тем более, что после накопления наших сил нарушение Китаем нейтралитета будет менее вероятно. Приняв на себя высшую администрацию, оставить на месте низшую туземную.

Адмирал поручил мне составить ответ. Он получился в следующем смысле:

Контрибуцию можно взять и с Японии и с Кореи независимо от наших отношений к Китаю и решения манчжурского вопроса. Присоединение Манчжурии всегда считал неизбежным последствием всей совокупности событий, но сознавал трудность найти законный предлог и надлежащий способ присоединения. Что нынешнее положение в Манчжурии вредно — это неверно. Китайское правительство, желая соблюдать нейтралитет и угодить Японии, издает воспрещение продавать что-либо русским. Но это не соблюдается. Армия снабжается в Манчжурии. Так что положение в Манчжурии удобнее, чем было бы во всякой другой стране. Удобно и потому, что мы за это не обязаны благодарить китайское правительство, которое, напротив, воспрещало. Мы обязали к справедливому отношению к войскам. Объявление. — Против китайского правительства, напротив, мы имеем перечень обвинений, которые будут предъявлены, когда настанет удобное время. Но время не настало. Нарушение нейтралитета поведет к открытой борьбе. Китай пустит в ход все средства: 1) воспретит продавать, 2) хунхузы, 3) армия Юаншикая и Ма. Все это потребует такого отвлечения сил, что исполнение главной задачи отдалится и затянет войну. На том же основании несвоевременно смещение цзяньцзюней: 1) нет повода, 2) нет готового персонала, чтобы сейчас вступить в управление Манчжурией во время войны. Приняты меры изучения страны, но оно еще не закончено.

По всем этим соображениям продолжаю держаться взгляда, высказанного во всеподданнейших телеграммах 12 февраля и 12 апреля, что, пока не сломим окончательно главного врага, необходимо удерживать Китай от нарушения нейтралитета. Когда же главная задача будет достигнута, тогда настанет время решения манчжурского вопроса путем переговоров с Китаем: 1) или предъявить список обвинений и за это присоединить или 2) указать, что воюем с Японией и, отняв у нее с большими усилиями Манчжурию, присоединяем ее, как естественный результат успехов. Китай же должен пенять на

[1]) Так в подлиннике.

себя, что допустил Японию вторгнуться в Манчжурию, не встретив даже возражения.

Высказывая с полной откровенностью эти соображения, поясняю, что они — мое личное мнение, не притязающее на безошибочность. Вопрос о присоединении и управлении Манчжурией — столь важный государственный вопрос, что решение его требует серьезного всестороннего обсуждения при участии лиц, облеченных монаршим доверием, обладающих надлежащим опытом и хорошо осведомленных с общим политическим положением на Дальнем Востоке. Притом вопрос этот требует особой осмотрительности, потому что едва ли не впервые присоединяется страна с густым населением, трудолюбивым, тесно сплоченным и органически связанным с жизнью многомиллионного китайского народа и его бытовым и государственным строем.

12 октября.

Все эти дни шло обсуждение предыдущего ответа к.-а. Абазе. Вчера вечером Захар Яковлевич объявил, что адмирал едет в Петербург с небольшой свитой, в том числе — я.

Сегодня на докладе адмирал показал мне телеграмму государя (приблизительно): «Снисходя на многократные просьбы ваши об увольнении от командования сухопутными войсками, признал за благо назначить главнокомандующим ген.-ад. Куропаткина, оставляя вас наместником моим на Дальнем Востоке. Благодарю за сформирование и подготовление войск. Прошу прибыть в Петербург для обсуждения дальнейшей политики нашей — как результата войны».

На этом основании полевой штаб расформировывается. Канцелярии гражданская и дипломатическая остаются при наместнике. 17 октября выезжаем в Петербург.

13 октября.

Адмирал не в духе. Редко я видел его таким злым. «Разве у вас есть доклад?» — Видимо, на него производит впечатление все, что происходит, хотя он бодрится.

14 октября.

Наоборот, настроение великолепное. Уверяет, что он давно просил государя освободить его, что у него на это есть гражданское мужество. Предложил наградить всех.

Собираемся в путь, после завтра отъезд. Продаю лошадей, вещи.

17 октября.

Выехали из Харбина. Адмирал призывает меня не для доклада, а чтобы предупредить, что дипломатическую канцелярию надо расформировать.

«Какой смысл имеет дипломатическая канцелярия в Петербурге? Не могу же я оттуда вести сношения с Лессаром и др. Я даже не наместник, потому что большая часть наместничества подчинена главнокомандующему, а я же не могу подчиняться ему. Нет, вы подумайте о расформировании. Мне нужны только вы и Щербина. Остальных можно отпустить».

Я ответил, что главнокомандующий заведует военными действиями. Его дело победить. «А вы озаботьтесь, как использовать победу с точки зрения общих интересов наместничества и сопредельных стран. Затем, кроме войны, есть масса интересов гражданского свойства: железные дороги, золотопромышленность, углепромышленность, переселение и пр., а главное — такие вопросы, как манчжурский, монгольский, корейский, которые никак не обойдутся без вашего отзыва. Вот вам масса работы. Придется в Петербурге писать отзывы по множеству вопросов. Надо переписать — вот работа для канцелярии. Когда генерал-губернатор приезжает в Петербург, он работает больше, чем у себя на месте. Словом, трудно, что-нибудь сказать теперь, пока не выяснится положение в Петербурге, и вы не услышите, что скажет государь. Но если понадобится нас упразднить, то это легко. Я скажу гр. Ламздорфу, что мы упразднены и просим вновь принять нас под свое покровительство».

— «Зачем вы будете говорить это Ламздорфу? Вы должны быть крайне осторожны, не бросаться сейчас в объятия гр. Ламздорфа. Это мое дело сказать ему то или другое».

— «Как прикажете. Я только хочу сказать, что готов подчиниться всякому решению».

(Вероятно, адмирал в душе склонился на мои доводы). Он все-таки сказал: «Вот увидите, что нам придется ликвидировать дела и упразднить канцелярию. Запишите это у себя».

Между прочим, адмирал сказал, что останется в Петербурге, вероятно, до конца войны.

22 октября.

Едем по тайге, запорошенной снегом. Доклад по поводу убийства в Монголии подп. Богданова, посланного для отдачи визита Горлосскому князю. Недели полторы раньше он ездил к Чжеримскому кн. Удаю. Но там вместо исследований и поддержания дружбы возбуждал монголов против Китая. Очень может быть, что китайцы теперь подкараулили его в отмщение за его агитацию. Подробности сообщил Жилинский. Богданов выступил со станции Тунчисан, ближайшей к Харбину. 19 октября встретился вооруженный китайский отряд

из 30 человек. Выстрелами убит Богданов и переводчик, остальные прискакали обратно, принесли эту весть. Послано два разъезда на поиски тел убитых.

Сочиняем энергичную телеграмму Лессару с требованием протеста и наказания виновных.

26 октября.

В 10 час. Уфа. Доклад у адмирала; он просит меня быть осторожным в Петербурге, не говорить с корреспондентами газет, вообще не говорить в обществе ни за, ни против него. Уверял, что больше наместником не останется. «C'est fini, c'est bien fini! По русски нельзя так выразить». — Участвовать в обсуждении вопросов будет с удовольствием, но самому играть активную роль — довольно!

28 октября.

В 9 ч. вечера прибыли в Петербург. Встречало много народу — адмиралы, генералы, большею частью незнакомые. Адмирал поехал прямо в «Европейскую гостиницу».

Государь уехал напутствовать войска Варшавского округа на войну. Вернется 31-го.

29 октября.

После завтрака представляюсь гр. Ламздорфу. Разговор о положении дел в Артуре и в Манчжурии. Министр в общем был довольно холоден.

2 ноября.

Адмирал представлялся государю. Встретил там выходившего гр. Ламздорфа. Церемонный поклон. Государь держал адмирала три часа.

В среду визит адмирала графу Ламздорфу, оставил карточки.

Мое представление государю.

В субботу 13 ноября записался в экспедиции церемониальных дел у Кониара (которого временно заменяет Вас. Всевол. Евреинов).

В понедельник 15-го получаю повестку, большую карточку, на которой написано: «Его императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше разрешить вашему превосходительству представиться в среду 17 ноября сего 1904 г. в 12 час. дня в Царскосельском дворце, о чем церемониальная часть министерства имп. двора имеет честь уведомить»...

В назначенный день, в среду 17 ноября, одеваю малый мундир с белыми штанами, треуголку с черным плюмажем, шинель. Еду в половине 9-го сначала в «Европейскую гостиницу» представиться наместнику; к 10 час. на Царскосельский вокзал.

Поезд отходит в 10 час., требуют билеты.

В Царском Селе толпа придворных лакеев осаждает прибывших,

спрашивает фамилии вперемежку. Общая каша. Очевидно, всякому лакею поручены определенные лица (по два), и они их разыскивают. Так как было нас человек 20, то выходила большая путаница. Наконец, каждый лакей отыскал своих двух пассажиров, садит их в кареты или коляски. Едем не прямо во дворец, а в лицей. Там приготовлен чай — час сидим там, пьем чай. К 12 часам едем во дворец. Первый зал Louis quinze, с бюстами имп. Николая Павловича и семейства, второй зал — картины; третий — скамейки — качалка, четвертый — горка скатываться и велосипеды, пятый — библиотека. Здесь ожидаем. Камер-фурьер с пером на шляпе приглашает сначала судебных чинов — около десяти, потом военных, потом гражданских: нас было пятеро: самарский губернатор Брянчанинов, бывший начальник почт и телеграфов Андреевский, я, сувалкский губернатор Стремоухов и еще какой-то камер-юнкер. Но было уже поздно, тот же камер-фурьер сказал, что государь нас примет в $2^1/_4$, т. е. после завтрака.

Мы поехали опять в лицей завтракать, потом вернулись. Стоим в столовой с портретом Александры Федоровны. Входим по очереди в кабинет государя. Я вхожу, низко кланяюсь, рекомендуюсь: «Начальник дипломатической канцелярии наместника Плансон». Государь дает мне руку, говорит: «Я вас хорошо знаю, не лично, а по вашим донесениям. Вы все время состоите при наместнике?» — «Все время, я поехал на Восток вместе с ним, два года тому назад, когда он возвращался туда из отпуска». — «Вы также были в Пекине?» — «Точно так, ваше императорское величество, это было, когда вы были в Ялте. Лессар заболел, и вы повелели мне ехать в Пекин заменять его». — «Да, помню, помню. Как вы нашли китайцев?»— «Я нашел, что можно с ними ладить. Я вел переговоры об эвакуации Манчжурии и пришел к убеждению, что они уступят, надо только было... (государь подсказал: «напереть») и не отступать ни на шаг от предъявленных требований. В это время вернулся Лессар. Он не совсем разделял такое мнение. Китайцы отказали. Может быть, события приняли бы другой оборот, если бы они согласились».

Государь: «События едва ли изменились бы, но отношения с Китаем были бы лучше». — «Вы были в Японии?» — «Нет, не успел и жалею, Япония не будет уже той патриархальной страной, как прежде». — «А потом вы вернулись в Порт-Артур?» — «Да, я вернулся тогда, когда ген. Куропаткин приехал туда из Японии, начались совещания, а потом переговоры с Японией». — «После этого вы были в Артуре?» — «Да, с наместником два раза». Государь: «Да, впрочем, я помню, я читал ваши донесения о военных действиях, об отражении брандеров. А...» [1].

[1] На этом запись аудиенции обрывается.

Из записной книжки архивиста.

Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г.

Публикуемый ниже проект протеста политических ссыльных относится к 1888 году — ко времени злейшей реакции, когда Александр III, «победоносно» управившись с крамолой в России, от расправы с живыми перешел к расправе с еще недобитыми революционерами. Тут царь уже никого и ничего не боялся. При этом нельзя не отметить, что этим отнюдь не начиналась «новая эра» в отношении к ссылке. И до этого было ясно, что судьба политических ссыльных находилась в строгой зависимости от политики правительства в каждый данный момент. В моменты политической «оттепели» обращение с ссыльными было вежливое. Но как только из царской столицы начинал дуть ветер реакции — немедленно, даже в отдаленных медвежьих углах необъятной Сибири, происходила внезапная перемена, без малейших переходов, сразу, буквально врасплох.

Еще накануне ссыльные в данной местности свободно ходили на охоту, не возвращаясь в место ссылки иной раз по два, по три дня. Местные власти относились к этому не только терпимо, но в частных разговорах сами отмечали, что нелепо в Сибири обращать внимание на такие отлучки или придерживаться буквы закона и не разрешать ссыльным пользоваться охотничьим ружьем.

Вдруг все сразу меняется. Ссыльному не разрешается даже кратковременная отлучка за пределы города или села, назначенного ему для жительства. Устав о ссыльных, накануне еще хранившийся в архиве, покрытый пылью забвения, вдруг снова обретал силу закона... В связи с этим начинались скандалы, протесты, высылки все дальше и дальше на север и восток...

Но раньше после такого временного «мороза» наступала опять-таки временная «оттепель». После 1 марта 1887 г. репрессии были возведены в принцип.

Авторы «протеста», — насколько мне известно, не получившего широкого распространения и, во всяком случае, не нашедшего широкого отклика в среде ссыльных, — были лишь первыми вестниками надвигавшейся бури. Эта буря вскоре разразилась. Протесты ссыльных в Сургуте, принявшие боевой характер, расправа с ссыльными на Сахалине, «Мартовский» якутский протест 1889 г. и кровавые события на Каре — все это звенья в цепи репрессий и откликов на них политических ссыльных. Печатаемый ниже бумажный протест был началом борьбы; разразившиеся вслед за ним действенные протесты вызвали отклики не только в ссылке (протест балаганских ссыльных), но и в России (письмо Цебриковой к Александру III) и за границей — митинг протеста в Гайд-Парке в Лондоне.

Феликс Кон.

Копия с гектографированной рукописи, отобранной 26 июня 1888 года в гор. Тобольске при обыске у сына чиновника Василия Иванова Бармина [1]).

Братья-товарищи! Прилагая при сем проект протеста русской политической ссылки против мер правительства, мы считаем излишним подробно изъясняться насчет мотивов, вынуждающих нас обращаться к вам за вашим нравственным и фактическим содействием. Вам ли объяснять значение всякой организации!

Произвол и провокация администрации за последнее время вызвали, как вам известно, ряд единичных, иногда кончавшихся очень трагично, протестов. Но они происходили случайно, вызывались отдельными возмутительными выходками, поддерживались лишь местной колонией.

Отсюда их бессилие и непроизводительность. Нам в качестве революционеров позволителен не этот путь реакции против частных и местных оскорблений, а разве только принципиальный протест против порядка вещей, допускающего возможность таких явлений. Протест этот, будучи принят ссылкой, уже сам по себе есть начало и почва организации, но нам желательно не ограничиваться этим, а выдвинуть из нашей среды боевую дружину, к членам которой мы чувствовали бы полное доверие и деятельность которой состояла бы в беспощадной борьбе с деспотизмом без фраз. Оказать нравственную поддержку этим выбранным, содержать их, — это, мы надеемся, не превышает ни нравственного уровня, ни материальных средств ссылки, из каких больных и измученных элементов она ни состоит. Сложись такая организация, — ее влияние на волю, ныне растерявшуюся и утомленную — несомненно. Излишне говорить потом, какое впечатление на нашего врага и на общество произведет это появление на сцену истории людей, которых они считают погребенными в снегах и тундрах.

Мы зовем вас, братья, к продолжению борьбы с врагом, никогда не бывшей так настоятельной, как ныне, к борьбе, которую каждый из вас прервал не по своей воле. Поэтому без прения сомкнемся, братья! Раз дело дошло до лома, до теоризирования ли тут!?

Ваше величество! получение вами, императором всероссийским, нижеследующего заявления от имени русской политической ссылки, группы, не признанной законом, не должно изумлять вас или заставить искать корней и нитей новой организации: русская политическая ссылка есть результат систематических стараний вашего же правительства создать такую группу. Связанная единством идей и нравственного чувства, а главное — единством интересов и преследований, которым она подвергается, русская политическая ссылка не могла не дойти до сознания, что, хотя бы и не признанная законом, она является крупнейшим социально-политическим фактором нашего времени.

В самом деле, самого поверхностного взгляда на историю русского законодательства за последние 15 лет достаточно, чтобы убедиться, что стоило появиться в России политически мыслящим людям, чтобы императорское правительство взялось за их объединение; раз, таким образом, находилось политическое движение, его существования было достаточно, чтобы теперь не осталось той сферы жизни, в которой бы не чувствовался переворот. За-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Дело деп. полиции № 64—1888 г., 4 делопроизводство, «Об отставном коллежском регистраторе Иосифе Довконте, Павле и Иване Сухановых, Василии Бармине, Сергее Жебуневе и др.» Текст публикуемого документа подготовил к печати В. И. Истомин.

конодательные изменения в смысле реакции, коснувшись сначала политической реакции [1]), не могли замкнуться в этой области, как ни сильно количественно было движение, сюда направленное. Для подавления политического движения императорское правительство, слабое и скудное в творческом смысле, как и всякая деспотическая, вне общества стоящая власть, употребляло, надо отдать ему справедливость, самые отчаянные и судорожные усилия. Оно из конца в конец изменило всю организацию полиции, превратив ее из охранительницы благоустройства и общественной безопасности в простое орудие политической борьбы. Оно уничтожило только нарождавшийся «скорый, правый и милостивый» гласный суд, заменив его учреждением, цель которого — не правда, а охранение всего разлагающегося. Крымской кампанией наученное, что без помощи самоуправления оно даже не в силах использовать как следует в своих целях народ, оно ныне подрубает и тот сук, на котором само держится. Оно даже уничтожило школу и науку, поставив на их место ту комедию, в результате которой, с одной стороны — педеля и казаки, с другой — хотя бы убитые в Москве студенты.

Если прибавить к этому, что ваше правительство не остановилось на этом, а осмелилось даже развенчать идею всероссийского императорского достоинства, все же имеющую свое историческое значение, и не усумнилось заставить русского царя сделаться исключительным слугой узких дворянских интересов, вашему величеству ясно будет, что нельзя ни укорять ваше правительство в вялости действий, ни игнорировать ту силу, которая вызвала всю эту лихорадочную деятельность.

Сила эта, ваше величество, называется «русской революционной социально-политической партией». В спокойном, непоколебимом сознании этой силы, мы, «русская политическая ссылка», служители и представители ее, считаем нужным ныне обратиться к вам. Да не утешается ваше величество тем, что в нашем лице обращается к вам не какая-нибудь свободная, тайная, действующая на воле воинственная организация, и тем, что как нас ни много в ссылке, все наши имена записаны в книгах! Эти соображения не основательны. Правда, мы в ссылке — под неусыпным надзором; правда, каждый из нас сидел и в тюрьмах и в крепостях вашего величества; правда, много из нас больных и изувеченных и уставших в борьбе; но правда [1]) наконец, мы заброшены в отдаленных тундрах, — но, как бы, ваше величество, ссылка как таковая не была мало опасна сама по себе, она заключает в себе еще слишком много людей, у которых за словом быстро следует дело, чтобы не считаться с ней, она есть будущее слишком большого количества еще здоровых и свободных людей [1]), чтобы не бояться и не уважать ее. Она слишком большой нравственный авторитет, чтобы не выслушивать ее серьезной [1]) и почтительно. Сегодня она спокойно и твердо протестует, а завтра борьба будет уже не та — в чем она умоет себе руки.

В политической борьбе, в борьбе не на жизнь, а на смерть, у врага не просят пощады. Но нужно время от времени напоминать врагу, к каким приемам он прибегает, — нужно показать и посторонним свидетелям и самому врагу, до чего он уничтожается [2]), каких он средств не избегает... [3]) его политику для того, чтобы оно либо имело смелость провозглашения своего

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Следующие 2—3 слова в листке, с которого писалась настоящая копия, не вышли. (Прим. в подлиннике.)

поведения, либо отказаться от него. Такова наша цель.

Назначив в отделе о государственных преступлениях драконовские наказания за всякий шаг против него, русское правительство после дела В. Засулич, доказавшего, на чьей стороне народная совесть, решило законный суд и им же введенное судопроизводство не применять больше к нам. Оно решило, что гораздо удобнее в своем деле одновременно явиться и потерпевшим, и обвинителем, и судьей! С тех пор в политических делах были обвиняемые, были обвинители, но не стало ни защиты, ни следствия. Началась та эра административного произвола, которая не окончилась до сих пор, которая стоила обществу лучших его представителей и обессилило [1]) его до современного позорного уровня. Против этой разнузданной расправы протестовало и общество в эпоху веяний, не раз требовавшее прекращения административного произвола, протестовали и мы, и наши товарищи, отказываясь от комедии суда и следствия, замененных жандармскими дознаниями.

Но об этой теме мы не будем распространяться. Когда императорское правительство, под предлогом легализации практики произвола, издало свои положения об усиленной охране и о полицейском надзоре, [раздался] крик единодушного ужаса в обществе пред этим новым белым террором. Без суда и следствия русское правительство оставляло за собою право на 5 лет упрятать любое неприятное ему лицо в отдаленнейшие тундры. Дознания по таким сложным делам оно поручало юристам и поручикам жандармского корпуса; зная нужду России в интеллигентных людях, русское правительство не призадумалось пред тем, что оно расхищает все надежды, все материальные средства общества, затраченные на создание этих лиц. Но как ни велико было потрясение, произведенное обнародованием этих актов, все же общество знало, чего ждать по новым законам тем, кто, невзирая на застращивание, не в состоянии был отказаться от следования своим идеалам. Общество себя успокаивало тем, что эти меры — исключительные, временные, что дальше итти, по крайней мере, положительно некуда.

Ваше величество, общество ошиблось. Вы и ваши агенты переступили пределы, ниже которых не проглядывало общественное презрение [1]). Вы и ваши агенты ежедневно нарушали и нарушаете вами же изданные исключительные законы. Напомним вам коротко факты.

1. Положением об усиленной охране предусматриваются случаи и максимальные сроки предварительного заключения; административное делопроизводство, по этому исключительному закону, не должно тянуться более 3-х месяцев. Со времени министерства г. Манассеина предварительное заключение тянется 3 и более лет, в среднем же продолжается никак не менее 2 лет. Русская политическая ссылка протестует против этого.

2. Хотя приговор и гласит о высылке в такое-то и такое-то место, но он немедленно по подписанию [1]) его приводится в исполнение, а приговоренному приводится [1]) продолжать сидеть в одиночном заключении несколько месяцев, иногда чуть ли не год, конечно, при существующих тюремных условиях, здоровье заключенных подтачивается вконец. Между тем это дополнительное наказание считается простым отбыванием срока ссылки. Русская политическая ссылка протестует против этого.

3. Затем условия доставки на место, по этапному пути, являются новым неслыханно возмутительным нарушением законов. Мы уже не говорим о том,

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Так в подлиннике.

как долго она тянется. Но вся ссылка опутана такою сетью секретных циркуляров, из которых каждый представляет противоречие закону и нарушение его, что трудно разобрать, где кончается беззаконное царство циркуляров и где начинается область неограниченного частного произвола. Фигурирует ли в секретных циркулярах власть конвойного начальника в качестве верховного закона? Значится ли в них, что избиение прикладами есть законное средство верного доставления на место препровождаемых в ссылку? Числится ли в списке прав конвоиров изнасилование каждой женщины, идущей в партии? Мы не приводим фактов, имеющих быть опубликованными, со всеми относящимися сюда документами, в органах революционной прессы, но мы напомним, что женщины-каторжанки насиловались при переводе из Кары в Якутку на поселение, что, например, на Сийском этапе Архангельской губернии покушения на изнасилование каждой проходящей женщины и девушки вошли в обычай. Мало того, на жалобу по этому поводу одной 17-летней девушки этапный начальник не только не обратил внимания, но даже, несмотря на ее просьбу, назначил и в дальнейший путь ей того же конвоира, — должно быть, для того, чтобы он ее изнасиловал. Неужели именно это предписывается секретными циркулярами? А если нет, то почему же господин архангельский губернатор на коллективную жалобу об этом товарищей наших счел возможным только вступить с ними в ироническую переписку, ни одним словом не намекая на то, что изнасилование и избиение — явления незаконные? Если это незаконное явление, то почему воинский начальник г. Вологды перед толпой народа произнес на улице конвоирам речь, приблизительно такого содержания: всячески ругая всех арестантов, он предписывал солдатам обращаться с ними построже. Особенно же строго велел он обходиться с политическими: «Коли что-нибудь, так вяжи его, бей прикладом, коли штыком, изруби и брось в сортир. Это — внутренние враги, враги царя и отечества; каждый солдат должен истреблять их; коли убьешь, не только не ответишь, но заслужишь честь и славу!» Правда ли, что секретные циркуляры предписывают нечто подобное? И если императорское правительство велит так поступать, то почему же не опубликовать относящиеся сюда постановления?

Русская политическая ссылка, имея в виду 1) длинноту и утомительность этапного пути, 2) опасность его с точки зрения заразных болезней и 3) насилие и грубость как вообще по отношению к политикам поощряемых к тому солдат, так и, в частности, превратившиеся в обычай покушения на изнасилования наших жен, сестер и других товарищей женщин, горячо протестует против этапного препровождения (практиковавшегося до 1883 года) политиков в ссылку и, если уж ссылка необходима, требует восстановления жандармского препровождения, практиковавшегося до 1883 года, и издания гласных узаконений, регулирующих этот вопрос [1]).

4. Переходя к самой ссылке, не знаешь, на какое беззаконие сперва указать. Ссылка имеет, по указанию юристов-теоретиков, то преимущество перед тюрьмой, что тут удаляемый из прежнего общества сочлен его имеет возможность производительным трудом 1) окупить свою жизнь и [1]) или же 2) быть полезным тому молодому краю, которому квалифицированные виды труда так недоступны. Императорское правительство сразу одним почерком пера уничтожило это преимущество, но сохранило ссылку. Выбирая самые нездоровые места, оно скучивает там ссыльных, не дает им трудиться и вза-

[1]) Так в подлиннике.

мен всего этого выдает совершенно произвольно ничтожную сумму каждому, сумму, вообще не превышающую 6 рублей. Сумма эта получается не каждым [1]), и хотя на нее физически нельзя существовать, часто в ней отказывают тому, кто со стороны получает хоть грош. Русская политическая ссылка требует, чтобы ей дали возможность трудиться, или, чтобы ей обеспечили средства, необходимые для существования. Против существующей унизительной для ссылки и вредной для окраин системы обеспечения средств ей [1]) русская политическая ссылка протестует.

5. Другой ряд произвольных распоряжений, — по словам местной администрации, опять-таки основанных на секретных циркулярах, — заключается в порядке расселения административно-ссыльных. Почему в Сибири и на Севере России вошло в практику назначение в деревни ссыльных или больных в неудобообитаемых местах? Больные, таким образом, не только лишаются облегченной возможности добывать себе хлеб, но и прямо остаются без всякой медицинской помощи. Входит ли убийство ссыльных оставлением их в опасности и бездействием власти в круг одобряемых циркулярами действий? Если да, отчего не опубликовать эту оригинальную меру предупреждения и пресечения? Если нет, как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потайного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи, без обеспечения права быть переводимыми в города, где есть больницы или врачебный уход, и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол или обнародовало, что оно принимает на себя ответственность за эти убийства.

6. Организация надзора на местах является новым безграничным полем произвола. Искусный, целесообразный и законный в одних, немногих местах надзор полиции, в других принимает вызывающий характер: то запрещаются отлучки за черту города, иногда предписанные найденным занятием, иногда врачом, то те или иные занятия, те или иные знакомства, наконец. Надзор, деятельность полиции — по идее, в иных местах вырастает в обязанности самих ссыльных, которым приходится просто нести полицейскую службу — являться в полицию чуть ли не по два раза в день, расписываться и т. д. Русская политическая ссылка протестует против этого — она отказывается от пособничества шпионству полиции, она требует регулирования относящихся сюда норм, требует, чтобы полиция не запугивала обывателей накладыванием и на них полицейских функций.

7. По положению об усиленной охране maximum срока административной, т. е. бессудной, ссылки равен 5 годам. Ваше величество незаконным продлением предварительного следствия, как уже сказано, сумели лишение свободы протянуть до 7 лет. Недовольный однако этим, в собственноручно вами подписанных приговорах за последнее время вы увеличиваете сроки ссылки до 6, 7, 8 лет и даже до 10, вы даже сочинили новый вид административного мучения — заключение в тюрьму, и все это без суда и следствия, когда сплошь и рядом сам осужденный не в состоянии по совести ответить, за что он погибает, за что изломали его жизнь. Административная ссылка, по бесправию того положения, в котором находятся подвергнутые ей, гораздо хуже ссылки по суду даже с лишением прав. Но лица последней категории, по крайней мере, на суде пользуются теми гарантиями правосудия, какие

[1]) Так в подлиннике.

вашему величеству благоугодно было еще оставить нетронутыми, — для политиков, убиваемых медленной смертью вынужденного безделия, изгнания и болезней, и этого нет. Русская политическая ссылка протестует против этого самодержавного произвола. Она требует, чтобы ваше величество, по крайней мере, оставались верны тому закону, который вы издали proprio motu, не руководствуясь даже мнением компетентных инстанций русского законосовещательного учреждения.

8. Два года предварительного заключения, от 5 до 10 лет административной ссылки, в совокупности 12 лет лишения свободы в ужасных условиях, переносить которые, конечно, удается немногим, — не широкий ли это, не роскошный ли предел самовластной мести и злобы?

Вы, ваше величество, повидимому, не думаете этого. Когда кончается срок ссылки и человек собирается на волю домой, где у него остались близкие, дела, деятельность, о которой он мечтал все время, а может быть, где его манит покой перед смертью, — тогда за последнее время все чаще и чаще ему предъявляют печатный бланк, на котором прописано, что вследствие всеподданнейшего доклада срок ссылки ему продолжается на неопределенное время. Но кончается и неопределенное — и ссылке конец, — можно ли хоть теперь успокоиться, вернуться назад? Мы уже не говорим о том, что всего чаще средств на это нехватает, и уже, конечно, не правительство вашего величества в этом ему помогает. Это мимо [1]). Но тут вдруг новое беззаконие: со ссыльного берется подписка в том, что ему объявлено, что он не имеет права въезда в район действий усиленной охраны. А ведь под усиленной охраной чуть ли не вся Европейская Россия, откуда почти мы все родом. Итак новый обман, новая игра слов! Русская политическая ссылка требует, чтобы ваше величество опубликовало относящиеся сюда циркуляры, ибо кого это тут обманывает самодержавный властитель русской земли! Русская политическая ссылка протестует против всей этой сети истинно подложной мести [1]).

9. Одну категорию наших товарищей императорское правительство своей политикой выделяет из нашей среды и этим заставляет нас говорить особо — мы разумеем евреев. В случае подозрения в политической неблагонадежности принадлежность к еврейству в последние 2 года стала вменяться в особое тягчайшее преступление. Для наших товарищей евреев почти исключительным местом ссылки оказывается необитаемая [2]) Якутская область, а срок ссылки за самые пустые подозрения колеблется между 5 и 10 годами. Перед такой бесцельной жестокостью, перед таким не имеющим смысла нарушением начал справедливости, нравственности и даже политики русская политическая ссылка останавливается в грустном недоумении. Что в нас вы, ваше величество, видите врагов и неразборчивы в средствах борьбы с нами, это понятно. Но с какой точки зрения можно объяснить это истинно варварское гонение евреев? Играют ли евреи, как таковые, какую-нибудь особенную, выдающуюся роль? Пересмотрев все программы революционных партий, ваше величество легко можете убедиться, что какие бы разногласия нас ни делили, мы все стремимся исключительно к социально-политическим целям, не преследуя никаких религиозных задач. А если так, то для чего такое преследование? Существование революционного движения нисколько не связано с тем, принимают

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В подлиннике: «Необобобитаемая».

ли в нем участие евреи или нет. На этой мысли русская политическая ссылка особенно настаивает потому, что непонимание ее есть образчик того, до чего мало продумана и целесообразна система мер борьбы против нас, ныне практикуемая. Русское политическое движение есть продукт русской жизни; отменяя понемногу суды, самоуправление, печать, возможность школы и науки, свободу самоопределения и выбора занятий русских подданных, ваше величество только скрепляет союз русского общества с его передовой дружиной — революционными группами. С последними вы все более и более связываете насущные, неотъемлемые интересы и таким образом служите близкому торжеству вашего врага — революции. Не в ваших ли интересах локализация борьбы с нами? Мы ее требуем во имя справедливости, хотя и вопреки нашим интересам. Преследование наших товарищей евреев не может тоже найти свое оправдание в желании регулировать те грустные отношения, которые еще недавно подали повод к антиеврейским беспорядкам. Народный протест был направлен против эксплоататорских слоев евреев; в существовании особых черт, придающих острый характер еврейской эксплоатации, уже, конечно, повинны исторические условия, в частности деятельность императорского правительства. Чтобы покончить эти грустные отношения, правительство вашего величества ничего однако не сделало. Систематически суживая права еврейства, всячески оттирая его от земледелия и возможности интеллигентного развития, закрывая перед ними двери школы, государственного и общественного служения, русское правительство само толкает большую часть евреев на путь исключительного эксплоататорства, а меньшую, лучшую — на дорогу социально-политического протеста. Имея это в виду, русская политическая ссылка энергично протестует против выделения ее членов товарищей из ее общей среды.

10. Условия жизни политической каторги — таков последний, но самый важный перечисляемый пункт в нашем протесте. Произвол и безграничная месть, тут царящие более чем где-либо, таковы, что без боли и страха за человека говорить невозможно. Каторга — отжившее свое время [1]) пытки, мучительства и мрака. Приговор к ней — дело страшное, а между тем ваше величество, где свидетели, где документы того, как судили наших товарищей, там сидящих. Но где они? Сидят ли они подлинно? Много ли там отбывающих наказание еще не психически больных, еще не чахоточных и неизлечимых? Где они? Кто в мрачных стенах Шлиссельбурга и других таинственных постах [1]), кто на Каре, а кто на Сахалине. Чем мотивируется такое размещение? Почему их положение бесконечно хуже и подвластнее положения уголовных каторжных? Почему многим женам из них не разрешено даже и следовать с ними? Почему они голодают, и нам, их товарищам, не позволяют делиться с ними средствами? Закон делит каторгу на три срока, сообразно которым тяжесть наказания и [1]) уменьшается. Отчего к нам не применяются или применяются произвольно эти статьи закона? Закон различает каторгу в крепостях, рудниках и на заводах, сопровождая более тяжелые виды заключения уменьшением срока отбывания каторги. Отчего по отношению к нашим братьям это только хорошие слова? Сколько могли бы мы перечислить людей, которым по закону следовало бы быть давно на воле, а они томятся еще в Шлиссельбурге! Томятся ли еще? Или новый дом умалишенных спрятан в какой-нибудь тайне? В виду заключенных, в виду убитых, в виду горя и стыда русская политическая ссылка умолкает. Русская политиче-

[1]) Так в подлиннике.

ская ссылка протестует против бесчеловечности, произвола и насилия, которым подвергаются наши братья и сестры каторжане. Русская политическая ссылка против вашего величества протестует и апеллирует ко мнению народа и всего мира. Сегодня русская политическая ссылка протестует, а потом нашу борьбу рассудит история.

Верно: начальник тобольского губ. жанд. управления полковник Афанасьев.

«Красная гвардия» в Риге в 1906 г.

В период 1905—1907 гг. для активного сопротивления наступающей контрреволюции организовывались почти при каждой революционной партии боевые объединения, так называемые «боевые дружины». По всей обширной б. царской России боевых дружин насчитывалось тогда сотни. В одной маленькой Латвии их количество исчислялось десятками.

Дружины имели свой устав, планы работ, средства, боевые запасы и т. д. Жизненный срок боевых дружин был весьма короток, в среднем редко превышая несколько месяцев. Виселицами, расстрелами, каторгой расправлялось царское правительство за принадлежность к боевой дружине.

Публикуемые ниже документы относятся к одной из таких дружин, именно к боевой группе рижской социал-демократии, организовавшейся в 1906 г. под названием «Красная гвардия» и просуществовавшей, как и другие, подобные ей в этот период, недолго. Здесь печатаются: донесение начальника рижской охранки подп. Васильева в департамент полиции от 5 декабря 1906 г. с изложением истории возникновения боевой дружины, прокламация и первая часть проекта устава «Красной гвардии». Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве (дело деп. пол., ос. отд., № 20, ч. 85, 1906 г. «О боевой группе «Красной гвардии» в Лифлянд. губернии»).

14** *Л. Браже.*

Донесение жанд. подполк. Васильева директору деп. полиции от 5 декабря 1906 г. № 493 [1]).

Секретно.

В начале ноября месяца с. г. в Риге начала организовываться группа под названием «Красная гвардия», члены которой до настоящего времени не выработали окончательно своей программы и устава. Группа эта считает себя частью социал-демократии Латышского края, хотя означенная революционная организация не только не признает ее, но даже игнорирует как просто разбойничью шайку.

1 ноября с. г. в «Весеннем обществе» [2]) на Паровой улице состоялось первое совещание членов «Красной гвардии», по инициативе ученика реального училища Отто Юрьева Майзита и рабочего Карла Кришева Аузина.

На этом совещании обсуждался проект устава и программа, равно и выпуск первой прокламации, но к окончательному решению собрание не пришло. Обсуждение этих вопросов продолжалось 8-го, 12-го и 15-го ноября с. г. в том же «Весеннем обществе» и также на Мал. Молочной улице, № 10, кв. 23, занимаемой рабочим Карлом Аузиным.

---

[1]) На подлиннике помета: «Особ. отд. 7 дек. 1906. Вх. № 40789».

[2]) Благотворительное латышское общество.

На последнем заседании вышеупомянутый Майзит и Ян Фридрих Мартынов Террин, рабочий с завода «Проводник», избраны в ЦК «Красной гвардии», с возложением на них обязанностей вести все дела гвардии.

Названные лица приняли проект первой прокламации и решили напечатать таковую в количестве 2000 экземпляров в типографии арестованного ныне Яна Брегиса.

На этом же собрании Майзиту был поручен заказ штемпеля «Красной гвардии», а также роздан был присутствующим проект устава и бланки для сбора пожертвований на цели «Красной гвардии».

На собрании 20 ноября с. г., состоявшемся на Малой Молочной улице, № 10, кв. 23, было решено, ввиду арестования Брегиса, напечатать прокламацию на гектографе и произвести несколько экспроприаций.

Для последней было намечено несколько лиц, например: бухгалтер фабрики «Нерковице» на Красной Двине и владелец консервной фабрики на Малой Молочной улице, № 10, но задуманные экспроприации не удались: первая, ввиду невыхода бухгалтера, а вторая потому, что экспроприаторы по ошибке напали на другое лицо, у которого не было денег, и потому они ограничились отнятием у него револьвера системы «Смит и Вессон», предложив ему под угрозой смерти не заявлять о случившемся полиции. Револьвер передан Майзиту, у которого в настоящее время и хранится. Заявление же об ограблении кого-либо в этот день, действительно, в полиции не получено.

Наконец, 25 ноября была выпущена первая гектографированная прокламация «Красная гвардия», два экземпляра которой вместе с переводом при сем прилагаю.

Подполковник Васильев.

I

Перевод с латышского [1]).

Красная гвардия рижских социал-демократов.

Всем.

Товарищи! В городе Риге создана Красная гвардия, основная задача которой — организоваться в дисциплинированную боевую единицу, при соблюдении программы социал-демократов. Красная гвардия должна знать все виды боя, чтобы с успехом бороться с реакционными и вредными элементами общества, карая их или, при надобности, отправляя даже на тот свет.

Самодержавие силой хочет удержать правительственные вожжи в своих руках. Оно силою старается погубить всякого выразителя народной воли тюрьмами, истязаниями, расстрелами и при помощи виселиц. Это все делается для того, чтобы выжать у народа последние капли крови и тем удержать за собою жестокую власть.

Товарищи! Можем ли мы смотреть на все это равнодушно, можем ли мы быть глухими и не слышать тех воплей, которыми наполнена вся Россия? — Нет, товарищи! Мы этого не можем. Мы должны организовать наших единомышленников и призвать их к борьбе. Мы должны организовать бойцов за свободу — Красную гвардию. Лишь Красная гвардия прекратит деятельность шпионов. Лишь она положит предел изменникам дела рабочих...

Товарищи! Организуйтесь в Красную гвардию! Ведите к сознанию несознательную народную массу. Только организованным путем мы будем в силах нанести снова удар самодержавию и окончательно его сокрушить.

---

[1]) Приведенный в публикуемом деле жандармский перевод прокламации изобилует искажениями и неясностями; поэтому мы даем здесь наш перевод с латышского текста, находящегося в том же самом деле. — *Л. Б.*

Пусть правительство не обольщается, что своей кровавой лапой оно нас задавило навсегда! И мы готовимся праздновать кровавую свадьбу! И мы умеем проливать кровь! Товарищи, нашим лозунгом будет всегда: «Смерть приверженцам правительства!»

Да здравствует вооруженное восстание!

Да здравствует социал-демократия!

Организационный Комитет Красной гвардии [1]).

II

Перевод с латышского [2])

Рижская социал-демократическая Красная гвардия.

Проект устава.

1. Членом Красной гвардии может быть каждый социал-демократ, признающий ее устав и занимающийся в одной ее организации.

2. Члены Красной гвардии организуются по месту своего жительства в группы, не более десяти человек в каждой, с избранным из своей среды представителем во главе.

3. Представители групп избирают из своей среды Комитет, на который возлагается управление организацией.

Примечание: В случае, если кто-либо из членов Комитета оказывается неспособным, на его место избирается другой.

4. Красная гвардия организуется из добровольных членов.

5. Каждый член Красной гвардии должен строго сохранять конспирацию. Нарушающие конспирацию наказываются согласно решения членов организации.

6. Обязанность организации Красной гвардии — вести социал-демократическую агитацию посредством как устной, так и частной [1]) пропаганды.

7. Обязанности членов Красной гвардии — собирать средства на устройство организации, издания литературы и агитации.

8. Члены Красной гвардии, имеющие оружие, должны передать таковое в распоряжение организации.

9. Члены Красной гвардии обязаны ограничить деятельность вредных для общества элементов и т. д.

(Первая часть проекта устава.)

Рижская социал-демократическая Красная гвардия.

Перевел: Ян... [2]).

Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

Печатаемые ниже несколько документов из истории революционного движения в армии в 1905—1906 гг. представляют интерес как со стороны содержащихся в них фактических данных, так и в том отношении, что имеющиеся на них резолюции Николая Романова довольно ярко вскрывают отношение последнего к попыткам солдатской массы облегчить свое тяжелое положение.

Резолюции Николая Романова на представлявшихся ему всеподданнейших рапортах и докладах о революционной пропаганде и революционном движении в войсках носят, в общем, однообразный и в то же время довольно решительный характер.

«Не хорошо», «Чорт знает, что за срам!» — так Николай реагировал на солдатские «бунты» в армии, но во многих случаях он рекомендовал применять беспощадную расправу, как единственный выход из создавшегося

[1]) На нижней стороне воззвания справа круглая печать: «Красная гвардия рижской социал-демократии».

[2]) Перевод подлинника.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Неразборчиво.

положения. «А энергичные меры?» «Расшевелите суд», «Нужно поступить с виновниками по всей строгости закона. Я этого требую»,— вот царские рецепты борьбы с революционным движением.

Публикуемые документы воспроизведены здесь с подлинников, хранящихся в Военно-Историческом Архиве в Москве (фонд гл. штаба, 1905 г., дело «С высоч. резолюциями государя императора по делу о революционной пропаганде и беспорядках в войсках», арх. № 229).

Крицман.

Рапорт Николаю Романову командира 252-го Анапского рез. батальона от 2 декабря 1906 г., № 4503.

«Собственною его величества рукою написано: «Подробности, касающиеся знамени, мне в особенности не нравятся».

6 января 1906 г. Генерал-лейтенант [подпись].

Его императорскому величеству.
Командира 252-го Анапского резервного баталиона

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 16 ноября в 6 часов вечера, из казарм вверенного мне баталиона по телефону было сообщено, что нижние чины, вооружившись ружьями и разобрав караульные патроны, взломавши ящики, в которых они хранились, собираются на плацу возле казарм. Как потом оказалось, собравшись на плацу и кем-то руководимы, бросились в помещение арестованных, сломали двери карцеров и выпустили арестованных. Все увещания дежурного по баталиону офицера не имели никакого успеха. Все нижние чины, усилив баталионный караул для охраны складов и порохового погреба, оставив дежурных и дневальных в ротах, направились в город к моей квартире. Когда я получил доклад по телефону, то сейчас же отдал письменное приказание гг. офицерам немедленно прибыть в казармы к ротам, а сам поехал с докладом о происшествии к начальнику гарнизона. Возвращаясь от начальника гарнизона в казармы, я узнал что нижние чины баталиона находятся около моей квартиры, куда и направился. Подъезжая к квартире, увидел, что нижние чины за исключением 1-й роты, которая в это время была в командировке на станции «Кавказской», выстроены вдоль улицы против моей квартиры; я остановился и обратился к ним со следующими словами: «Скажите, братцы, что вам нужно и что вы делаете?» На мой вопрос ответило несколько голосов, что «мы пришли вам заявить наши требования, просим выслушать их и выполнить». Вслед за этим нижние чины окружили меня, и один из них, который, как мне казалось, был не солдат, а кто-то переодетый, начал говорить о том, что солдаты требуют улучшения пищи, хорошей и более теплой одежды, вежливого обращения, беспрепятственного ухода из казарм по своим надобностям, немедленной выдачи денег, собранных жителями гор. Екатеринодара в благодарность за их службу по охране города, выписывать для них не только журналы: «Досуг и дело» и «Чтение для солдат», но и другие газеты, для осведомления их о текущих событиях, заявляя при этом, что они от службы не отказываются и против присяги поступать не будут. Остальные же нижние чины стояли тут же и одобряли требования говоривших. В заключение всего настоятельно потребовали, чтобы знамя хранилось не у меня на квартире, а при баталионе. На все вопросы я ответил: все то, что будет возможно и не противозаконно, мною будет сделано, но при этом заметил, что избранный ими способ и время заявления требований противозаконно; что касается знамени, то таковое у меня хранится на основании устава, но, имея разрешение начальника бригады, я могу просьбу вашу

исполнить и знамя перенести в канцелярию баталиона,— что мною и было исполнено лично. Кроме вышеизложенного нижние чины тут же мне заявили, что требования их изложены письменно и завтра вручат мне их в присутствии начальника гарнизона.

После того как знамя принесли в помещение баталионной канцелярии, мною было приказано нижним чинам немедленно возвратиться в казармы, что ими и было исполнено. Вслед за этим я собрал гг. офицеров и отдал приказание: завтра, т. е. 17 ноября, явиться к $8^1/_2$ час. утра в казармы баталиона. Утром 17 ноября я отправился к начальнику гарнизона генерал-лейтенанту Одинцову доложить о всем случившемся и просить приехать в казармы согласно просьбы нижних чинов. Затем я отправился в казармы и узнал, что нижние чины построились на плацу, не допуская гг. офицеров в черту казарменного расположения кроме меня и младшего штаб-офицера баталиона. В 10 часов утра прибыл начальник гарнизона, которому нижние чины вручили письменное заявление, состоящее из 40 пунктов-требований. Но несмотря на увещания, лично мои и начальника гарнизона, прекратить беспорядок, нижние чины заявили, что они до тех пор не допустят в казармы гг. офицеров и не успокоятся, пока не будут удовлетворены их требования.

18 ноября в город Екатеринодар прибыл вр. командующий корпусом генерал-лейтенант Жиляй вместе с начальником 63 пехотной резервной бригады, которому нижние чины заявили те же требования, какие предъявляли раньше. В настоящее время нижние чины баталиона приведены к полному повиновению, занятия и отправление службы возобновлено в полном объеме. По приказанию вр. командующего корпусом, будут уволены 5 сего декабря в запас армии задержанные нижние чины призыва 1901 и 1902 годов. Следствие о происшествии производится.

О вышеизложенном не было донесено своевременно по причине забастовок почты и правительственного телеграфа.

Полковник Лучинский.

2 декабря 1905 г., № 4503.
гор. Екатеринодар.

Рапорт Николаю Романову командира 2-го Таманского полка от 12 февраля 1906 г., № 494.

Его императорскому величеству командующего 2-м Таманским полком Кубанского казачьего войска

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 6 сего февраля около 7-ми часов вечера на станции Клинцы, Черниговской губернии, к группе казаков 3-й сотни вверенного мне полка, во время погрузки, на пути следования в город Чернигов, подошел учитель технического училища посада Клинцы Булавинов и, указывая на теплушки-вагоны, в которых они должны будут расположиться, стал говорить казакам, что они имеют право требовать себе такие же вагоны, как и поданный для офицеров и, если они — не наемные войска, то не станут ехать в вагонах для свиней, а когда казаки стали ему возражать, то он ответил им, что они — свиньи, а с свиньями не стоит и говорить, за что казаки, около 20 человек, сильно избили его [1]).

О всем вышеизложенном составлен жандармом протокол.

Войсковой старшина

Толстопят.

№ 491.
12 февраля 1906 г.
г. Минск.

---

[1]) На подлиннике помета: «Собственною его величества рукою написано: «Правильно». 18 февраля 1906 г. Ген.-лейт. Редигер».

Рапорт Николаю Романову ком. 1-го л.-драгунского Московского полка от 18 апреля 1906 г., № 62.

Собственною его величества рукою написано: «Не хорошо».

23 апреля 1906 г. Ген.-лейт. [подпись].

Его императорскому величеству командира 1-го лейб-драгунского Московского императора Александра III полка

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в воскресенье 16 сего апреля, в 5-м часу вечера, близ Залогинской фабрики у гор. Твери, уездной полицией были задержаны пять нижних чинов 5-го эскадрона вверенного мне полка за подстрекательство рабочих к забастовке и раздачу прокламаций преступного содержания, причем один из них оскорблял особу вашего императорского величества и начальствующих лиц.

Тотчас на фабрику был командирован полковой адъютант корнет Лопацинский со взводом от 1-го эскадрона, при корнете Золотареве, для принятия арестованных и производства дознания.

Придя на фабрику, корнет Лопацинский принял арестованных нижних чинов, которые оказались рядовыми 5-го эскадрона: Петр Салтыков, Андрей Вихарев, Прокофий Шубин, Яков Богаченок и Степан Пестов. Означенные нижние чины были отправлены в казармы под конвоем взвода, где были сданы дежурному по полку офицеру для арестования.

17 сего апреля в казармы полка был выслан главный свидетель стражник Дудкин, который указал еще на двух нижних чинов — ряд. 5-го эскадрона Ивана Топорищева и 4-го эскадрона кузнеца ряд. Антона Баранецкого, бывших там, а также им было указано, кто из арестованных нижних чинов что говорил.

У рядовых Салтыкова и Пестова были найдены прокламации преступного содержания.

О вышеизложенном произведено дознание.

Полковник Хмелев.

№ 62.
18 апреля 1906 г.
г. Тверь.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 24 мая 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Молодец ген. Давыдов».

25 мая 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Командующий войсками Одесского военного округа генерал-от-кавалерии барон Каульбарс военному министру, от 24 сего мая за № 490, из Одессы, телеграфирует следующее:

«В дисциплинарном баталионе в Херсоне две роты выломали двери, выбросили и жгли постельные принадлежности; вообще вышли из повиновения; появление пулеметов и отряда пехоты и вновь проявившаяся энергия и сила воли генерала Давыдова положили конец беспорядку».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

24 мая 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 29 мая 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Как может подобное случиться в *старой боевой части*? Очевидно, надзор за внутренним порядком отсутствует. Командир полка должен понести законную кару, до отрешения от должности включительно».

30 мая 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Всеподданнейше представляю при сем вашему императорскому величеству копию с телеграммы начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта Маврина от 29 сего мая за № 745 о беспорядках в 33 пехотном Елецком полку.

Генерал-лейтенант Редигер.

29 мая 1906 г.

Копия с телеграммы начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта Маврина военному министру от 29 мая 1906 г. за № 745, из Киева.

361. Командующий войсками утром получил от полтавского губернатора телеграмму. Елецкий полк взбунтовался, положение очень серьезное, просит присылки войск. Вслед получена телеграмма от генерала Ждановского, — сегодня на зорю Елецкий полк вышел с ружьями и, подстрекаемый агитаторами, несмотря на убеждение командира полка, в 12 часов ночи с музыкой и стрельбой направился в казармы Севского полка. Севский и остальные части были построены на площади. Бунтовщики, не найдя севцев, повернули обратно в казармы, куда посланы командир полка и офицеры для водворения порядка; утром ожидается продолжение беспорядков. Командующий войсками, предназначив к командированию в Полтаву пять эскадронов стародубцев, два баталиона днепровцев и конногорную батарею, срочно запросил генерала Ждановского о положении дела и требуется ли присылка войск. Только-что получена телеграмма командующего дивизией генерала Полковникова: «Елецкий полк произвожу опрос претензий и расследование». Командующий войсками сегодня выехал по заранее составленному маршруту пароходом в Кременчуг и Полтаву, для осмотра 9 пех. дивизии, командировав непосредственно прямо в Полтаву помощника своего, генерала Шмита; вероятно, генерал Полковников выехал заранее навстречу командующему в Кременчуг и, получив сведения из Полтавы, возвратился обратно в Полтаву и донес.

Начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант

Маврин.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 8 июня 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Чорт знает что за срам!»

8 июня 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Командующий войсками Одесского военного округа генерал-от-кавалерии барон Каульбарс, от 7-го сего июня за № 751, из Одессы, военному министру телеграфирует следующее:

«Под влиянием первого баталиона 6 июня две роты 2-го крепостного артиллерийского баталиона в Севастополе также перестали повиноваться; они обезоружены 7-го утром; покуда подробностей не имею; посылаю в Севастополь две роты одесской крепостной артиллерии».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

8 июня 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 28 июня 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Н у ж н о поступить с бунтовщиками по *всей строгости законов*. Я этого требую. Затем лишить полк штандарта».

Временно командующий 7-м запасным кавалерийским полком от 26 июня из Тамбова на имя вашего императорского величества (по главному штабу, о происшествии) шифрованною телеграммою доносит следующее (телеграмма получена 27 июня):

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что после арестования трех главарей сопровождающий караул, ослушавшись офицера, не дойдя до тюрьмы, вернулся в полк и вместе с арестованными. 7-й, 8-й и 9-й эскадроны из городских казарм пришли к штабу полка в полном боевом вооружении. Люди первых шести эскадронов вышли в ружье против пришедших на усмирение двух рот Кром-

ского и Борисоглебского полков, эскадрона нежинцев и сотни казаков; бунтовщики открыли стрельбу, продолжавшуюся с половины второго до двух часов дня. Убит Борисоглебского полка ротный командир 8-й роты капитан Горецкий; в командуемом мною полку легко раненых три нижних чина; у нежинцев убито 4 лошади, две ранены. Пехота, эскадрон 52-го драгунского Нежинского полка и казаки отступили и стали в засаде. Перестрелка прекратилась. Покорности не изъявляют. Настроение до крайности возбужденное. Офицеры остаются до конца при штандарте. № 58».

Об изложенном всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству.

Генерал-лейтенант Редигер.

28 июня 1906 г.

Всеподд. доклад военного министра г.-л. Редигера от 24 августа 1906 г.

Собственною его величества рукою написано: «Распорядитесь суд в Севастополе, дабы дело о крепостной артил. скорее окончилось».

25 августа 1906 г. Ген.-лейт. Редигер.

Всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству две копии шифрованных телеграмм относительно принятия мер на случай нового бунта Черноморского флота.

1-я — отправленной мною командующему войсками Одесского военного округа, от 22 сего августа за № 542, и 2-я — ответной от генерала-от-кавалерии барона Каульбарса, от 23 того же августа за № 17945 [1]).

Генерал-лейтенант Редигер.

24 августа 1906 г.

Рапорт Николаю Романову и. д. коменданта г. Тулы от 28 августа 1906 г., № 11523.

Его величество изволил читать и собственноручно начертать: «Энергичные меры».

Его императорскому величеству исправляющего должность коменданта города Тулы

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что в 6 часов вечера 27 сего августа, когда дежурный по караулам удалил посторонних нижних чинов, разговаривавших через окно с арестованными на городской гауптвахте, арестованные в общей камере гауптвахты нижние чины, в числе 5 человек, произвели буйство, причем поносили имя вашего величества, сорвали икону и топтали ее ногами, плевали через решетку в лицо дежурному по караулам офицеру, ругая площадною бранью его, часового и прочих чинов караула. Кроме того, у себя в камере они поломали оконные рамы и побили стекла. Производится дознание.

Полковник Эртель.

№ 11523.
28 августа 1906 г.
г. Тула.

[1]) Телеграмма в деле отсутствует.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Мякаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Россия и Алжезирасская конференция. С предисловием *А. Еругалиевского* . . . . . 3— 61

Февральская революция в Петрограде (23 февраля—1 марта 1917 г.) С предисловием *Ф. Д.* . . . . . 62—102

25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) . . . . . 103—147

В штабе адм. Е. И. Алексеева. (Из дневников Е. А. Плансона). С предисловием *А. Попова* . . . . . 148—204

Из запасной книжки архивиста

Проект протеста русской политической ссылки в 1886 г. С предисловием *Ф. Кона* . . . . . 205—213

«Красная гвардия» в Риге в 1906 г. Сообщил *Л. Брамсон* . . . . . 213—215

Николай Романов о революционном движении в армии в 1905/1906 гг. Сообщил *Крицман* . . . . . 215—220

Цена 4 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова и М. Н. Покровского.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 ТОМОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 15 руб., на полгода — 7 руб. 50 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 3 руб.

Центральная ... Бюро международного книгообмена ... Государств.

Журнал ставит своей целью опубликование неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории литературы, быта и культуры.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

В 1930 г. в „Красном архиве“ будут опубликованы следующие материалы и статьи по неизданным архивным документам:

1. По истории **внешней политики и революционному движению за границей**: 1) Турецкая революция 1908 г., 2) Алжезирасская конференция, 3) Царская Россия и Монголия накануне мировой войны, 4) Вступление Италии в мировую войну, 5) Парижская коммуна 1871 г. в донесениях русских дипломатов, 6) Берлинский конгресс 1878 г. и др.

2. По истории **Октябрьской революции и гражданской войны**: 1) Красная гвардия в Москве, 2) Организация Советской власти после Октября (по донесениям комиссаров), 3) Перекоп и ликвидация врангелевщины, 4) Комитет общественной безопасности в Петрограде в Октябрьские дни, 5) „Ставка“ Керенского в Октябре 1917 г., 6) Деникинщина и врангелевщина по материалам Парижского „посольства“ Врем. Правительства (архив Маклакова), 7) Сибирская контрреволюция, 8) Английская интервенция на севере, 9) Церковная контрреволюция (документы из архива Всероссийского Поместного собора 1917 г., синода и др.).

3. По истории **революционного движения до Октября**: 1) 9 января 1905 г. и армия, 2) Записки Хрулева, Потоцкого и др. о мерах борьбы с крестьянским движением в 1905 г., 3) Из дневника Льва Тихомирова за 1905 г., 4) Совет министров и революция 1905 г. (из архива бар. Нольде), 5) „Союз союзов“ в 1905 г., 6) Выдача с.-д. депутатов 2-й Госуд. Думы (из протоколов комиссии Госуд. Думы и парламентской фракции кадетов), 7) Трудовики во 2-й и 3-й Госуд. Думе, 8) П. Б. Струве во время империалистической войны, 9) Из архива Ц. К. кадетской партии и П. Н. Милюкова (совещание Ц. К. и местных организаций кадетов в августе 1906 г., конференция кадетов 6—8 июня 1915 г., переписка кадетских лидеров во время войны), 10) Февральская революция в Петрограде (из документов Военной комиссии Врем. Комитета Госуд. Думы), 11) Покушение А. К. Соловьева на Александра II, 12) Лорис-Меликов и Адриан Михайлов, 13) Из переписки В. К. Плеве с Лорис-Меликовым, 14) Записка Валуева Александру II в 1861 г. „об охране внутренней безопасности государства“, 15) Всеподд. ежегодные отчеты III отделения об обществ. настроении, крестьянском и рабочем движении, 16) Польское восстание 1830 г. и др.

Кроме того, в 1930 г. в „Красном архиве“ будут напечатаны: 1) Извлечения из дневников К. К. Романова, 2) Дневники Половцова, Ламздорфа и др., 3) Из архива А. А. Бобринского, 4) Из материалов архива жанд. ген. Новицкого, 5) Дневник Плансона о мирных переговорах в Портсмуте и др., а также ряд вновь найденных **историко-литературных** материалов: 1) Новые документы об А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском и др., 2) Неопубликованные показания Ф. М. Достоевского на процессе петрашевцев, 3) Из архива А. П. Чехова, 4) Неизданные отрывки из произведений и письма И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Москва, Центр, Ильинка, 3, тел. 4-87-19, Периодсектор Госиздата; **Ленинград**, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, Ленотгиз; в отделениях, магазинах и киосках Госиздата; у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, в почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев.